

ТАЙНА МИСТЕРА ВИЗЕЛЯ

Альманах
научно-фантастических
рассказов

БИБЛИОТЕКА „ТЕХНИКА — МОЛОДЕЖИ“

ТАЙНА МИСТЕРА ВИЗЕЛЯ

Альманах научно-фантастических рассказов

МОСКВА
«ТЕХНИКА—МОЛОДЕЖИ»

1990

Составители: М. ПРАХОВ, Л. КИРЯКОВ

Перевод З. А. БОБЫРЬ

Художник В. И. БАРЫШЕВ

Г. Б. ФАЙФ

ЦЕННОСТЬ УСЛОВНА

Рилат был очень разочарован пустынностью планеты. Вдобавок это была единственная планета среди спутников небольшой белой звезды в Секторе 12, от которой вообще можно было чего-нибудь ожидать.

— Здесь пусто, совершенно как у нас на Олитре, — обратился он мыслью к Акиро. — Только какие-то кустики и мхи. Неудивительно, — при таком мглистом освещении...

Он задвигал всеми четырьмя зрительными сяжками, словно желая присмотреться к невысоким холмам, видимым на телеэкране. Но сверху не было заметно никаких следов жизни. Высадку сделали только потому, что Акиро обнаружил излучение. Это могло означать каких-нибудь обитателей, что обычно связывалось с наличием земледелия.

— Может быть земледелие у нас искусственное, — подумал Акиро, приподнимая свое конусообразное, матово-серое тело на плоских концах восьми шупальцев.

Энтузиазм, однако, полностью покинул его, когда они присмотрелись к поверхности планеты поближе.

— Проверь-ка и ты, — обратился он мыслью к Рилату. — А я подкреплюсь.

Из запертого шкафчика он достал немного синтетической пищи и пластиковый тубик с жидкостью. Он держал серую массу в двух маленьких ротовых шупальцах, а двумя остальными вливал жидкость себе в рот.

— Как ты можешь есть такую гадость? — с легким отвращением обратился к нему Рилат. — И что будет, если мы выйдем из корабля, а тебе станет плохо в вакуум-скафандре?

— Нужно возобновлять свои энергетические запасы, — возразил с довольным видом Акиро.

Рилат показал ему изображение красного пламени.

— Ты уже почти поперек себя шире, — добавил он.

Но не успел он придумать еще какое-нибудь ядовитое замечание, как Акиро смахнул остатки пищи на пластиковый пол и быстро подкатился к наблюдательным экранам. Это была его специальность, и он никогда не спускал с экранов хотя бы одного глаза.

— Есть что-нибудь? — спросил Рилат.

— Приближается излучение, — ответил Акиро. — Кажется, корабль.

Некоторое время он возился с указателями аппаратуры, потом подал Рилату координаты для телеэкрана. Догадка оказалась верной — это приближался космический корабль. Не с Олитры, судя по вытянутой форме. Теперь он кружил низко над поверхностью.

— Только один, — сообщил Акиро, — Дадим им сигнал о посадке?

— Конечно, можно, — согласился Рилат.

Он всполз на сиденье пилота и прикоснулся к нескольким рычагам. Серия ракет взлетела до разреженных слоев тонкой атмосферы планеты и взорвалась там приветственным знаком, принятым в Галактическом коде.

Чужой корабль отскочил от поверхности с огромным ускорением, но, прочитав высланное ракетами приветствие, направился — теперь уже медленнее — к олитранскому кораблю. Рилат удовлетворенно кивнул.

— Если они умеют маневрировать, то должны быть достаточно высокоразвитыми. Может быть, они знают что-нибудь о необитаемых планетах, откуда можно будет добыть растительности для нашего бесплодного мира?

Акиро молчал, занятый переводом ракетных сигналов, высланных чужим кораблем. Он исследовал спектр излучения, чтобы проверить свои зрительные впечатления. Не все существа в пределах известной уже Галактики видят под влиянием одних и тех же стимулов одни и те же образы.

— Покажи им опознавательный знак, — обратился он к Рилату. — Они говорят, что прибыли со звезды, в... кажется, в Секторе 14. Сейчас я просмотрю список... Вот оно: Соль (Солнце), девять крупных планет, из них три насе-

ны господствующей расой. Принадлежит к Федерации Сектора 14. Классификация: цивилизованные.

— А что они делают в Секторе 12?

— Об этом нельзя спрашивать, — упрекнул его Акиро. — Может быть, они думают то же о нас.

Рилат реагировал сердитой мыслью, но, в сущности, признал правоту Акиро.

— Лучше всего будет, если мы пригласим их сюда, — подумал он в ответ. — Только на всякий случай приготовим складной шатер, а то они могут явиться в какой-нибудь неподходящей одежде.

Чужой корабль вскоре опустился, вызвав своим маневром полный восторг Рилата, а затем двери шлюза открылись. Так как олитраны поставили свой шатер на слабо освещенной песчаной местности, в некотором отдалении от корабля, и не знали, каким зрением обладают чужаки, то зажгли, чтобы обозначить место, переносную световую трубку.

Из чужого корабля вышли двое чужаков. Они двигались по неровному грунту. У них было по четыре крупных щупальца, из которых два служили для передвижения. Рилат решил, что их вакуум-комбинезоны и личное снаряжение выполнены хорошо, хотя и снабжены множеством ненужных украшений. Никаких приборов он не заметил, из чего заключил, что они где-нибудь спрятаны.

— Видишь, как легко они бегут, — обратился он к Акиро. — Должно быть, происходят с довольно большой и тяжелой планеты.

Соляриане приблизились, и Рилат пригласил их в шатер. У Акиро был с собой тепловой трансформатор, дававший в качестве побочного продукта пригодный для олитран воздух. Трансформатор включили, и они сняли верхнюю часть своих скафандров.

Более рослый из соляриан, пользуясь Кодом Жестов, выразил восхищение конструкцией шатра. В верхней части скафандра у него было шарообразное устройство, отчасти прозрачное, и Рилат заметил внутри что-то неясное — вероятно, лицо.

Черты у этого лица были довольно примитивные, без всяких органов у рта, поэтому Рилат не мог понять, каким образом соляриане питаются. Единственная пара глаз была добавок ограничена тем, что располагалась в голове неподвижно.

— И все-таки, — подумал Рилат, — им явно удалось преодолеть все свои недостатки. Снаряжение у них может

оказаться даже более совершенным, чем наше. Мне кажется, что они развиты умственно довольно высоко.

— О чем он тебя спрашивал? — обратился к нему Акиро, когда он ответил на дальнейшую жестикуляцию солярианина.

— Он удивлялся, что мы так быстро поставили шатер, и хотел узнать, как действует трансформатор.

— По-видимому, они этого не знают, — заметил Акиро.

— Вероятно, знают, потому что перестали интересоваться когда я объяснил им принцип действия и способ получения всех химических элементов в качестве отходов.

— Какие у них опознавательные знаки?

Передними шупальцами Рилат выполнил новую серию жестов. Солярианин ответил ему тем же.

— Тот, что с красноватой шерстью на голове, называется Портной, или, вернее, Ткач. А другой называется в приблизительном переводе Сильная Верхняя Конечность.

Потом Рилат пустился обмениваться с более высоким из соляриан общей информацией. Меньший же приглядывался к шатру, явно заинтересовавшись. Особенно его поразил способ поддержки потолка сжатым воздухом изнутри, и он несколькими жестами сигнализировал Акиро о своем восхищении простым, но эффективным входным шлюзом. После первых объяснений он совершенно перестал заниматься тепловым трансформатором.

В беседе между Рилатом и Ткачом выяснилось, что соляриане тоже относятся к числу существ, дышащих кислородом, но что им нужен гораздо более плотный воздух, чем их хозяевам. Сюда они явились исключительно с торговыми целями. Рилат сообщил, что они с Акиро составляют лишь маленькую разведочную группу. Тогда солярианин предложил обменяться сувенирами.

— Может быть, они могут сказать нам о планете, какую мы ищем? — мысленно обратился Акиро к Рилату.

— С нашей стороны было бы неразумно выказывать чрезмерное любопытство. Они могут заломить неслыханную цену, если мы скажем, что нам нужна растительность.

— Но и скрывать это было бы неэтично, — возразил Акиро.

Рилат нарисовал в мыслях образ глупого щенка и заявил, что совершенно чуждым существам нельзя оказывать излишнее доверие.

— У нас будет время позаботиться об этом, — добавил он, — когда мы познакомимся с ними поближе. Кроме того,

Ткач приглашает нас посетить их корабль. Таким образом мы сможем узнать о них побольше.

Они вышли из шатра по одному. Соляриане, гораздо более крупные, с трудом протиснулись сквозь шлюз. Затем они повели олитран к своему кораблю, причем учтиво сдерживали шаг, чтобы те могли поспеть за ними. Корабль соляриан был вполне на уровне их снаряжения. В той части, куда они вошли, все было делом замечательной техники. Рилата поразила роскошь разделения корабля на жилую часть и отсек управления.

— Очевидно, — подумал он, — они, как купцы, могут позволить себе такой размах.

— Что он думает? — спросил Акиро, увидев, что Ткач обращается к Рилату с оживленной жестикуляцией.

— Просит нас поглядеть на образцы их грунта. Кажется, он не теряет надежды купить у нас что-нибудь.

Солярианин с рыжей шерстью на голове повел их в соседнее отделение. Из любопытства они последовали за ним. Рыжий показал им множество предметов. Как заметили олитран, большинство солярианских изделий составляли прецизионные приборы и инструменты, а среди вещей, приобретенных путем обмена, преобладают всяческие минералы. Ткач с какой-то особой гордостью показал гостям крупные белые кристаллы углерода и небольшие количества тяжелых элементов. Радиоактивные материалы хранились в специальных контейнерах.

Рилат не обиделся на это. Он сам когда-то получил сильное нагноение своей толстой кожи, когда оставил близ шатра слишком много урана — одного из побочных продуктов деятельности теплового трансформатора. Соляриане были без скафандров, и их тонкая кожа производила неприятное впечатление: под ней совершенно ясно виднелась вся система кровообращения.

— Не вижу здесь ничего интересного, — подумал он, обращаясь к Акиро.

— Да, — согласился тот. — Техника у них замечательная, но наши приборы, в сущности, не хуже. А что до минералов, то мы ведь можем получать их сколько захотим, и быстро.

— Лучше не говори им этого, — заметил Рилат.

— Почему?

— Это было бы не очень вежливо.

Он сообщил Ткачу, что им пора вернуться на свой корабль, хотя бы временно, чтобы проверить машины и наплатить баллоны своих скафандров.

Когда они возвращались через жилую часть, Рилат заметил одним из глаз какой-то плоский предмет, на котором другой солярианин расставлял пищу и напитки. Рилат взглянул бегло, но все же заметил рядом с порцией чего-то явно синтетического нечто вроде пригоршни овощей. На одной из тарелок виднелась целая горка свежих белых стеблей с зелеными листьями.

Это было похоже на сырые, совершенно свежие растения. Рилат направил на них и другие свои глаза.

Совершенно свежие!

Осознание этого факта поразило его почти физически. Он невольно втянул все свои глазные щупальца, а двигательные конечности под ним невольно подогнулись от волнения.

Акиро заметил эти признаки, рудимент древнейших времен, когда лучшей физической защитой их далеких предков было умение распластаться по земле и искать убежища в толстой панцирной шкуре.

— Что с тобой? — спросил он.

— Взгляни на их пищу!

Акиро взглянул, и зрительные сяжки у него тоже сократились.

— Свежие растения! Живо спроси их, откуда они их взяли!

Рилат с трудом овладел собою. Рыжий Ткач повернул голову в сторону олитран и обоими глазами с любопытством следил за их поведением.

— Не смотри на растения! — приказал своему товарищу Рилат. — И пойдем. Они за нами наблюдают.

— Во имя потомства! — настаивал Акиро. — Спроси, откуда они взяли! Спроси!

— Позже, — ответил ему Рилат, направляясь к выходному шлюзу между жилой частью и кабиной пилота.

Акиро подпрыгнул на своих двигательных щупальцах и всеми тремя глазами всматривался в пищу.

— Не будь глупым! — настаивал он. — Понимаешь ли ты, что это для нас означает? Что это значит для лишенной растений Олитры и для всего человечества? Ты ведь знаешь, что нас посылали не для того, чтобы собирать красивые кристаллики.

— Напрасно ты сердишься, — возразил Рилат. — Я не хуже тебя знаю, в чем состоит наше задание, но я слышал кое-что и об этих торговых расах. Я уже знаю, что сделаю.

— Ты уверен?

— Разумеется! А теперь перестань вести себя так глупо, и пойдем!

Акиро представил себе бездонную хлябь липкой грязи — не только для себя самого — и направился к выходу.

Меньший из соляриан любезно надел вакуум-скафандр, чтобы проводить их за внешний шлюз. Рилат жестами дал ему понять, что они скоро вернутся, и двинулся по песку.

Очутившись на своем корабле, они, как всегда, проверили снаряжение и немного отдохнули, а потом Акиро вложил в визиофон пленку с Галактическим Кодом Жестов, чтобы проштудировать ее внимательнее. Поэтому, когда они оба прибыли потом на солярианский корабль, он уже мог улавливать кое-какие подробности разговоров.

Он еще не был уверен в своих собственных жестах настолько, чтобы беседовать самому, но понял приветствие Ткача и предварительные замечания.

Оказалось, соляриане сделали остановку на этой планете только в поисках возможностей для обмена. И они были по своему разочарованы не меньше олитран.

— Мы тоже остановились здесь в перелете только из любопытства, — просигналил Рилат. — Но мы попросту исследователи.

— Да, — кивнул Ткач, — торговцы вроде нас тоже бывают вынуждены и сами вести исследования.

— Это очень интересно, — ответил Рилат. — Может быть, вы опишете нам методы действия торговой экспедиции?

Акиро рассердился.

— Зачем ты притворяешься таким дураком? — спросил он у Рилата.

Но тот быстро послал ему образ пучка глазных сяжек, завязанных узлом, и вернулся к разговору жестами. Солярианин объяснил, что не всегда бывает нужно получить при обмене более ценную вещь, чем та, которую даешь.

— Иногда, — подчеркнул он, — самое перемещение предмета из одной планетной системы в другую сильно повышает его ценность. Он может оказаться там редкостью или чем-то очень нужным.

— Такой поступок мне кажется обманом, — подумал Акиро, но его мысль прошла незамеченной.

— Мне кажется, я не сумел бы разобраться в таких делах, — сообщил солярианину Рилат.

Ткач некоторое время смотрел на него своими маленькими голубыми глазками, потом обратился к Сильной Верхней Конечности. Оба солярианина обменялись между собой

порциями звуковых колебаний, очевидно, служивших им для взаимного общения. После краткой беседы Ткач снова повернул свою поросшую рыжей шерстью голову к Рилату.

— А может быть, мы просто для забавы или на счастье обменяемся какими-нибудь мелочами? У нас осталась бы память о нашей встрече.

Рилат согласился. Тогда начались довольно тщетные попытки предложить друг другу что-нибудь желательное для другой стороны.

Соляриане, усердно извиняясь, отказались принять предложенные Рилатом приборы. А Рилат не проявил никакого интереса к блестящим камешкам, собранным солярианами в нескольких посещенных ими за последнее время мирах.

— Но мы можем дать вам очень хорошие карты Сектора 11, — предложил он потом.

Ткач поблагодарил, но соляриане совсем не направляются в ту сторону. В конце концов он предложил гостям еще раз осмотреть их корабль.

— Попроси у них растения! — приставал Акиро.

— Не могу! — ответил ему мыслью Рилат. — У нас ничего дать взамен. А ведь они наверняка захотят получить что-нибудь!

— Ну ладно, если ты не попросишь я останусь здесь и буду следить, не достанет ли его товарищ еще какие-нибудь растения.

Рилат согласился.

По коридору, обшитому листовым пластиком, он прошел вслед за Ткачом на склад образцов, где уже был однажды. Он не нашел там ничего нового, чем заинтересоваться, и призвал на помощь всю свою дипломатию, чтобы объяснить это солярианину.

И тут он ощутил настойчивый зов Акиро, так что выразил желание поскорей вернуться к остальным.

— Они сами их выращивают! — встретил его мыслью Акиро, как только он вместе с Ткачом вошел в жилую часть.

— Что такое? — переспросил Рилат, видя, что соляриане пользуются случаем поговорить между собою.

— Растения! — взволнованно подумал Акиро. — У них тут на корабле есть чаны, где их выращивают с помощью химикалий и искусственного облучения. Я сам видел!

— Каким образом?

— Я стоял тут со скучающим видом, и Сильная Верхняя Конечность проводил меня по разным частям корабля.

— И ты дал ему заметить, как это нас интересует? — Рилат добавил: — Пузырь из прозрачной массы. Наверно, да, а то бы они не шевелили так губами друг другу. Право, Акиро, ты невозможен!

Ткач обратился к Рилату с вопросом, не хочет ли тот посмотреть их гидротермические чаны. Рилат согласился, но без видимой горячности. Он надеялся, что солярианян не поймет, как истолковать легкую судорогу в его зрительных сжатках.

Все они пошли в отделение, о котором шла речь, и двигательные щупальца под Рилатом подогнулись от волнения.

По всем четырем стенам отделения и рядами посредине стояли большие прозрачные чаны с растениями в различных фазах развития. В тех частях, которые, как догадался Рилат, обычно находятся над землей, у большинства был зеленоватый оттенок.

Он на мгновение представил себе пустынные поля Олитры, снова покрытые такой растительной жизнью. Проблема питания была бы решена, если бы ему удалось раздобыть немного семян или саженцев. Ему уже так надоела синтетическая пища!

— Очень красиво, — просигналил он жестами. — Напоминает мне роскошную растительность моей родной планеты.

—Рилат! — потрясла его возмущенная мысль Акиро. — Как ты можешь так обманывать! Это ведь нечестно!

— Я совсем не обманываю. Всякое растение теперь напоминает мне Олитру. Кроме того, откуда им знать, что наша растительность была преимущественно алого цвета?

Ему пришлось попросить Ткача повторить последние жесты.

— Я говорил, что мы охотно подарим их вам. Они очень питательны.

— О, мы обычно не едим их, — возразил Рилат. — Но они, конечно, будут очень приятным украшением нашего голого, функционального корабля.

Соляриане обменялись взглядами, заставившими его подумать, не знакома ли им случайно какая-нибудь форма телепатии. Затем Ткач сунул руку в ближайший чан с темно-зелеными экземплярами.

— Может быть... — начал было Рилат. Ткач взглянул на него, и он закончил: — Нет, не стоит. Это неважно.

Щупальца под Акиро подогнулись целиком. Он распластался на полу, не обращая внимания на удивленные взгля-

ды соляриан, и парисовал в мыслях яростный взрыв вулканического извержения. Рилат увидел эту картину во всех подробностях. Он и сам был там — на вершине пламенного конуса.

— Я хотел, в сущности, спросить вас, — невозмутимо просигналил он ожидавшему солярианину, — не могли бы вы подарить нам один такой чан, поскольку у вас их много. Уход за растениями был бы для нас очень хорошим развлечением в космической скуке.

Ткач ответил жестами, что охотно сделает это. Он настаивал, что они обязательно должны принять от него запас химикалий и светящуюся трубку особого типа. Он показал ее Рилату, который ответил, что сумеет обеспечить ее нужной энергией. Воды для чана у олитран было достаточно.

Оба солярианина надели вакуум-скафандры, чтобы помочь перенести чан, предусмотрительно помещенный в изолирующий кожух. Впрочем, участие Рилата в этой операции было скорее символическим, а Акиро тащился позади всех, и зрительные сяжки у него все еще были слегка втянуты.

Соляриане помогли внести чан в олитранский корабль, который, однако, не хотели осматривать внутри.

— Может быть, они чувствуют себя неудобно, такие большие в надутых скафандрах? — обратился мысленно Рилат к Акиро.

Он поблагодарил соляриан и спросил, не придумали ли они чего-нибудь, что олитране могли бы подарить им в ответ.

— Неважно, — просигналил Ткач. — Когда вы улетае?

— Рилат! — умолял Акиро. — Скажи, что сейчас же. Если мы дадим им время подумать, они наверняка поймут, какой бесценный подарок нам сделали!

— Терпение! Мне тоже хочется поскорее войти в ритм звездного излучения.

Солярианам он просигналил, что им нужно немедленно взлетать. Ткач выразил сожаление.

— Но что вы хотели бы получить от нас? — настойчиво спрашивал Рилат, встревоженный тем, что, возможно, придется отдать драгоценную добычу.

— У нас было намерение исследовать поверхность этой планеты и ее минеральные ресурсы, — сообщил ему Ткач.

— Очень интересное развлечение, — с сомнением отзывался Рилат.

Судя по взглядам, которыми соляриане обменялись, это определение удивило их не меньше, чем Рилата их планы. Непонятно! Кому это нужно — добывать минералы из недр? Их ведь можно получить сколько угодно из теплового трансформатора.

— Нам хотелось бы, — продолжал Ткач, — устроиться на поверхности возможно комфортабельнее и провести немного свободного времени вне корабля.

— Ага! — понял наконец Рилат. — Может быть, в таком случае вы пожелаете воспользоваться нашим шатром? Пожалуйста!

Ткач принял подарок с благодарностью, но задумался над тем, как быть с отлетом олитран.

— Это не имеет значения, — успокоил его Рилат. — Мы можем забрать шатер в следующий раз, когда будем в этом районе.

— Рилат! Подари им шатер насовсем! Уйдем отсюда по возможности прилично! — умолял его Акиро.

— Собственно говоря, — продолжал Рилат, — я вспомнил, что у нас есть еще один шатер, так что тот, который там стоит, вы можете оставить себе. Я дам вам инструкции относительно входного шлюза и теплового трансформатора. Чертежи, во всяком случае, вы поймете сразу.

Так и сделали, и после обмена множеством любезностей соляриане ушли.

Акиро, не мешкая, укрепил в кабине чан с растениями. Как только соляриане вошли в свой корабль, Рилат стартовал.

Они зигзагом отделились от планеты и взяли курс на границу между Секторами 12 и 11.

— Когда я говорил, что мы вернемся за шатром, — насмешливо обратился Рилат к Акиро, — то неужели ты думал, что я рискну увидеться с ними еще раз? Мы ведь позорно обманули их!

Акиро не ответил. Рилат одним глазом взглянул в его сторону и увидел, что тот внимательно наблюдает приборы.

— В чем дело? — спросил он с легкой тревогой.

— Вижу движущийся источник излучения того же типа. Наверно, соляриане покинули планету.

— С какой скоростью? — спросил Рилат, соображая, не увеличить ли еще больше их собственную.

— Примерно с такою же, как наша; может быть, чуть больше.

Зрительные сажки у Рилата судорожно втянулись. Он поспешно проверил резервы скорости.

— Могут они догнать нас? — с беспокойством спросил он.

— О, нет! — возразил Акиро. — Они летят в противоположную сторону.

— Как так?

— Совершенно точно. И развивают всю скорость, какую только могут.

Рилат сполз со своего места и подошел к наблюдательному экрану.

— Ничего не понимаю, — обратился он мыслью к Акиро. — Они говорили, что хотят там остаться. А мы наверняка не дали им ничего такого, что могло бы заставить их так спешить.

— Может быть, механизм шлюза?

— Нет, у них на корабле он был лучше. А тепловой трансформатор их тоже не заинтересовал. Сомневаюсь, чтобы они захотели поиграть с превращением элементов.

— Кстати, для этого и трансформатор не нужен. У них наверняка есть методы и получше.

— Разумеется. Но тогда в чем же дело?

Они не пришли ни к каким выводам.

— Можно удивляться их чудачествам, — заметил Акиро, — но из этого не следует, чтобы нам самим сбавлять скорость.

— Нет... но я все-таки никак не могу понять, почему...

Рилат нимательно пригляделся к чужому кораблю, все время уходившему из поля зрения.

— Смотри, как они удирают! — обратился он к Акиро. — Можно подумать, что не мы их обманули, а они — нас!

Джон ГОРДОН
(США)

ЧЕСТНОСТЬ — ЛУЧШАЯ ПОЛИТИКА

Тагобар Ларнимискулюс Верф, Боргакс Фенигвиснока. Это было длинное имя и важный титул, и он гордился ими. Титул этот значил примерно — «Верховный Шериф, Адмирал Фенигвиснока», а Фенигвиснок был богатой и значительной планетой в империи Дэл. Титул и имя выглядели внушительно на документах, а документов подписывать нужно было множество.

Сам Тагобар был превосходным экземпляром своей породы, воплощавший силу и гордость. Как у черепах на Земле, у него был и наружный и внутренний скелет, хотя это было все, что придавало ему сходство с черепахами. На вид он был похож на человека, нечто среднее между средневековым рыцарем в латах и коренастым рэгбистом, одетым для выхода на поле. Цвет у него был, как у хорошо сваренного рака, и на суставах наружного скелета переходил в темный пурпур. Одежда состояла только из коротенькой юбочки, расшитой причудливыми узорами и усыпанной сверкающими драгоценными камнями. Эмблема его сапа была выгравирована золотом на переднем и заднем панцире, так что его можно было узнать, когда он входил и когда выходил.

Словом, это была довольно внушительная фигура, несмотря на рост, всего пять футов два дюйма.

Как командир собственного звездолета «Верф», он должен был разыскивать и исследовать планеты, подходящие

для колонизации народом дэл. Он усердно занимался этим уже долгие годы, в точности следуя Общей Инструкции, как и должен делать хороший командир.

И дело стоило того. В свое время он нашел несколько неплохих планет, а эта была самым лакомым кусочком из всех.

Глядя на увеличительный экран, он удовлетворенно потер руки. Его корабль плавно вращался по орбите высоко над новооткрытой планетой, а экран был наведен на местность внизу. Ни один корабль дэлов еще не бывал в этой части Галактики, и было приятно найти подходящую планету так быстро.

— Великолепная планета! — сказал он. — Восхитительная планета! Смотрите, какая зелень! А синева этих морей! — Он повернулся к лейтенанту Пельквешу. — Как ты думаешь? Разве это не чудесно!

— Конечно чудесно, ваше великолепие! — ответил Пельквеш. — Вы за нее получите еще одну награду.

Тагобар начал что-то говорить, но неожиданно остановился. Его руки рванулись к рычагам управления и вцепились в переключатели: мощные двигатели корабля взревели от перегрузки, когда корабль повис неподвижно относительно планеты внизу. Пейзаж на увеличительном экране остановился.

Тагобар подрегулировал увеличение, и изображение начало расти.

— Вот! — сказал командир. — Пельквеш, что это такое?

Вопрос был чисто риторическим. Изображение, заслоняемое колеблющимися течениями в двухстах с чем-то милях атмосферы, едва мерцало на экране, но нельзя было сомневаться в том, что это какой-то город. Лейтенант Пельквеш так и сказал.

— Черт его возьми! — проворчал Тагобар. — Заятая планета. Города строят только разумные существа.

— Вот именно, — согласился лейтенант.

Оба они не знали, что делать. Лишь несколько раз за всю долгую историю дэлов ими были обнаружены разумные существа, но под владычеством империи они постепенно вымерли. Ни одна из этих рас, кстати, и не была особенно разумной.

— Придется запросить Общую Инструкцию, — сказал наконец, Тагобар. Он перешел к другому экрану, включил его и начал набирать цифры кода.

Глубоко в недрах корабля медленно пробудился к жизни робот Общей Инструкции. В его обширной памяти таилась

10 тысяч лет накопленных и упорядоченных фактов. 10 тысяч лет опыта империи, 10 тысяч лет окончательных решений по каждому вопросу. Это было больше, чем энциклопедия, — это был образ жизни.

Робот по самым строгим правилам логики проверял свою память, пока не нашел ответ на запрос Тагобара, тогда он передал данные на экран.

— Гмм, — произнес Тагобар. — Да. Общая Инструкция 333 953 216А, глава ММСМХ IX, параграф 402. «После обнаружения разумной или полумразумной жизни взять для исследования случайно выбранный образец. Избегать других контактов, пока образец не будет обследован согласно Психологической Директиве 569-В, Раздел 388 077 д под руководством Главного психолога. Данные сверить с Общей Инструкцией. Если нечаянный контакт уже произошел, справиться в ОИ 472 678-Р, глава ММССХ, параграф 553. Образцы следует брать соответственно...».

Он дочитал Общую Инструкцию и тогда повернулся к лейтенанту:

— Пельквеш, готовьте вспомогательную лодку, чтобы взять образец. Я уведомя психолога Зендоплита, чтобы он приготовился.

* * *

Эд Магрудер глубоко вдохнул весенний воздух и закрыл глаза. Воздух был прекрасен, он был пропитан пряными ароматами и сочными запахами, хотя и чуждыми, но казавшимися почему-то родными — более родными, чем земные.

Эд был высок и худощав, с темными волосами и блестящими карими глазами, которые будто шурились от скрытого смеха.

Он открыл глаза. Город еще не спал, но темнота наступала быстро. Эд любил свои вечерние прогулки, но бродить в полях после сумерек было на Нью-Гаван опасно даже сейчас. Здесь были маленькие ночные твари, мягко порхающие в воздухе и кусающиеся без предупреждения. Были и более крупные хищники. Эд направился обратно к городку Нью-Хило, построенному на месте, где человек впервые ступил на новую планету.

Магрудер был биологом. За последние десять лет он общался с полдюжины миров, собирая образцы, тщательно анатомируя их и занося результаты в записные книжки. Медленно, звено за звеном составлял он схему — схему самой жизни. У него было много предшественников, вплоть до

Карла Линнея, но никто из них не понимал, чего им не хватает. В их распоряжении был только один тип жизни — земная жизнь. А вся земная жизнь в конечном счете однородна. Из всех планет, какие он видел, Нью-Гаван нравилась ему особенно сильно. Это была единственная планета, кроме Земли, где человек может ходить без всяких защитных одеяний, по крайней мере, единственная из до сих пор открытых.

Эд услышал над головой слабый свист и вздрогнул. Для ночных тварей еще рановато.

И тут он увидел, что это вовсе не ночная тварь, это какой-то шар вроде металлического и...

На поверхности шара вспыхнуло зеленоватое сияние, и для Эда Магрудера все исчезло.

* * *

Тагобар Верф бесстрашно смотрел, как лейтенант Пельквеш вносит бесчувственный образец в биологическое испытательное отделение. Образец был странного вида — пародия на живое существо с мягкой кожей, вроде слизняка, бледного розовато-смуглого цвета, с отвратительными плеснеподобными разрастаниями на голове и в других местах.

Биологи приняли образец и начали работать над ним. Они взяли для исследования кусочки его кожи, немного его крови и сняли показания электрических приборов с его мышц и нервов.

Зендоплит, Главный психолог, стоял рядом с командиром, следя за процедурой.

Для биологов это была Стандартная Процедура; они работали так же, как и со всяким другим поступавшим к ним образцом. Но Зендоплиту предстояла работа, которую до сих пор ему не приходилось выполнять. Ему предстояло работать с мозгом разумного существа.

Но он не тревожился: в Руководстве было записано все, каждая мелочь Стандартной Процедуры. Тревожиться было не о чем.

Как и со всеми прочими образцами, Зендоплит должен был расшифровать Основную Схему реакций. Каждый данный организм способен реагировать только определенным, очень большим, но ограниченным количеством способов, и эти способы можно свести к Основной Схеме. Чтобы уничтожить какую-нибудь породу существ, нужно только найти их Основную Схему, а тогда задать им задачу, которую они по

этой схеме не смогут решить. Все это было очень просто, и все было записано в Руководстве.

Тагобар повернулся к Зендоплиту.

— Вы действительно думаете, что он сможет научиться нашему языку?

— Зачаткам его, ваше великолепие, — ответил психолог. — Наш язык, в конце концов, очень сложен. Конечно, мы попытаемся обучить его всей системе языка, но сомневаюсь, чтобы он мог усвоить значительную часть. Наш язык основан на логике, как на логике основана сама мысль. Некоторые из низших животных способны к зачаточной логике, но большинство не способно понять ее.

— Хорошо, мы сделаем все, что сможем. Я сам допрошу его.

Зендоплит удивился.

— Но ваше великолепие, все вопросы подробно записаны в Руководстве!

Тагобар Верф нахмурился.

— Я умею читать не хуже вас. Зендоплит. Так как это первый образец полумразумной жизни, обнаруженной за последнюю тысячу лет, то я думаю, что допрос должен проводить сам командир.

— Как вам угодно, ваше великолепие, — согласился Психолог.

Когда психологи закончили работать с Эдом Магрудером, его поместили в Языковой Бункер. На глаза ему установили световые прожекторы, фокусированные на его сетчатках, в уши вставили акустические устройства, повсюду на теле прикрепили различные электроды, на череп наложили тонкую проволочную сеть. Потом ему ввели специальную сыворотку, изобретенную биологами. Все это было сделано безукоризненно точно. Потом Бункер закрыли, и был включен рубильник.

Магрудер смутно ощутил, что всплывает откуда-то из темноты. Он увидел странные, омарообразные существа, двигавшиеся вокруг него, а в уши ему нашептывались и набулькивались какие-то звуки.

Постепенно он начал понимать. Его учили ассоциировать звуки с предметами и действиями.

Эд Магрудер сидел в маленькой комнатке размером чепухе на шесть футов, сидел голый, как червь, и смотрел сквозь прозрачную стену на шестерку чужаков, которых так часто видел в последнее время.

У него не было никакого понятия о том, долго ли его учили языку, он был как в тумане.

«Ну вот, — подумал он, — я набрал немало хороших образцов, а теперь сам попал в образец». Он вспомнил о том, как поступал со своими образцами, и слегка вздрогнул.

Ну да ладно. Он попался. Остается только показать им, как нужно себя вести: сжать губы, выше голову, и все такое.

Одно из существ подошло к панели с кнопками и нажало одну из них. Тотчас же Магрудеру стали слышны звуки из комнаты по ту сторону прозрачной стены.

Тагобар Верф взглянул на образец, потом на листок с вопросами у себя в руке.

— Наши психологи обучили вас нашему языку, не так ли? — холодно спросил он.

Образец заболтал головой вверх и вниз.

— Да. И я называю это принудительным кормлением.

— Очень хорошо. Я должен задать вам несколько вопросов, вы будете отвечать на них правду.

— Ну, разумеется, — любезно ответил Магрудер. — Валяйте.

— Мы можем узнать, когда вы лжете, — продолжал Тагобар. — Вам придется плохо, если вы будете говорить неправду. Так вот, как ваше имя?

— Теофилиус К. Гассенпфеффер, — вкрадчиво произнес Магрудер.

Зендоплит взглянул на задрожавшую стрелку и медленно покачал головой, переводя взгляд на Тагобара.

— Это ложь, — сказал Тагобар.

Образец кивнул.

— Ну конечно, славная у вас машина!

— Хорошо, что вы признаете высокие качества наших приборов, — мрачно произнес Тагобар. — Ну, так как же вас зовут?

— Эдвин Питер Сент Джон Магрудер.

Психолог Зендоплит, следивший за стрелкой, кивнул.

— Прекрасно! — произнес Тагобар. — Итак, Эдвин...

— Эда будет вполне достаточно, — сказал Магрудер. Тагобар удивился.

— Достаточно — для чего?

— Чтобы называть меня.

Тагобар обернулся к психологу и пробормотал что-то. Зендоплит ответил тоже бормотанием. Тагобар снова обратился к образцу.

— Ваше имя Эд?

— Строго говоря, нет, — ответил Магрудер.

— Тогда почему мы должны называть вас так?

— Почему бы и нет? Другие называют, — ответил Магрудер.

Тагобар снова посоветовался с Зендоплитом и потом сказал:

— Мы вернемся к этому вопросу позже. Итак... гм... Эд, как вы называете свою родную планету?

— Земля.

— Хорошо. А как называет себя ваша раса?

— ...

— А что это означает, если означает что-нибудь?

Магрудер подумал.

— Это просто название, — сказал он.

Стрелка заколебалась.

— Опять ложь, — сказал Тагобар.

Магрудер усмехался.

— Я просто проверял. Это действительно машинка что надо!

Синяя, содержащая медь кровь прилила к шее и лицу Тагобара. Он потемнел от сдерживаемого гнева.

— Вы уже сказали это один раз, — зловеще напомнил он.

— Знаю. Так вот, если хотите знать, это означает «человек разумный».

В действительности он не сказал «человек разумный», в языке дэлов нет точного выражения этого понятия, и Магрудер сделал все, что мог, чтобы его выразить. В обратном переводе на английский это звучало бы приблизительно как «существа с великой силой мысли».

Когда Тагобар услышал это, глаза у него раскрылись шире, и он обернулся, чтобы взглянуть на Зендоплита. Психолог развел своими скорлупчатыми руками: стрелка не двинулась.

— Кажется, у вас там высокое мнение о себе, — произнес Тагобар, снова обращаясь к Магрудеру.

— Возможно, — ответил землянин.

Тагобар пожал плечами, заглянул в свой список, и допрос продолжался. Некоторые вопросы казались Магрудеру бессмысленными, другие явно были частью психологической проверки.

Но ясно было одно: детектор лжи был максималистом. Если Магрудер говорил чистую правду, стрелка прибора не двигалась. Но стоило ему солгать хоть чуточку, как она взлетала до потолка.

Первые несколько лживых ответов прошли для Магрудера даром, но в конце концов Тагобар сказал:

— Вы лгали достаточно, Эд.

Он нажал кнопку, и на землянина обрушилась сжимающая волна боли. Когда она ушла, Магрудер почувствовал, что мышцы у него на животе превратились в узлы, что кулаки и зубы у него стиснуты, а по щекам струятся слезы. Потом его охватила неудержимая тошнота и рвота.

Тагобар Верф брезгливо отвернулся.

— Отнесите его обратно в камеру и уберите здесь. Сильно ли он поврежден?

Зендоплит уже проверил свои приборы.

— Думаю, что нет, ваше великопение: вероятно, это легкий шок, и только. Однако на следующем допросе нам все равно придется его проверить. Тогда мы узнаем на верное.

* * *

Магрудер сидел на краю какой-то полки, которая могла служить низким столом или высокой кроватью. Сидеть было не очень удобно, но ничего другого в камере не имелось, а пол был еще тверже.

Вот уже несколько часов, как его перенесли сюда, а он все еще не мог опомниться. Эта гнусная машина делала больно! Он стиснул кулаки, он все еще чувствовал спазм в животе, и...

И тут он понял, что спазм вызван вовсе не машиной, от этого-то он давно уже отделался.

Судорожное напряжение было вызвано чудовищным, холодным, как лед, бешенством.

Он подумал над этим с минуту, потом расхохотался. Вот он сидит как дурак и бесится так, что доводит себя до боли. А от этого ни ему, ни колонии не будет никакой пользы.

Очевидным было, что чужаки не замыслили ничего доброго, мягко выражаясь. Колония на Нью-Хило насчитывала шестьсот человек — это единственная группа людей на Нью-Гаване, не считая нескольких разведывательных групп. Если этот корабль попытается захватить планету, колонисты не смогут сделать ни черта. А что, если чужаки разыскали Землю? У него не было никакого представления о том, как корабль вооружен и какие у него размеры, но, по-видимому, места в нем много.

Он знал, что все зависит от него. Он должен сделать что-то и как-то. Что? Не выйти ли ему из камеры и не напасть ли на корабль?

Чепуха! Голый человек в пустой камере совершенно беспомощен. Но что же тогда?

Магрудер лег и долго раздумывал над этим.

Потом в двери приоткрылась панель, и за прозрачным квадратом проявилось красно-фиолетовое лицо.

— Вы, несомненно, голодны, — торжественно изрек оно. — Анализ процессов в вашем организме показал, какая пища вам нужна. Вот, получите.

Из ниши на стене выдвинулся кувшин порядочных размеров, от него исходил странный аромат. Магрудер взял кувшин и заглянул внутрь. Там была желтовато-серая полупрозрачная жидкость, похожая на жидкую похлебку. Он обмакнул в нее палец, попробовал на язык. Ее вкусовые качества были явно ниже нуля.

Он мог догадаться, что она содержит десятка два различных аминокислот, с дюжину витаминов, пригоршню углеводов, несколько процентов других веществ. Что-то вроде псевдопротоплазмического супа — высокосбалансированная пища.

Он подумал, нет ли в ней чего-нибудь вредного для него, но решил, что наверняка нет. Если чужаки захотят отравить его, им нет надобности прибегать к хитростям; кроме того, это наверняка та самая бурда, которой его кормили во время обучения языку.

Притворяясь перед самим собой, что это похлебка из говядины, он выпил ее целиком. Может быть, избавившись от чувства голода, он сможет думать лучше.

Оказалось, что это так и есть.

Меньше, чем через час его снова взяли в допросную. На этот раз он решил, что не позволит Тагобару нажимать на ту кнопку.

«В конце концов, — рассуждал он, — мне может понадобиться солгать кому-нибудь и в будущем, если я когда-нибудь выберусь отсюда. Не нужно приобретать условный рефлекс против лжи.»

А судя по тому, как больно сделала ему машина, он видел, что после нескольких таких ударов вполне может получить условный рефлекс.

У него был план. Очень смутный план и очень гибкий. Нужно попросту принимать то, что будет, полагаться на счастье и надеяться на лучшее.

Он сел в кресло и ждал, чтобы стена снова стала прозрачной. Он думал, что у него будет случай убежать, когда его вели из камеры в допросную, но чувствовал, что не сможет справиться с шестеркой панцирных чужаков сразу.

Он не был даже уверен, что справится хотя бы с одним. Как справиться с противником, чья нервная система тебе вовсе неизвестна, а тело бронировано, как паровой котел?

Стена сделалась прозрачной, и за нею стоял чужак. Магрудер заинтересовался, было ли это то самое существо, которое допрашивало его раньше, и, взглянув на рисунок на панцире, решил, что это то же самое.

Он откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и стал ждать первого вопроса.

Тагобар Верф был в большом затруднении. Он тщательно сверил психологические данные с Общей Инструкцией, после того как психологи сверили их по Руководству. Результаты сверок ему решительно не понравились.

Общая Инструкция говорила только: «Раса такого типа никогда не встречалась в Галактике. В этом случае командир должен действовать согласно ОИ 234 511 006 д, гр. ММСДХ, параграф 666».

Посмотрев ссылку, он посоветовался с Зендоплитом.

— Что вы об этом думаете? — спросил он. — И почему у вашей науки нет никаких ответов?

— Наука, ваше великолепие, — ответил Зендоплит, — это процесс получения и координирования сведений. У нас еще нет достаточных сведений, это верно, но мы их получим. Нам совершенно незачем впадать в панику, мы должны быть объективными, только объективными. Он протянул Тагобару еще один печатный листок. — Вот вопросы, которые мы должны теперь задать согласно Руководству по психологии.

Тагобар ощутил облегчение. Общая Инструкция говорила, что в таком случае, как этот, дальнейшее действие будет зависеть только от его собственных решений.

Он включил поляризацию стены и взглянул на образец.

— Сейчас вы ответите на несколько вопросов отрицательно, — сказал Тагобар. Неважно, насколько правдивыми будут ответы, вы должны только отвечать «нет». Ясно вам это?

— Нет, — ответил Магрудер.

Тагобар нахмурился. Инструкция казалась ему совершенно ясной, но что случилось с образцом? Неужели он глупее, чем они думали раньше.

— Он лжет, — сказал Зендоплит.

Тагобару понадобилась добрая половина минуты, чтобы понять происшедшее, и тогда лицо у него неприятно потемнело. Но ничего не поделаешь, образец повиновался приказу.

Его великолепие глубоко вздохнул, задержал воздух, медленно выдохнул и начал кротким голосом задавать вопросы.

— Ваше имя Эдвин?

— Нет.

— Вы живете на планете внизу?

— Нет.

— У вас шесть глаз?

— Нет.

Через пять минут подобной беседы Зендоплинт сказал:

— Достаточно, ваше великолепие, все сходится, его нервная система не повреждена болью. Теперь вы можете приступить к следующей группе вопросов.

— Теперь вы будете отвечать правду, — произнес Тагобар. Если нет, вы снова будете наказаны. Это вам ясно?

— Совершенно ясно, — ответил Эд Магрудер.

* * *

Хотя голос его звучал совершенно спокойно, Магрудер ощутил легкую дрожь. Отныне ему нужно будет обдумывать ответы тщательно и быстро. С другой стороны, ему самому не хотелось слишком медлить с ответами.

— Какова численность вашей расы?

— Несколько миллиардов. В действительности было около четырех миллиардов, но на языке делов «несколько» было неясным обозначением для чисел свыше пяти, хотя и не обязательно таких...

— Знаете ли вы точную цифру?

— Нет, — ответил Магрудер. «Ни с точностью до одного человека», — подумал он.

Стрелка не дрогнула. Разумеется, разве он говорил неправду.

— Значит, вся ваша раса не живет на Земле? — спросил Тагобар, слегка отклоняясь от списка вопросов. — Не живет в одном городе?

Со вспышкой чистейшей радости Магрудер увидел, какую чудесную ошибку сделал чужак. Поэтому, когда он спросил о названии родной планеты Магрудера, тот ответил «Земля». Но чужак думал о Нью-Гаване. Уррра!

— О, нет, — правдиво ответил Магрудер, — нас здесь только несколько тысяч. «Здесь» — означало, конечно, Нью-Гаван.

— Значит, большинство вашего народа бежало с Земли?

— Бежало с Земли? — возмущенно переспросил Магрудер. — Святое небо, конечно, нет! Мы только колонизовали

планеты, мы все управляемся одним центральным правительством.

— Сколько вас в каждой колонии? — Тагобар полностью отказался от списка вопросов.

— Не знаю в точности, — ответил Магрудер, — но ни на одной из колонизованных нами планет нет большего количества жителей, чем на Земле.

Тагобар был ошеломлен. Он немедленно отключился от допросной. Зендоплит был расстроен.

— Вы допрашиваете не по Руководству, — жалобно сказал он.

— Знаю, знаю. Но вы слышали, что он сказал?

— Слышал, — голос у Зендоплита был унылый.

— Неужели это правда?

Зендоплит выпрямился во весь свой пятифутовый рост.

— Ваше великопение, вы можете отклоняться от Руководства, но я не позволю вам сомневаться в работе Детектора Правды. Реальность — это правда; значит правда — это реальность. Детектор не ошибался с... с... одним словом, никогда!

— Знаю, — поспешно сказал Тагобар. — Но понимаем ли мы значение того, что он сказал? На его родной планете живет несколько тысяч обитателей, на всех колониях меньше. А его раса насчитывает несколько миллиардов! Это значит, что они заняли около 10 миллионов планет!

— Я понимаю, что это звучит странно, — согласился Зендоплит, но детектор никогда не лжет! — Тут он вспомнил к кому обращается, и добавил: — Ваше великопение.

Но Тагобар не заметил нарушения этикета.

— Это совершенно правильно. Но, как вы сказали, тут есть что-то странное. Мы должны продолжить расследование.

* * *

Голос Тагобара сказал:

— Согласно нашим расчетам, в этой Галактике мало пригодных для жизни планет. Чем объяснить то, что вы нам сказали?

Быстро переменив точку зрения, Магрудер подумал о Марсе, находящемся на расстоянии многих световых лет отсюда. На Марсе долгое время существовала научная станция, но он чертовски далеко и непригоден для жизни.

— Мой народ, — осторожно произнес он, — способен жить на планетах, где климатические условия сильно отличаются от земных.

Не успел Тагобар спросить еще о чем-нибудь, как у землянина мелькнула новая мысль. Тысячедюймовый телескоп на Луне обнаружил с помощью спектроскопа крупные планеты в туманности Андромеды.

— Кроме того, — смело продолжал Эд, — мы нашли планеты в других галактиках, кроме этой!

Вот уж это-то запутает их!

Звук снова был выключен, и Магрудер видел, что оба чужака горячо заспорили. Когда звук появился снова, Тагобар заговорил о другом:

— Сколько у вас космических кораблей?

Магрудер раздумывал над этим целую долгую секунду. На Земле есть с десятков звездолетов — недостаточно, чтобы колонизовать 10 миллионов планет. Он попался!

Нет! погоди! На Гавайи каждые полгода прилетает корабль с припасами. Но на Гавайи нет своих кораблей.

— Космических кораблей? — простодушно переспросил Магрудер. — У нас их нет.

* * *

Тагобар Верф выключил звук и на этот раз даже сделал стену непрозрачной.

— Нет кораблей? Нет кораблей? Он солгал... я надеюсь?

Зендоплит мрачно покачал головой.

— Это абсолютная правда.

— Но... но... но...

— Вспомните, как он назвал свою расу, — тихо произнес психолог.

Тагобар замигал глазами очень медленно. Когда он заговорил, его голос был хриплым шепотом:

— ... существами с великой силой мысли.

— Вот именно, — подтвердил Зендоплит.

* * *

Магрудер долго сидел в допросной, не видя и не слыша ничего. Поняли они или нет то, что он сказал? Начали понимать, что он делает? Ему хотелось грызть ногти, кусать руки, рвать волосы, но он заставил себя сидеть спокойно. До конца еще далеко.

Стена вдруг снова стала прозрачной.

— Верно ли, что ваша раса способна передвигаться в пространстве единственной силой мысли? — спросил Тагобар.

На мгновение Магрудер был ошеломлен. Это превосходило самые смелые его надежды. Но он быстро овладел собой.

«Как человек ходит», — подумал он.

— Верно, что, используя силы разума для управления физической энергией, — осторожно произнес он, — мы способны передвигаться с места на место без помощи звездолетов или других подобных машин.

Тотчас же стену снега закрыли.

Тагобар медленно обернулся и взглянул на Зендоплита. Лицо у психолога стало грязно-красным.

— Кажется, лучше будет созвать офицеров, — медленно произнес он. Нам попалась какая-то чудовищная планета.

Минуты через три все двадцать офицеров огромного «Верфа» собрались в кабинете психологии. Когда они пришли, Тагобар скомандовал «вольно» и затем обрисовал положение.

— Ну, — сказал он, — что вы предлагаете.

Они совсем не чувствовали себя вольно. Они выглядели напряженными, как тетива лука.

Первым заговорил лейтенант Пельквеш:

— Что сказано в Общей Инструкции, ваше великолепие?

— В Общей Инструкции сказано, — ответил Тагобар, — что мы должны в случае необходимости защищать свой корабль и свой народ. Способы для этого предоставлены на усмотрение командира.

Наступило довольно неловкое молчание. Потом лицо у лейтенанта Пельквеша несколько прояснилось.

— Ваше великолепие, мы можем попросту сбросить на эту планету разрушительную бомбу.

Тагобар покачал головой.

— О! Я уже думал об этом. Если они могут передвигаться в пространстве одной силой мысли, то они спасутся, а потом отомстят нам за уничтожение одной из своих планет.

Все помрачнели.

— Погодите минутку, — сказал Пельквеш. — Если он может передвигаться одной силой мысли, то почему он не ушел от нас?

Магрудер увидел, что стена становится прозрачной. Комната за нею была теперь полна чужаков. У микрофона стоял этот Тагобар, большая вышка.

— Нам хочется знать, — сказал он, — почему, будучи в состоянии уйти куда угодно, вы остались здесь? Почему вы не бежите от нас?

Опять необходимо было соблазнять.

— Невежливо со стороны гостя, — сказал Магрудер, — покидать, хозяев, не окончив своего дела.

— Даже после того, как мы... гм... наказали вас?

— На мелкие неприятности можно не обращать внимания, особенно если хозяин действовал по глубочайшему неведению.

Кто-то из подчиненных Тагобара прошептал что-то, кто-то заспорил, и тогда послышался новый вопрос:

— Должны ли мы полагать, судя по вашему ответу, что у вас нет на нас обиды?

— Кое-какая есть, — откровенно ответил Магрудер. — Однако я обижен только лично на ваше высокомерное обращение со мной. Могу заверить вас, что мой народ в целом ни на кого-либо из вас в отдельности не обижен.

«Играй крупно, Магрудер, — сказал он себе. — Ты уже сбил их, надеюсь».

Снова споры за стеной.

— Вы говорите, — спросил Тагобар, — что ваш народ не обижен на нас. Откуда вы это знаете?

— Я могу это утверждать, — ответил Магрудер, — Я знаю без всякой тени сомнения, в точности, что каждый из моего народа думает о вас в эту самую минуту. Кроме того, разрешите напомнить вам, что мне пока еще не причинили вреда — им не на что сердиться. В конце концов, нас ведь еще не уничтожили.

Звук выключен. Снова горячие споры. Звук включен.

— Есть предположение, — сказал Тагобар, — что несмотря на все обстоятельства, мы были вынуждены взять в качестве образца вас, и только вас. Есть предположение, что вы были посланы нам навстречу.

Ох, братцы! Теперь нужно быть очень, очень осторожным!

— Я только очень скромный представитель своей расы, — начал Магрудер, главным образом чтобы выиграть время. Но погодите! Разве он не веземной биолог? — Однако, — с достоинством продолжал он, — моя профессия состоит в том, чтобы находить инопланетные существа. Я должен признать, что меня назначили на эту работу.

Тагобар, казалось, встревожился еще больше.

— Это значит, что вы знали о нашем прибытии?

Магрудер подумал секунду. Еще столетия назад было предсказано, что человечество в конце концов может встретиться с инопланетной расой.

— Мы давно уже знали, что вы прилетите, — спокойно сказал он.

Тагобар был явно взволнован.

— В таком случае вы должны знать, где в Галактике находится наша раса, вы должны знать, где находится наша планета.

Опять трудный вопрос. Магрудер взглянул сквозь стену на Тагобара и его подчиненных, нервно столпившихся в комнате.

— Я знаю, где вы находитесь, — произнес он, — и я знаю в точности, где находится каждый из вас.

По ту сторону стены все разом вздрогнули, но Тагобар держался крепко.

— Где же мы расположены?

На секунду Магрудер подумал, что они выбили, наконец, почву из-под ног. А потом нашел самое лучшее объяснение. Он так долго старался увливать, что почти забыл о возможности прямого ответа.

Он с состраданием взглянул на Тагобара.

— Связь с помощью голоса слишком неудобна. Наша система координат будет вам совершенно непонятна, а вы не захотели научить меня своей, если помните.

Это было сущей правдой, дэлы не настолько глупы, чтобы рассказывать образцу о своей системе координат: следы могут привести к их планете, кроме того, это было запрещено Общей Инструкцией.

Снова переговоры за стеной.

Тагобар заговорил снова:

— Если вы находитесь в телепатической связи со своими товарищами, то можете ли читать и в наших мыслях?

Магрудер надменно взглянул на него.

— У меня, как и у моего народа, есть свои принципы. Мы не проникаем в чужой разум без приглашения.

— Значит, и весь ваш народ знает местонахождение нашей базы? — жалобно спросил Тагобар.

Магрудер ответил безмятежно:

— Заверяю вас, Тагобар Верф, что каждый член моей расы на каждой из принадлежащих нам планет знает о вашей базе и о ее местонахождении ровно столько же, сколько и я.

— Кажется невероятным, — сказал Тагобар через несколько минут, — что ваша раса досих пор не имела контакта с нами. Наша раса очень древняя и могучая, и мы захватили планеты на доброй половине Галактики, и все же мы ни разу не встречали вас и не слышали о вашем народе.

— Наша политика, — ответил Магрудер, — состоит в том, чтобы стараться не обнаруживать своего присутствия. Кроме того, у нас нет споров с вами, и мы не имели никакого желания отнимать у вас ваши планеты. Только когда какая-нибудь раса становится глупо и неразумно воинственной, мы берем на себя труд показать ей свое могущество.

Это была длинная речь, быть может, слишком длинная. Держался ли он строгой истины? Один взгляд на Зендоплита сказал ему это: Главный психолог не отрывал своих черных бусинок-глаз от стрелки прибора во все время беседы и выглядел все более и более озабоченным по мере того, как прибор указывал ему на неизменную правдивость ответов.

Тагобар был положительно встревожен. По мере того как Магрудер привыкал к чужакам, он все более и более мог читать по их лицам. В конце концов у него было большое преимущество: они сделали ошибку, выучив его своему языку. Он знал их, а они его не знали.

Тагобар сказал:

— Значит, были другие расы... гм... которые вы показали?

— За мою жизнь этого не было, — ответил Магрудер. Он подумал о неандертальцах и добавил: — До меня была раса, бросившая нам вызов. Она не существует больше.

— За вашу жизнь? Каков же ваш возраст?

— Взгляните на ваш экран, на планету внизу, — торжественно произнес землянин. — Когда я родился, ничего из того, что вы видите на Земле, не было. Материки на Земле были совсем не такие, моря были совсем другие. На Земле, на которой я родился, есть обширные полярные шапки, взгляните вниз, и вы их увидите. И мы не сделали ничего, чтобы изменить планету, которую вы видите, все изменения на ней произошли путем длительного процесса геологической эволюции.

— Глик! — Этот странный звук вырвался у Тагобара как раз в тот момент, когда он выключал и звук и стену.

«Совсем как старый фильм в кино, — подумал Магрудер, — звука нет, и картина все время рвется».

Стена больше не делалась прозрачной. Вместо этого примерно через полчаса она беззвучно скользнула в сторону, открывая весь офицерский состав «Верфа», стоявший на вытяжку.

«Вольно» стоял только Тагобар Ларнимискулюс Верф, Боргакс Фенигвиснока, и даже теперь его лицо казалось менее пурпурным, чем всегда.

—Эдвин Питер Сент Джон Магрудер, — торжественно заговорил он, — в качестве командира этого корабля, Нобеля Великой Империи и представителя самого императора, мы желаем предложить вам самое искреннее гостеприимство. Действуя под ошибочным впечатлением, будто вы представляете собою низшую форму жизни, мы обращались с вами недостойно и в этом смиренно просим у вас извинения.

— Не стоит, — холодно произнес Магрудер, — теперь вам остается только опуститься на нашу планету, чтобы ваш народ и мой могли договориться к нашему взаимному удовлетворению. — Он окинул их взглядом. — Вольно, — добавил он повелительно. — И принесите мою одежду.

Что именно станется с кораблем и чужаками, когда они слуются, он не был уверен; придется предоставить решение президенту планеты и правительству Земли. Но он не видел больших трудностей впереди.

Когда «Верф» спустился на поверхность планеты, его командир подошел к Магрудеру и смущенно сказал:

— Как вы думаете, понравится ли мы вашему народу?

Магрудер бегло взглянул на Детектор Лжи. Детектор был выключен.

— Понравится ли вы? Да в вас просто влюбятся!

Ему до тошноты надоело говорить правду.

Фредерик БРОУН
(С Ш А)

В ДОЗОРЕ

Он промок до костей, он был весь в грязи и голоден, он озяб и был далеко от родины — в 50 световых годах от нее.

Чужое солнце сияло холодным, голубоватым светом, а двойное, сравнительно с привычным, тяготение превращало каждое движение в мучительный труд.

Но за десятки тысяч лет на этом аванпосте ничто не изменилось. Он был удобен для космонавтов с их сверкающими звездолетами и сверхоружием, но по своей сути походил на солдата-пехотинца, перед которым стоит задача захватить позицию и удерживать ее в рукопашном бою до последней капли крови.

Первый контакт произошел близ центра Галактики после длительной и трудной колонизации нескольких миллионов планет, и война вспыхнула немедленно: противник начал наступление, не делая никаких попыток к соглашению, к мирному урегулированию.

И теперь нужно было оборонять одну планету за другой, защищаясь зубами и ногтями.

Он промок насквозь и был весь в грязи, он страдал от холода и голода, а яростный ветер больно хлестал его по глазам. Но враг пытался прорваться, и каждый аванпост был необходим.

Он был в дозоре, с оружием наготове в полусотне световых лет от родины, чтобы сражаться в чуждом мире и

спрашивать себя, увидит ли когда-нибудь снова родной дом.

И тут он заметил одного из тех, подкрадывающегося к нему. Он прицелился и выстрелил; враг издал странный звук, упал и не шевелился больше.

Звук и вид трупа заставили его содрогнуться. Многие с течением времени привыкли к ним и не обращали внимания, но он — не мог. Эти твари были слишком омерзительны: только две руки и две ноги, отвратительно белая кожа и — никакой чешуи!

Эрик Фрэнк РАССЕЛ

ТАИНА МИСТЕРА ВИЗЕЛЯ

Нас было шестеро в душном купе старого железнодорожного вагона. Напротив меня сидел толстяк по имени Джо. Я узнал его имя из обращений к нему менее толстого человека, его соседа, этого последнего звали Ал. Противоположный угол был занят коммивояжером с уставшими, но расчетливыми глазами. Против него, в другом конце моей скамьи, сидела молодая пара.

Последние 70 миль Джо и Ал провели в анализе политического положения — раскатыстым полушепотом и с мрачным усердием. Комми делил свое внимание между их беседой, Теплотехническим учебником с ушастыми страницами и любительской игрой молодой четы в ветеранов брака. Грохоча и сотрясаясь, длинный поезд прокладывал себе путь по стрелкам, может быть, полусотни пересекавшихся линий. Воздух шипел под вагоном, проходя в тормоза. Джо и Ал замолчали. Мы слышали удары и хлопанье дверей при входе и выходе пассажиров.

— Манханиган, — сказал комми, протирая запотевшее окно и выглядывая наружу. — И идет дьявольский дождь.

Неожиданно дверь нашего купе распахнулась, и в него вскарабкался маленький человечек. Заботливо закрыв за собой дверь, он широко улыбнулся нам и выбрал место на противоположной скамье, между Алом и коммивояжером.

— Какой ливень! — заметил он, вытирая дождевые капли на лице большим малиновым платком. — Прекрасно! —

Он снова просиял и восторженно вздохнул: — Все это вода!

Как обычно, все глаза обратились к вошедшему. Он был новым спутником наших бездельных часов, свежей подробностью, разнообразящей нашу скуку. Выпрямившись и любезно улыбаясь, составив ножки на полу, он баюкал свой баул у себя на коленях и терпеливо сносил наш осмотр. У него было круглое, пухлое, гладко выбритое лицо, окружавшее ротик проказливого эльфа. Волосы были железно-серые, довольно длинные, очень кудрявые. Тельце было снабжено небольшим брюшком, а ножки как раз доставали до пола.

Замечательными были только его глаза, очень проворные, очень живые.

— Поезд слегка опаздывает, ребята, — весело сказал он.

— Мы пришли на 12 минут позже расписания, — сообщил комми. — Там, выше по линии, что-то случилось. — Он наклонился вбок, пытаясь рассмотреть баул маленького человечка.

— Очень плохо, — сказал человечек. — Быстрота — одна из основ действия.

— А каковы же — спросил, осклабясь, комми, — могут быть остальные?

— Энергия, предусмотрительность и воображение, — самодовольно отозвался человечек. Он отечески улыбнулся молодой чете, немедля возобновившей любовные друг другом.

Комми опустил на место и зарылся в страницы книги. Джо прекратил свой спор с Алом, сказав «Угу», и уставился через живот своего товарища на новоприбывшего оракула. Человечек обратил свое общительное сияние ко мне.

Тогда я обратил внимание на его баул. Комми украдкой еще поглядывал на него. Необыкновенный баул. Он был цилиндрическим, с ручкой посередине и казался сделанным из какой-то очень экзотической змеиной кожи. На нем не было крышки и ничего, похожего на замок. Я только мельком заметил ярко раскрашенную наклейку на конце, около коммивояжера. Через несколько минут я потерял к нему всякий интерес, протер окно и стал следить за дождливым пейзажем, проносящимся мимо со скоростью 60 миль в час.

Мы покрыли миль 30, прежде чем мое внимание опять вернулось к нему. Ал и Джо теперь молчали, погруженные в спячку размышлений. Но комми украдкой напряженно изучал невозмутимого человечка, новобранцы тоже не спускали с него глаз.

Проследив за направлением взгляда юной четы, я увидел, что они смотрят на баул. Его владелец повернул его так, что конец баула был теперь обращен к нам. Мы ясно видели наклейку. Она выглядела совершенно необычайно.

Тисненый клочок глянцевитой бумаги около 6 дюймов на 4 в ярких красках изображал громадное здание, похожее на огромную розовую пирамиду, усеянную тысячами окон. Внизу шла отчетливая строка волнистого шрифта. Ее рисунок походил на арабский.

— Скоро ли мы прибудем в Фарбург? — спросил человечек.

— Еще минут 10, — ответил я. Он, по-видимому, хотел продолжать разговор. Мои глаза вернулись к баулу.

— Благодарю вас, — отозвался он крайне вежливо. Его улыбка была всеобъемлющей.

Занятная штука, эти украшения на бауле. У меня их было много, в свое время — я коллекционировал этикетки, ярлыки и наклейки всех путей, от Леопольдвилля до Тонга-Табу, но никогда не видел ничего подобного. Не встречал я и шрифта, похожего на изображенный на рисунке. Чей он был — персидский, санскритский, арабский, башибузукский?

Комми выказывал больше интереса, чем кто-либо из нас. Подняв любопытные глаза, он спросил:

— Иностранец?

— О, вполне, — заверил человечек очень решительно. Он довольно охотно отвечал, но не поддерживал разговора.

Эта наклейка вызывала во мне муки Тантала. Где пользуются письменами такого рода, и что это за страна с небоскребами, похожими на розовые пирамиды?

Спрос не беда, во всяком случае. Я не люблю, когда меня считают слишком любопытным, но он казался слишком добродушным, чтобы рассердиться на вопрос или два. Юная чета все еще смотрела очарованным взглядом на наклейку, а комми ерзал на месте, пытаясь взглянуть еще раз. Даже Ал и Джо начали сознавать наличие чего-то интересного.

Когда поезд застучал на стыках, то баул запрыгал на пухлых коленках владельца. Поверхность змеиной кожи начала играть и переливаться разными красками.

— Я очень извиняюсь, м-р э...?

— Визель, — сказал человечек чрезвычайно удовлетворенно. — Меня зовут Визель.

— Благодарю вас. А меня — Расселл. Я не хочу показаться нахальным, но эта наклейка на вашем бауле...

— А, да, наклейка, — сказал он. — Отдельная наклейка. Вы знаете, как они наклепывают их. Весьма украшает, если вы коллекционируете.

— Меня интересует здание, изображенное на ней.

— Ах, это! — Теперь все выпрямилось. — Это Отель Красных Гор.

— А надпись? — настаивал я. — Признаюсь, я не понимаю.

Он просиял и сказал:

— Надпись — чистейший комрийский язык, скорописный шрифт, который можно назвать стенографическим.

— Вот как? — я запнулся, полностью побежденный. — Благодарю вас.

Я сдался и отступил, сожалея о своих расспросах.

Он положил свой баул поудобнее, все еще крепко держась за него. Теперь Ал и Джо целиком видели предмет обсуждения. Толстая пара говорила о нем безучастно и без воображения.

В купе воцарилаась странное молчание, пока поезд огибал закругление и катился к Фарбургу. Я поднялся, влез в свой плащ, готовясь выходить. Маленький человечек сделал то же.

Комми не смог дольше устоять. Его расчетливые глаза выражали отчаяние, так как загадочный м-р Визель стоял уже у двери с баулом в руке, ожидая остановки поезда.

— Скажите, мистер, где, во имя ада, находится Отель Красных Гор и какие дьяволы пишут на чистейшем комрийском языке?

Поезд останавливался.

— Марс и марсиане, — спокойно произнес Визель. Затем открыл дверь и вышел. Я последовал за ним, оглянувшись в купе. Ал и Джо уныло смотрели в открытую дверь со слегка ошеломленным видом. Коммивояжер за ними огорченно наклонился к молодой чете. Он говорил им:

— Видите? Он обманул нас и ушел, а я попался на удочку! Он наговорил нам чепухи, а я на нее клюнул, черт возьми!

Я нагнал человечка, когда он рысью трусил к выходу. Он улыбался, увидев меня.

— Вы не поверили, — утвердительно заметил он довольным тоном. — Никто не верит. Это ловко, знаете ли. Позволяет ходить повсюду без всяких хлопот.

Едва зная, что с ним делать, я спросил:

— Куда вы идете?

— Посмотреть, посмотреть, — ответил он весело. — Конечно, я хочу увидеть и узнать побольше за оставшееся мне время.

Он улыбнулся мне, размахивая баулом.

— Знаете, меня уверяли, что за мной будут охотиться на смерть, как за югаром из пустыни. Но нет! Ни одна душа не верит ничему, а это упрощает мою задачу.

— Братец, — сказал я. — Такой рассказ, конечно, трудно проглотить.

Мы задержались, так как выходившая толпа сбилась у выхода. Я достал свой билет.

Он шел передо мной. Я следовал за ним близко, очень близко. Совершенно равнодушно он предъявил контролеру пустую руку. Сборщик небрежно взял ничто из его руки, пробил кусочек невидимого своими щипцами и бросил его в ящик. Затем он взял мой билет.

Я не успел опомниться, как Визель сказал:

— Так приятно было познакомиться с вами! Прощайте! — И вскарабкался в ожидавшее его такси.

Мои мысли кружились, занятые, главным образом, подозрениями относительно моих собственных глаз. Я видел такси, видел прохожих. Он, должно быть, загипнотизировал контролера. Другого объяснения не могло быть.

Мотор такси заработал как раз, когда я достиг его. Я сунул голову в окно, открыл рот, чтобы сказать что-то, и вдруг увидел, что таращусь прямо в разгневанные глаза седовласой, полногрудой старой матроны. Она пронзила меня взглядом сквозь лорнет.

— Молодой человек! — резко бросила она.

— Простите, леди, — извинился я.

Автомобиль тронулся. Я следил, как он прошумел по скату на улицу. Черт возьми, я видел, как Визель входил в это такси прямо перед моим носом. Он не мог быть марсианином, это все чепуха. И даже если б он и был им, он не мог бы мгновенно превратиться в пожилую представительную даму.

Конечно, он не мог.

Нет, не мог.

Не мог ли он?

Издав дикий вой, я бросился вслед за машиной. Слишком поздно, конечно. Визель это или нет, но она держала его баул!

Б. БЭЙЛИ

КОРАБЛЬ, ПЛАВАЮЩИЙ В ОКЕАНЕ КОСМОСА

Рим относился к тем людям, которые сунули бы голову в самый ад для того только, чтобы посмотреть, что там такое.

Он крепко сложен, росту не очень высокого, но теперь, когда помотришь на него, эти физические черты попросту не считаются. Остается образ коренастого неряхи и пьяницы, непрерывно почесывающегося, так как мы давно уже перестали умываться и стирать одежду.

Нужно признаться, что устроились мы с Римом неплохо. Сидим себе в космическом корабле где-то за Нептуном, наша задача — исследовать распространение частиц с высокой энергией, ну и все такое. Или вернее — это задача Рима, потому что я в физике ничего не смыслю. Мое дело — составлять ему компанию, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

Может быть, это и смешно, но мы с Римом старые приятели; говоря откровенно, мне на Земле с работой никогда не везло, и когда Рим предложил мне такую сладкую жизнь, я охотно сменил на нее свои постоянные скитания.

Рим — один из самых выдающихся физиков в нашей системе и мог бы вести гораздо более важные исследования, но его теперешняя работа была единственной, какую ему предложили с тех пор, как он поколотил директора Центра субъядерных исследований при Лондонском университете. Однако ему и мне эта работа нравится.

В сущности, здесь премило. Для ада, правда, холодно-вато, но в каютах тепло и уютно. Время от времени Рим опускается до того, чтобы посвятить 2—3 часа выслеживанию своих частиц, или как их там, но чаще всего мы с ним сломаемся, выпиваем и ссоримся, доходя порою и до драки. Обычно побеждает Рим, но — клянусь! — прежде чем он покончит со мной, я еще покажу ему, где раки зимуют. Запасы всего у нас огромные, хватит на целый год, а когда они кончатся, мы возвращаемся на Землю, грузимся — и опять в космос!

Когда мы прошлый раз были на Земле, Рим получил взбучку за плохо составленные отчеты, но я в последнее время не замечал, чтобы он вообще что-нибудь делал.

Да и трудно сердиться на него за это. Подобные занятия должны быть чертовски скучными для Рима, способного на гораздо большее.

Иногда, наскучив сидением внутри, мы надеваем скафандры и выходим наружу. Усаживаемся поудобнее, потягиваем живо сквозь затворы скафандров и любимемся зрелищем Вселенной. Космос — великолепное зрелище, особенно тут, где Солнце выглядит лишь очень яркой звездой. Кругом совершенная тьма, но без тумана, так что видимость очень хорошая, только видеть поблизости нечего. Холод и пустота.

Но нам с Римом это не мешает. Обоим нам общество людей надоело, а я, кроме того, слышал, что на земле в последнее время начали поговаривать о «сухом» законе.

* * *

Именно так мы и сидели однажды снаружи, когда я заметил вдруг, что вижу что-то.

Я показал это Риму. Что-то маленькое, черное, слишком маленькое и отдаленное, чтобы иметь форму, во всяком случае, око закрывало звезды и отражало свет.

— Знаешь что, — недоверчиво произнес Рим, — это может быть астероид.

Эта мысль мне понравилась. До сих пор не встречали ни одного астероида, но на складе у нас была кое-какая взрывчатка — на всякий случай. Рим любит пиротехнику.

Мы протиснулись обратно в шлюз, сняли шлемы и вошли в кабину управления. Не прошло и минуты, как Рим поймал объект на экраны и провел измерения.

— Скорость 30 миль в час, — сказал он и включил маневровые джойстики. — Пойдем разглядим его.

— Тридцать миль в час? Не очень же большая скорость, верно?

— Относительно нас. — Несмотря на всклокоченные волосы и на бороду, заполнявшую у него все лицо, я различил морщинку у него на лбу. — Похоже, он летит по той же орбите, что и мы.

— Тогда откуда у него эта тридцатимильная разница в скорости? Он должен и двигаться с той же скоростью, что и мы.

Рим не ответил: он держал у рта бутылку. Но когда мы приблизились к астероиду, он начал нетерпеливо постукивать по массометру, потом ударил его, что есть силы.

— Эй, в чем дело? — крикнул я.

— Массометр не действует, — буркнул он.

— Как не действует? Должен действовать!

— Не валяй дурака, у этой штуки должна быть масса. Все равно, мы подошли к нему так близко, что можем выйти наружу и посмотреть своими глазами.

И тогда оказалось, что это совсем не астероид.

* * *

Странный предмет мог иметь в длину с полмили, а в ширину — примерно всемеро меньше, и он был покрыт продольными, находящими друг на друга полосами какого-то темного материала. Если бы я сказал, что это выглядело сногшибательно, получилось бы чересчур мягко.

Одно верно: я не мог определить его форму, кроме того, что он несомненно был более длинным, чем широким. Всякий раз, когда я пытался сосредоточить на нем внимание, чтобы оценить его визуально, он словно ускользал от меня, не двигаясь с места. Мне почему-то казалось, что он скользок, как рыба.

И еще одна странность. В космическом пространстве нет понятия о «верхе» и «ниже», есть только «здесь» и «там». Но все-таки — черт побери! — всякий раз, когда я на него взглядывал, мне казалось, что я смотрю вверх. И мне все время хотелось взобраться на него, чтобы посмотреть, что там наверху. В сущности, этого хотелось нам обоим. Мы включили двигатели на скафандрах и обошли объект вокруг, пытаясь понять, в чем тут дело. Но все было напрасно: из любой точки он выглядел одинаково, а у меня каждый раз возникало все то же идиотское ощущение, будто мы смотрим на него снизу, а наверху есть что-то интересное, стоящее нашего внимания.

В конце концов, мы решили высадиться прямо на этом объекте. Я включил шлемофон и услышал, как Рим почесывается внутри своего скафандра.

— Ну так вот, этот объект не имеет естественного происхождения, — решил он. — Это дело человеческих рук.

— Ох, батюшки! — хихикнул я. — Никогда бы мне не догадаться, если бы ты не сказал.

— Заткнись! — Он отошел немного, ворча себе под нос, и, наклонившись, начал исследовать странный объект. Вскоре я снова услышал его голос, но на этот раз отчетливый и дружелюбный: Рим нашел что-то интересное.

— Какой-то чудной материал, — сказал он. — Нельзя получить никакого звука.

— А какой звук ты ожидаешь услышать в космическом вакууме?

— То есть я не вижу, чтобы от удара кулаком в нем возникали колебания. Не чувствую даже никакого сопротивления своей руке, хотя она и задерживается, как и должна. И знаешь что? Наш массометр все-таки действовал!

— Вот еще важность! — иронически фыркнул я.

Рим выпрямился и приблизился ко мне.

— Пиво у меня кончилось. У тебя не осталось случайно?

Я молча протянул ему банку и тотчас же услышал противоестественное бульканье, когда он всасывал пиво сквозь штуцер в шлеме.

Горло у него, очевидно, пересохло от волнения. Он опорожнил банку за 40 секунд, отшвырнул ее в пространство, замигал и начал мутными глазами изучать свое открытие.

— Это корабль, — произнес он наконец. — Ничего другого быть не может. А если корабль, то он должен быть пустотелым. Хотелось бы мне заглянуть к нему внутрь.

— Лучше будет, если ты только просветишь его какими-нибудь лучами.

— Ах! — Рим как-то осел внутри скафандра: в отсутствие тяготения это было равносильно тому, чтобы броситься в кресло. У него иногда бывают минуты хандры, и я видел, что сейчас как раз наступила такая минута.

— Подожди тут! — приказал он потом. — Я иду за сумкой с инструментами.

Он чуть не сбросил меня в космос своей реактивной струей, — с такой скоростью кинулся к нашему кораблю. Я мысленно увидел, как он там мечется, проклинает и переворачивает все вверх дном. Он уже с полгода не был в лаборатории и, конечно, забыл, где у него что. И все же

через каких-нибудь 20 минут он примчался обратно с полной сумкой и с запасной батареей, подвешенной на шее.

— Эгей! Вот и я! — взвизгнул он, мгновенно преодолевая десятимильное расстояние между нашим и чужим кораблем. Не успел я встретить его на месте посадки, как он уже закрепился на корпусе и начал монтировать электродреель.

— Что ты хочешь сделать? — спросил я.

— Просверлить дырку.

— С ума ты сошел... — начал я, потом понизил голос: — Послушай, если бы эти люди хотели к нам выйти, они бы давно уже вышли. Нужно иметь хоть чуточку такта. И потом, нельзя же так просто сверлить дырки в чужом корабле! Ты у них весь воздух выпустишь.

— Ничего с ними не станется, — ответил он небрежно. — Если они настолько умны, чтобы совершать космические верелеты, то уж, конечно, справятся и с маленькой дырочкой. Впрочем, я и сверлю только, чтобы посмотреть, из чего сделан этот корабль.

С этими словами он включил ток и, наклонившись над дреелью, приставил ее к корпусу.

С минуту я смотрел, как кончик сверла входит в вещество, похожее на древесину, но вскоре у меня возникло какое-то странное чувство, и я нашел, что не могу больше смотреть.

Я обошел корабль, удивляясь его странной форме. Сам не зная почему, я всматривался, ища киль, которого, разумеется, не было. Меня все не покидало странное ощущение, будто этот корабль плывет на ровном киле.

Плывет? Ну, да. Это я так подумал. Можно ведь сказать, что он плывет в космическом пространстве.

Я как раз хотел вернуться к Риму, чтобы посмотреть, как у него получается, когда заметил какое-то движение. Из поверхности корпуса выползало что-то острое, блестящее...

— Рим! — изумленно крикнул я. — Сверло прошло насквозь!

— Далеко ты?

— Ярдов 50.

Рим недоверчиво проворчал что-то и примчался ко мне. При виде металлического кончика глаза у него чуть не вылезли из орбит.

— В этом сверле нет и 8 дюймов... Как оно могло пройти 50 ярдов? Иди посмотри... нет, воготи!

Он дал газу и мгновенно очутился по другую сторону.

— Вынимаю сверло! — крикнул он. Двигается конец?

— Д-да, — пролепетал я, глядя, как кончик сверла то появляется, то прячется. — Ты сделал две дырки, а не одну!

— Невозможно! Ну-ка возмись за его конец и пошевели, мы должны убедиться...

Поколебавшись, я крепко ухватился за сверло и начал двигать туда и сюда, ощущая при этом сопротивление, причиной которого мог быть только Рим. Вдруг он крикнул мне прямо в ухо:

— Рукоятка! Шевелится у меня в руках!

— Мне страшно! — Это выражали и слова мои, и голос.

— Так иди ко мне, а то мне тоже страшно.

Я был поражен тем, что Рим чего-то испугался, но это только придало мне крылья. Однако, когда я к нему приблизился, он уже успел взять себя в руки, хотя и продолжал судорожно сжимать дрель, над которой склонился.

— Знаешь, о чем я думаю? — шепнул он, глядя на меня большими глазами. Что там, внутри, **никакого пространства нет!**

— Ты что, думаешь — он внутри сплошной?

— Совсем нет! — Он раздраженно потряс головой. — Послушай, ты помнишь, на сколько сверло торчало с другой стороны?

— Дюйма на 4.

— А ты знаешь, на какую глубину я его ввел? На 4 дюйма! Кончик входит здесь, а выходит тотчас же на 50 ярдов дальше! Между бортами корабля нет никакого расстояния. А если нет расстояния, то нет и пространства. **Внутри этого корабля пространства нет!**

Настало долгое молчание.

— Вернемся-ка лучше, — неуверенно предложил я.

Рим заворчал себе под нос, покачивая головой, но извлек сверло и выключил ток.

И тут сверло вдруг начало изгибаться и колыхаться, как язык пламени, а не как твердое тело.

Но это еще не все. Римова рука, державшая инструмент, тоже начала изгибаться и трепетать, поплыла, как струйка дыма на ветру. При виде этих неправдоподобных деформаций собственной конечности Рим дико завизжал.

Потом столь же невероятным образом затрепетал с этой стороны и его скафандр. Похоже было, что Рима вдруг начало втягивать в просверленное им отверстие.

— Рим, беги! — крикнул я, слишком ошеломленный, чтобы помочь ему.

Он глядел, словно не веря своим глазам, на то, как вытягивается и волнуется его тело, потом включил свой двигатель, и не успел я ничего понять, как мы уже мчались без оглядки к нашему кораблю. Ничего не видя вокруг, я ввалился внутрь, и тут оказалось, что Рим уже поджидает меня.

— Рим, — прошептал я, задыхаясь. — Ну и поспешил же ты! С тобой ничего не случилось?

— А что могло случиться? — раздраженно отозвался он. — Конечно, ничего. Деформировался ведь не я сам, а пространство, зачатое мною.

Я присмотрелся к нему внимательнее, но не нашел никаких отклонений. Это был все тот же коренастый и неприятный пьяница Рим.

Он зубами сорвал колпачок с бутылки и начал жадно глотать пиво, стекавшее у него по подбородку на грудь. Я тоже взял себе пива. Оно было такое чудесное, что я охотно выкупался бы в нем, но в программе этого не было.

— Ты понимаешь, что произошло? — спросил он между двумя глотками, устраиваясь на койке. — В эту дыру вливалось пространство, а внутри там никакого пространства не было. Теперь мы знаем, по крайней мере, пространство ведет себя, как жидкость.

— А я думал — пространство это только система, — отозвался я сквозь такое же, как у него, бульканье.

— У пространства есть определенная структура, — серьезно возразил он. — Есть направления: восток, запад, север, юг, зенит. Есть также расстояния... Боже мой! — Его налитые пивом глаза вдруг загорелись возбуждением, он вскочил и включил все экраны внешнего обзора. — Смотри! Вот космос, все его звезды находятся в пространстве. Все! Кроме... — Тут голос у него перешел в бормотанье, он выпустил бутылку из рук и начал на шаривать полную в громоздящихся вокруг ящиках. Потом опять опустил на койку и, помрачнев, задумался.

— Одного только я не понимаю, — снова начал он. — Почему эта штука похожа на греческую трирему?

Я был счастлив, что снова очутился в нашей уютной кабине. Освещение у нас всегда соответствует настроению. И если не считать преюющих обьедков и зоии, то здесь и вправду очень хорошо. Охотнее всего я позабыл бы о встрече с этим инородным телом: оно только нарушило наш покой.

— Не тревожься об этом, — успокоительно сказал я. — День у нас был трудный. Давай выпьем.

Но Рим не успокаивался, и мы продолжали пить в угрюмом молчании. В этом полете у нас уже не раз бывали такие пьяные приступы, особенно когда нас охватывали воспоминания о неудачах на Земле, но никогда еще я не видел, чтобы Рим накачивался с таким отчаянием.

Часа через два ему удалось, пыхтя, занять сидячее положение.

— Неужели ты не понимаешь... — заговорил он хрипло, с трудом подбирая слова. — Неужели не понимаешь, в чем фокус с этим кораблем? Он ведь плывет по пространству, как лодка по воде. Он, по сути, находится вне пространства вне измерений. Но он держится на них, и мы видим ту его часть, которая лежит ниже его ватерлинии... то есть которая погружена в наше пространство!

— Но у него же нет никакой тяжести, — довольно несвязно возразил я. Оба мы набрались уже порядочно.

— Тяжесть есть, но в их смысле, а не в нашем идиот! Ох, а если наше пространство для них — вода, то что для них воздух? А мы... ты знаешь, кто для них мы? Рыбы в море. Рыбы, которые никогда не смогут выбраться на поверхность.

Он ощупью приблизился ко мне и дотронулся до моего плеча.

— Слушай, что я тебе скажу: у нас никогда больше не будет такого случая...

— Какого случая?

— Чтобы посмотреть, каково это там, где нет пространства. Я войду в этот корабль.

— Но это ведь невозможно!

— Почему невозможно? Ты мне будешь указывать, что я могу, а чего не могу сделать. Мне, Риму, Риму Великому? Не будь меня, тебя бы здесь и вовсе не было. Ты бы и сейчас валялся по канавам на Земле...

Даже охмелев, я понял, что Рим достиг стадии раздражения, за которой следовала стадия разнеженности над собой. Я никогда и ничем не мог помешать этому, а тут, по крайней мере, появилось какое-то разнообразие. Во всяком случае, по сравнению с другими шальными мыслями, какие в этом состоянии могли прийти ему в голову, эта мысль была оригинальной и в ней было что-то рискованное.

— Подумай! — Мне все-таки хотелось отговорить его. — Каким чудом ты собираешься проникнуть туда? Там ведь

нет никаких отверстий. Если бы ты больше времени посвящал лаборатории...

— Вот именно, лаборатории! — Из глаз у Рима брызнули крупные бурые слезы. — Мне преградили путь ко всякой более серьезной научной работе! Сослали меня сюда, где я, по их мнению, ничего не могу сделать...

— Героев редко ценят по достоинству, — попытался я его утешить.

— Вот увидишь, Рим еще сделает открытие, которому все будут дивиться! Рим исследует сущность пространства. Ты увидишь...

— Но, старик, туда действительно невозможно попасть!

— «Невозможно»! Хватит и нескольких унций взрывчатки. Важнее всего забраться туда раньше, чем волеется это чертово пространство. И я буду смотреть... смотреть...

Голос у него снова перешел в бормотанье. Я вскочил на ноги. Рим был опасно пьян.

— Ну ладно, а что будет с людьми, которые там есть?

* * *

Он кинул на меня злобный взгляд, какого я до сих пор у него не видел. Только теперь я понял, до какой степени он ненавидит общество за то, что оно с ним так обошлось, хотя он сам был виноват в этом. Теперь он решил отыгаться на моральном кодексе этого общества.

— С людьми? — рявкнул он. — Глоток пространства им не повредит. Это ради науки!

Я покачал головой со всей решительностью, на какую был способен.

— Ты никуда не пойдешь!

— А ты будешь указывать Риму, что и как? — Он пьяно качнул головой, и его кулак стукнул меня по плечу. Я пошатнулся. Сквозь боль, сквозь молнии, пронизавшие мне мозг, я пытался определить ситуацию, пока не свалился, зацепившись за стул. Рим надвигался на меня. Я повернулся на бок, чтобы избежать очередного удара и одновременно чтобы найти какое-нибудь оружие для обороны. Бутылка! Под руку мне попала пустая бутылка. Поднимаясь с полу, я схватил ее.

Рим, пригнувшись, тоже нацелился на меня бутылкой.

— Ага, вот до чего дошло! — прорычал он и ударил своей бутылкой о край стола. Этого еще не бывало.

— Рим! — закричал я в ужасе. — Мы ведь были друзьями с детства!

Пятясь, я отступал к стенке, и бутылка выпала у меня из рук. Рим приближался, свирепо выставляя вперед иззубренное стекло, словно примериваясь ударить меня, но в последний момент отшвырнул бутылку и припечатал мне челюстью одним из лучших своих ударов.

И тогда я на некоторое время покинул кабину и унесся в блаженные просторы обморока.

Когда я очнулся, Рима не было. Не знаю, сколько времени я отсутствовал, 5 минут или 10.

Я чувствовал себя слишком скверно, чтобы идти за ним. Я встал со стоном, погоревал над собой и снова улегся, на этот раз на койку. Голова у меня разламывалась, и не только от пива.

Впервые в жизни я ощутил угрызения совести. Почему — не знаю. Их должен был бы ощущать Рим, а не я. И все же я потащился к зеркалу и долго стоял перед ним, недоверчиво вглядываясь в свое отражение.

— Ты выглядишь кошмарно, — бросил я отчаянное обвинение по собственному адресу. — Так же кошмарно, как и он.

С минуту еще я утешал себя мыслью, что это, может быть, не совсем верно, потом мне захотелось узнать, что с ним. Я включил главный экран, и на нем появился чужой корабль. Увеличив изображение в несколько раз, я увидел своего приятеля: он возился с чем-то в нижней части кормы. И вдруг я увидел, как он поспешно отступает, и тотчас вслед за тем мощный взрыв пробил в корпусе корабля большую брешь.

* * *

Рим немедленно нырнул туда, но в короткие секунды, пока он не исчез из виду, я успел заметить, как он скручивается и извивается, словно струя в сильном течении. Но очень скоро я потерял к нему интерес, и меня целиком захватило то, что творилось с кораблем.

Когда пространство вторглось к нему внутрь, он начал тонуть. Это значит — он становился все больше, отчетливее, величавее. По мере погружения выяснялась и загадка его формы, пока, наконец, он не предстал перед нами, рыбами, во всем своем великолепии: с килем, который у него действительно был, с изогнутой линией носа, с бортами и кормой. Я заметил даже рулевое весло.

Корабль медленно появлялся в нашем звездном космосе, колышимый космическими течениями. Наконец, когда он затонул полностью, я увидел все подробности: откры-

тую палубу, мертвую команду, большой квадрат паруса, а в заключение — знатную чету, плывшую на этом корабле: юноша с лицом поэта, с золотой цепью на шее, с коротким кинжалом — символом власти — у пояса, и красавица в легком одеянии, с замысловатой прической, крепко обнимали друг друга. Смерть придавала их чертам выражение мира и спокойствия. Правда, ростом они были метров по 10...

* * *

Минуты через 2 корабль начал распадаться. При виде маленькой фигурки, продирающейся среди обломков, я включил радиотелефон. Послышалось хриплое дыхание Рима. Все шло по программе. Он включил свои двигатели и мгновенно перелетел расстояние, отделявшее его от молодой четы. На фоне этих прекрасных тел он казался уродливым карликом.

* * *

Вскоре эти погруженные в пространство тела тоже начали распадаться, таять, превращаться в крутящиеся пылинки, в короткие молнии и спирали. И вот, наконец, весь корабль, пропитавшись водой, то есть пространством, рассыпался на мельчайшие частицы, погружающиеся в небытие.

— Боже мой! — простонал дрожащим голосом Рим. — Я убийца!

Еще через 20 минут на экране была лишь черная пустота. Рим вернулся на наш корабль и недовольно проворчал, что так и не узнал ничего о том, как бывает там, где нет пространства.

* * *

Весь научный отчет Рима за этот год гласил: «Наткнулись на парусный корабль. Потопили его». Я надеюсь, что нас не уволят за это: не знаю, попадетсЯ ли нам когда-нибудь другое такое место. Во всяком случае, пива нам хватит еще месяца на 3, а там — посмотрим.

Боюсь, впрочем, что его нам хватит только на 2 месяца, а то и на один.

На следующий день после приключения Рим сказал мне, усмехаясь:

— Знаешь, я как-то не могу представить себе таких существ, для которых наше пространство — тяжелая жидкость. Хотел бы я увидеть их самолеты!

— Вот именно, — подтвердил я. — А мне хотелось бы узнать, что будет, когда они изобретут подводные лодки.

А. К. КЛАРК

ОГОНЬ ИЗНУТРИ

— Я нашел кое-что для тебя, — с важным видом произнес Карн. — Вот, погляди-ка. — И сунул мне пачку бумаг, а я неизвестно в который раз решил просить, чтобы его перевели куда-нибудь. А если не его, то меня.

— В чем дело? — неохотно спросил я.

— Длинный доклад городского врача Нэтьюза, адресованный министру науки. — Он махнул бумагами перед моим носом. — Только возьми и прочти!

Я начал читать бумаги без особой горячности. Потом, взглянув на него, проворчал:

— Кажется, на этот раз ты не ошибся. — И не говорил больше ни слова, пока не дочитал до конца.

* * *

Уважаемый г. министр (так начиналось письмо). Выполняя Ваше поручение, настоящим сообщаю об экспериментах профессора Хэнкока, приведших к столь неожиданным и поразительным результатам. Вследствие спешки я не мог придать этому письму более официальную форму, так что посылаю Вам черновик.

Поскольку Ваше внимание, несомненно, занято многими другими делами, я вкратце обрисую историю наших контактов с проф. Хэнкоком. До 1955 г. проф. Хэнкок исполнял в университете Брендона обязанности руководителя ка-

федры электроприборов им. Кельвина, после чего получил бессрочный отпуск для проведения научных исследований. Его сотрудником тогда был д-р Клейтон, ныне покойный, ранее бывший главным геологом в министерстве энергетики. Их совместные исследовательские работы финансировались Фондом Паули и Королевским обществом.

Профессор намеревался развить сонар, как метод подробного геологического исследования. Сонар, как Вам известно, — это акустический аналог радара, он известен меньше радара, зато на несколько миллионов лет старше него, так как летучие мыши успешно пользуются им для обнаружения насекомых и препятствий в ночном мраке. Хэнкок решил посылать в недра Земли ультразвуковые импульсы большой мощности, а затем на основании отраженного эха строить изображение того, что находится в глубине. Изображение должно было получаться на экране осциллоскопа, и все устройство должно было основываться на принципе радара, каким пользуются летчики для наблюдения поверхности Земли сквозь слой облаков.

В 1957 г. оба исследователя получили частичные результаты, но имевшиеся у них фонды были исчерпаны. В начале 1958 г. они обратились непосредственно к правительству с просьбой о дальнейших кредитах. Д-р Клейтон подчеркивал огромную ценность устройства, позволяющего получать своего рода рентгенограммы внутренней земной коры, а министр энергетики переслал их заявление нам, заранее сделав пометку о своем согласии. Незадолго до этого был опубликован отчет Комитета Бернала, в связи с чем нам надлежало как можно быстрее рассматривать все дела, во избежание дальнейших возможных упреков. Поэтому я тотчас же отправился к проф. Хэнкоку и составил отчет, давший положительные результаты: уже через несколько дней мы перевели на текущий счет /543A/68 первую долю фондов.

С тех пор я неустанно следил за ходом исследований, иногда участвуя в них в качестве технического консультанта.

Аппаратура, служащая для экспериментов, сложна, но принципы действия у нее простые. Очень короткие, но чрезвычайно мощные ультразвуковые импульсы создаются специальным вращающимся передатчиком, погруженным в плотную жидкость органического происхождения. Получившийся пучок колебаний проникает в глубь Земли. Применяя чрезвычайно остроумную тормозящую приставку, описания которой я не могу привести, мы получаем возможность произвольно выбирать эхо с определенной глубины,

а затем получаем на экране осциллоскопа обычное изображение исследуемых слоев.

Когда я впервые встретился с профессором Хэнкоком, аппарат у него был еще довольно примитивный, но и тогда уже он мог показывать распределение горных пород на глубине около 100 метров; мы совершенно отчетливо видели часть железнодорожной линии Бэкерлоо, туннель которой проходил близ лаборатории. Успехи профессора в значительной степени обуславливались высокой интенсивностью посылаемых им ультразвуковых импульсов, почти с самого начала он был в состоянии получать мощность порядка сотен киловатт, почти полностью излучаемую в недра Земли. Находиться близ передатчика было опасно, я заметил также, что грунт вокруг него сильно разогревается. Сначала меня слегка удивляло изобилие птиц в районе лаборатории, но вскоре я понял, их привлекают сотни мертвых червей, лежащих на поверхности.

В момент смерти д-ра Клейтона, т. е. в 1960 г., аппарат работал с мощностью свыше 1 мегаватта и давал очень хорошие изображения слоев, лежащих на глубине до полутора километров.

Д-р Клейтон еще успел сравнить полученные результаты с географическими данными и доказал с несомненностью их полноценность.

Смерть д-ра Клейтона в автомобильной аварии была большой трагедией. Он всегда оказывал известное стабилизирующее влияние на Хэнкока, не слишком интересовавшегося практическим применением своих открытий. Я вскоре заметил, что точка зрения профессора сильно изменилась, а через несколько месяцев он сообщил мне о своих новых намерениях. Я пытался убедить его опубликовать уже полученные результаты (он израсходовал уже свыше 50 000 фунтов, и Комиссия финансового контроля снова начинала давать нам знать о себе), но профессор попросил еще небольшой отсрочки. Думаю, что для выяснения его точки зрения лучше всего будет привести его собственные слова, которые я запомнил очень точно, так как они были произнесены с особенным пафосом.

— Задумывались ли вы когда-нибудь, — говорил профессор Хэнкок, — о том, что происходит в недрах Земли? Наши шахты и скважины — это лишь царапины на ее поверхности. То, что лежит глубже, известно нам менее, чем обратная сторона Луны. Мы знаем, что плотность Земли неожиданно велика: гораздо больше, чем могли бы дать скальные и другие породы, образующие кору. Ядро плане-

ты может быть однородной массой металла, но нам до сих пор неизвестны способы узнать что-нибудь в этом отношении. На глубине едва 15 километров давление должно достигать почти 5 тонн на квадратный сантиметр, если не больше, а температура — сотен градусов. Того же, что должно твориться в самом ядре, невозможно даже представить: давление там должно составлять тысячи тонн на сантиметр. Даже странно подумать, что через несколько лет люди смогут достичь Луны, что мы когда-нибудь сможем лететь к звездам, но останемся все так же далеко от ада, находящегося в каких-нибудь 6000 километров у нас под ногами... Сейчас я могу получать отчетливое эхо с глубины 3 километров, но еще через 2—3 месяца надеюсь повысить мощность передатчика до 10 мегаватт. Полагаю, что тогда радиус его действия увеличится до 15 километров, и я не намерен останавливаться на этом.

Его слова произвели на меня впечатление, но все же я был настроен скорей скептически.

— Все это прекрасно, — сказал я, — но ведь, чем глубже вы спуститесь, тем меньше можно будет увидеть. При таком давлении исключается возможность наличия пещер, через несколько километров останется только сплошная масса, все более и более плотная.

— Возможно, — согласился профессор. — Но все же можно сделать немало выводов уже из самого характера проникновения луча. Впрочем, увидим.

Это происходило 4 месяца назад, а вчера я видел результаты его исследований. Когда я приехал по его приглашению в лабораторию, профессор был явно возбужден, но не делал ни малейших намеков на открытие, если он открыл что-нибудь. Он показал мне свою усовершенствованную аппаратуру и вытащил приемники, обычно погруженные в жидкость. Микрофоны были теперь гораздо чувствительнее, и это одно помогло удвоить радиус действия, независимо от роста мощности передатчика. Странно было смотреть на медленно вращающуюся стальную конструкцию и созидать, что в этот самый момент она исследует область, навсегда недоступные для человека, несмотря на их близость.

Когда мы вернулись в кабину с наблюдательными приборами, профессор был странно молчалив. Он включил передатчик, и хотя тот находился метрах в 50 от нас, я ощутил неприятную вибрацию. Потом экран осциллоскопа засветился, и медленно вращающийся луч нарисовал картину, уже столько раз виденную мною, но она была гораздо рез-

че, благодаря повышенной мощности и чувствительности аппарата. С помощью регулятора глубины я направил аппарат на туннель метро, видимый ясно, как темная полоса на бледно светящемся экране. Пока я смотрел, полоса вдруг наполнилась словно туманом, и я понял, что вижу пробегающий поезд.

Потом я начал опускаться все глубже.

Хотя я видел эту картину уже много раз, впечатление было каждый раз непривычным: странно видеть проплывающие светлые массы и знать, что это глубоко погребенные обломки скал, вероятно, принесенные ледниками 50 000 лет назад. Клейтон составил карту, по которой мы могли теперь опознавать различные пласты по мере их появления; и я увидел вдруг, что верхние слои уже остались надо мной и что я погружаюсь в огромную линзу глины, которая собирает и сохраняет в себе весь запас воды, доступный для артезианских скважин нашего города. Вскоре я миновал и ее и начал погружаться в скалистую основу свыше, чем в километре над поверхностью.

Изображение оставалось все время четким и ясным, хотя видеть было почти нечего, так как структура грунта менялась теперь мало. Давление приближалось к 1000 атмосфер, вскоре всякие пустоты окажутся невозможными, так как даже скала начнет становиться текучей. Я опустил километр за километром, но по экрану проплывал теперь только беловатый туман, прерывавшийся чем-либо лишь изредка, когда эхо отражалось от какого-нибудь более плотного слоя. Чем глубже, тем такие перерывы становились реже; возможно, что они становились такими мелкими, что я перестал различать их.

Масштабы видимого изображения становились, разумеется, все меньше. Его радиус составлял уже много километров, я вдруг почувствовал себя, как летчик, глядящий с огромной высоты на непрерывный покров облаков. На мгновение у меня закружилась голова при мысли о бездне, в которую я смотрю. Не думаю, чтобы мир у меня под ногами когда-нибудь показался мне вполне прочным.

На глубине километров 12—15 я остановился и взглянул на профессора. С некоторых пор на экране не было никаких перемен, и я знал, что здесь породы слились в бесформенную сплошную массу. Я быстро подсчитал в уме, и меня прозяло дрожью, когда я понял, что там, где я нахожусь, давление составляет не менее 5 тонн на каждый квадратный сантиметр. Луч обращался теперь очень медленно, так

как слабому эху требовалось несколько секунд, чтобы вернуться с этих глубин.

— Поздравляю вас, профессор, — сказал я. — Это поистине крупное достижение. Не думаю, чтобы с этого уровня и до самого центра Земли еще могли произойти какие-нибудь изменения.

Он ответил мне кривоватой улыбкой.

— Идите дальше, это еще не конец.

Его интонация озадачила меня и вызвала тревогу. С минуту я напряженно присматривался к нему. Черты его лица были едва видны в голубовато-зеленоватом свечении экрана.

— Как глубоко идти? — спросил я, снова начиная свой нескончаемый спуск.

— До 22 километров, — коротко ответил он.

Мне хотелось узнать, как он мог определить это, ибо последние явные следы, какие я заметил, находились на глубине 12 километров. Но я продолжал спускаться сквозь скалы, а луч обращался все медленнее, так что в конце концов на один оборот у него уходило почти 5 минут. За плечами у себя я слышал тяжелое дыхание профессора, и однажды спинка моего стула скрипнула, когда он сжал на ней пальцы.

Потом на экране стало вдруг что-то появляться. Я наклонился, присматриваясь, не зная, не вижу ли первые признаки металлического ядра Земли. Луч с убийственной медлительностью повернулся на 90°, потом на 180°. А тогда...

Я вдруг вскочил, крикнул «Боже мой!» и взглянул профессору в лицо. Только раз в жизни я испытывал такое потрясение — 15 лет назад, когда случайно включил радио и услышал, что была сброшена первая атомная бомба. То было так неожиданно... А это — еще хуже, ибо непонятно. На экране появилась сетка из тонких линий, перекрещивающихся и составляющих рисунок совершенно симметричной решетки.

Я помню, что долгое время не мог произнести ни слова, так как луч успел совершить полный оборот, пока я стоял так, пораженный неожиданностью. Потом профессор загovorил тихим, искусственно спокойным голосом:

— Я хотел, чтобы вы сами увидели это собственными глазами, прежде чем я скажу что-нибудь. Действительный радиус изображения сейчас — 50 километров, а каждый из этих прямоугольников имеет в длину 3—5 километров. Прошу заметить, что вертикальные линии несколько сближа-

ются, а горизонтальные — несколько изогнуты. То, что мы видим, — это часть огромной системы концентрических кругов, ее центр должен находиться значительно севернее, где-то в районе Кембриджа. Как далеко тянется эта система в другую сторону — неизвестно.

— Но что это такое, ради всего святого?

— Очевидно, искусственное образование.

— Абсурд! В 20 километрах под поверхностью?

Профессор снова указал на экран.

— Даю вам слово, я старался как только мог, — произнес он, — но не могу убедить себя, что это может быть делом природы.

Я не знал, что ответить ему, а он, помолчав немного, продолжал:

— Я сделал это открытие 3 дня назад, пытаюсь определить границы действия аппарата. Я мог бы спуститься и на большую глубину, но склонен полагать, что эта структура будет слишком плотной, чтобы луч мог пройти сквозь нее. Я обдумал с дюжину теорий, но в конце концов возвращаюсь к одной. Мы знаем, что на этой глубине давление должно достигать 8—10 тысяч атмосфер, а температура должна быть достаточно высокой, чтобы расплавить скалы. Однако нормальная материя, несмотря ни на что, состоит преимущественно из вакуума. Предположим, что там, внизу, существует жизнь — не органическая, разумеется, но основанная на частично уплотненной материи, в которой электронных оболочек осталось мало или совсем нет. Вы понимаете, о чем я думаю? Для таких существ даже сплошная скала на глубине 22 километров будет составлять не большее препятствие, чем для нас, например, вода... А мы и весь наш мир будем неосознаваемыми, как призраки.

— Значит, то, что мы тут видим...

— Это город. Или что-нибудь в этом роде. Зная его размеры, вы можете оценить цивилизацию, смогшую его построить. Весь известный нам мир, все наши океаны, и материки, и горы — это лишь туманная оболочка вокруг чего-то, превышающего наше разумение.

Некоторое время никто из нас не говорил ни слова. Помню глубокое ошеломление, вызванное той мыслью, что я один из первых в мире людей, которым дано было узнать страшную правду, ибо я почему-то ни секунды не сомневался, что это правда. И еще — я размышлял над тем, как будет реагировать на оглашение этой правды остальное человечество.

Наконец, я прервал молчание.

— Если ваша теория верна, — сказал я, — то почему бы... кем бы они ни были... никогда не вступали с нами в контакт?

Профессор поглядел на меня словно бы с жалостью.

— Мы считаем себя неплохими инженерами, — сказал он, — а каким образом мы могли бы контактировать с ними? Впрочем, я совсем не был бы так уверен, что контактов не было. Вспомните только обо всех этих подземных существах: о троллях, кобольдах, и всем прочем. Нет, это невозможно! Что это я болтаю? И все-таки картина достаточно впечатляющая.

Тем временем изображение на экране оставалось неизменным: сетка слабо светилась, издеваясь над нашим здравым смыслом. Я пытался представить себе улицы, и здания, и существ, которые там ходят, — существ, способных проходить сквозь раскаленные пласты, как рыба сквозь воду. Фантастично... И вдруг я осознал, в каких тесных пределах температур и давлений может существовать человек. Каприз природы — это мы, а не они: ведь почти вся материя, встречающаяся во Вселенной, имеет температуру в тысячи, а то и в миллионы градусов.

— И так, — неуверенно произнес я, — что нам делать?

Профессор взволнованно наклонился ко мне.

— Прежде всего нам нужно узнать гораздо больше, а все дело держать в абсолютной тайне, пока не получим уверенности. Можете ли вы представить себе, какая паника вспыхнет, если об этом узнают? Разумеется, рано или поздно истина откроется, но пусть это произойдет постепенно... Поймите, геологическая полезность моих работ становится теперь чем-то совершенно несущественным. Первая наша задача — построить сеть станций, чтобы исследовать размеры этой структуры. Я думаю, они будут располагаться через каждые 10—15 километров на север, но первую я поставил бы где-нибудь южнее Лондона, чтобы убедиться, как далеко она простирается. Все это предприятие нужно держать в такой же тайне, как и строительство первого радарного заграждения в конце 30-х годов. Я же, тем временем буду и дальше повышать мощность передатчика. Надеюсь, мне удастся еще больше сузить пучок и таким образом значительно улучшить фокусировку энергии. Но здесь возникнет множество трудностей технического характера, так что мне понадобится помощь в гораздо больших масштабах, чем ранее.

Я обещал приложить все усилия, чтобы получить эту

помощь. Профессор Хэнкок выражает надежду, что министр в ближайшее время сможет посетить его лабораторию.

Пока посылаю фотографию экрана, правда, не такую четкую, как непосредственно наблюдаемое изображение, но все же составляющую несомненное доказательство, что наши наблюдения не были ошибкой.

Я хорошо знаю, что дотации, выделенные Компании межпланетных исследований, уже явились бременем для бюджета этого года. Нельзя сомневаться, однако, что даже проблемы межпланетных перелетов отходят на второй план перед необходимостью немедленно начать работы, связанные с описанным здесь открытием, могущим иметь самые неожиданные последствия как для мировоззрения, так и для дальнейших судеб человечества.

* * *

Я выпрямился и взглянул на Карна. Много подробностей я не понял, но общий смысл документа был вполне ясен.

— Да, — произнес я. — Это уже кое-что! Где снимок?

Он подал мне. Качество снимка оставляло желать лучшего, так как его пришлось скопировать множество раз, пока он дошел до нас. Но то, что на нем было изображено, не вызывало никаких сомнений, и я сразу его узнал.

— Они были хорошие ученые, — с изумлением сказал я. — Это Каластеон, нечего и спрашивать. Значит, мы в конце концов докопались до истины, хотя на это нам понадобилось 300 лет.

— Ты удивлен? — спросил Карн. — Подумай только, какие горы материалов нам нужно было переводить, и сколько понадобилось трудов, чтобы скопировать все, пока оно не испарилось!

Некоторое время мы сидели молча, размышляя о великой расе, памятники которой были у нас перед глазами. Только однажды (больше ни разу!) я выбрался наверх по большому каналу, проведенному нашими инженерами в Мир Теней. Это было потрясающее и незабываемое впечатление. Многослойный вакуум-скафандр сильно затруднял движения, и, несмотря на всю изоляцию, я ощутил окружающий меня невероятный холод.

— Как жаль, — задумчиво произнес я, — что, выбираясь туда, мы до конца уничтожили их. Это была мудрая раса, и мы многому могли бы от нее научиться.

— Едва ли нас можно упрекнуть, — возразил Карн. — В сущности, мы никогда не относились серьезно к предпо-

ложений, что что-нибудь может существовать в этих кошмарных условиях, в почти полном вакууме и при температуре, близкой к абсолютному нулю. Ничего нельзя было поделать.

Но я не мог с ним согласиться.

— Мне кажется, это доказывает, что эта раса по разуму стояла выше нас. Как бы то ни было, моего деда высмеивали, когда он сообщил, что открытое им излучение, идущее из Мира Теней, имеет искусственное происхождение.

Карн провел шупальцем по документу.

— Мы несомненно пришли к источнику этого излучения, — сказал он. — Обрати внимание на дату: она на год предшествует открытию твоего деда. Очевидно, профессор выбил эту дотацию. — Он презрительно усмехнулся. — Наверное, для него было большим потрясением, когда он увидел, как мы вылезаем наверх прямо перед ним!

Я почти не слышал, что он говорит, так как меня вдруг охватило очень неприятное чувство. Я подумал о тысячах километров скал, лежащих под большим городом Каластеоном, все более плотных, все более горячих, все более близких к таинственному ядру Земли. И я снова обратился к Карну.

— Это совсем не смешно, — сказал я. — Теперь может наступить наша очередь.

Малькольм ДЖЕМИСОН

ЛИЛИИ ЖИЗНИ

Пробирка, звякнув, упала на пол. Из нее поднялась струйка едкого пара.

Паркс не обратил на это внимания и, схватившись за край стола, протонал:

— У меня с расписанием что-то случилось! Этот припадок должен был начаться только через час...

Новый пароксизм судорог не дал ему продолжать.

Максуэлл, не вставая с места, зорко пригляделся к нему, потом взглянул на часы. Было только 2 часа. Следующую инъекцию они должны были получить в 3. Тем временем припадок у Паркса все усиливался. Руки у него дрожали и вывертывались в конвульсиях, судорогах, и начинался крупный озноб, столь характерный для венерианской болотной лихорадки. Лицо у Паркса потеряло сходство с человеческим — теперь это была маска безумия и смерти с бессмысленным взглядом косящих, расширенных, как в бреду, глаз.

Максуэлл вздохнул, встал и отодвинул стул. Вскоре и с ним самим станет то же, что творится сейчас с Парксом. Он не спеша подошел к аптечному шкафчику, достал два блестящих шприца. Протянул руку к запасу лекарств и наклонил оба. Паракобры не очень помогал, но ничего лучшего до сих пор не было известно. Он положил оба шприца у «стены плача» — железной перекладине, прочно вделан-

ной в толстые столбики, — и подошел к Парксу, стонущему и корчащемуся у своего стола.

— Идем, старина, — ласково произнес он. — Придется пройти через это.

Паркс позволил отвести себя к месту, а долгая практика сделала остальное. Максуэлл ввел иглу и нажал поршень, а Паркс стискивал перекладину так, словно хотел ее расплющить. Максуэлл глубоко передохнул. Теперь его очередь. Он засучил рукав и глубоко вогнал себе в вену янтарную жидкость.

В течение пяти бесконечных минут оба стискивали перекладину, извиваясь и всхлипывая от боли, пока адское снадобье пропитывало им тело, словно вся кровь у них превратилась в расплавленное железо или в смертельно-жгучую кислоту. А потом все кончилось. Судорожно сжатые пальцы ослабли, напряжение в мышцах исчезло, а прерывистый хрип снова превратился в дыхание.

— Я... больше... не выдержу... — пробормотал Паркс сквозь стиснутые зубы.

— Выдержишь, приятель, — мрачно отозвался Максуэлл — Мы всегда так говорим... а все-таки делаем укол. А иначе — ты знаешь?

— Знаю, — тихо произнес Паркс. — Без паракобрина судороги становятся непрерывными и всегда кончаются бешенством. А иначе можно применить петлю, прыжок с небоскреба или мгновенный яд.

— Ладно, а теперь вернемся к работе. Что было в той пробирке?

— Экспериментальный материал № 1104. Впрочем, все равно. Я израсходовал уже весь запас бальзамовой коры. Материала для повторения больше нет. Разве что Хоскинс раздобудет новую партию контрабанды.

— Ну, так не будем говорить об этом. Идем в зал. Может быть, препарат 1103 дал какие-нибудь результаты.

Паркс молча последовал за ним, постепенно снова овладевая собой. В следующий раз он опередит часы. Паракобрин никогда не бывает приятным, но его легче вспрыскивать, когда человек еще остается сам собой, когда припадок еще не начался.

Осмотр зала, как всегда, принес разочарование. Обезьяна в клетке еще корчилась в последних судорогах. Через 2—3 минуты она будет так же мертва, как и недвижная груда морских свинок в соседних отделениях. Последняя из разработанных формул снова не дала результатов. И $\frac{2}{3}$ человечества по-прежнему будут мучиться, так как от болот-

ной лихорадки до сих пор не найдено лучшего средства, чем паракобрин.

Максуэлл заглянул в другие клетки. Есть еще несколько обезьян и морских свинок, так что можно испробовать еще кое-какие лекарства. Нужно большое упорство, чтобы вести такие важные исследования. Неудачи, будь их хоть целая тысяча одна за другой, не имеют значения. Их нужно заранее предвидеть.

— Я думаю, — заговорил он, — мы должны сейчас...

— Я пойду открыть, — прервал его Паркс, услышав осторожный стук, — может быть, это Хоскинс.

Да, это был Хоскинс, межпланетный контрабандист. Он тащил тяжелую сумку и кисло улыбался.

— Дурные вести, джентльмены, — сказал он, опуская сумку на пол. — С Венеры вы больше ничего не получите. Патрули вокруг планеты утроены, усилен контроль на космодромах. Тони попался, так у него отобрали корабль вместе с контрабандой для вас. Его, разумеется, посадили под замок, а груз сожгли. Это значит, что у вас больше не будет ни бальзамовой коры, ни древесных клопов, ни туангитуанги, ни дынь, ни вообще ничего. Шан Дхи бросил свое дело, так что я остался без покупателя. Ликвидирую бизнес. Ничего не поделаешь.

— У вас ничего для нас нет? — ошеломленно спросил Паркс. Он упорно держался теории, что противолихорадочную сыворотку можно получить только из какого-нибудь органического сырья, происходящего с Венеры, где находился первоисточник болезни. Естественных врагов вируса можно было найти только там. Но в последнее время с Венеры на Землю были завезены и другие болезни, и властям пришлось усилить запреты на вывоз оттуда. А без контрабандной доставки органического сырья руки у Паркса и Максуэлла были связаны.

— Есть только вот это. — Хоскинс раскрыл сумку. — Правда, это не то, что вы заказывали, но оно мне подвернулось, и я могу вам уступить. Это из храма томбовов, который Шан Дхи когда-то ограбил. В сущности, нужно бы отдать это в музей, но товар нечистый, а музеи слишком любопытны. Хотите взять?

Он сунул руку в сумку и извлек фигуру. Это был необычный образец темного нефрита, считаемого у диких томбовов священным камнем, и обработка была очень тщательной для этих дикарей. Фигурка изображала одно из древних божеств томбовов, смешное и круглое, сидящее на троне, сложив на животе толстые ручки. На шее у него было

что-то вроде ожерелья из очень крупных жемчужин. На голове — венок из болотных лилий. Лилии росли и вокруг трона, и нефрит, из которого они были изваяны, окрашен каким-то лаком в зеленый цвет. Так же были окрашены и светло-желтые лилии.

— Шан Дхи говорил, что это томбовский божок здоровья из большого храма на болотах Ангра, где племена Ангра совершают свои оргии.

— Уфф! — содрогнулся Паркс. Те, кто видел этот томбовский обряд, говорили, что это зрелище не из приятных. — Нет, нам он, наверное, не пригодится.

— Так ли? — возразил, подумав, Максуэлл. — Бог здоровья, вы говорите? Гм... Мне вспомнилось, что у большинства томбовов не бывает болотной лихорадки, по крайней мере не бывало, пока там не появились наши колонисты. Может быть, это стоит исследовать. Сколько вы за него просите?

— Ничего, — ответил Хоскинс. — Вы были очень хорошими клиентами. Возьмите на память. Но вот этого, — он снова сунул руку в сумку, — я не мог бы отдать даром.

Он достал пригоршню красивых, радужно переливающихся шариков. Они были величиной с пингпонговский мячик и походили на мыльные пузыри — переливчатые, тонкие, хрупкие. Но когда Максуэлл взял один из них в руки, шарик оказался необычайно твердым, хотя и легким, как перышко, и сделанным словно из невероятно плотного хрусталя.

— Что это такое?

— Наверно, какие-нибудь драгоценности, — ответил Хоскинс. — Они из того самого храма. Шан Дхи говорит, что они были на шее у большого идола, словно ожерелье, а связаны между собою были пучками травы. У этого божка — такие же самые.

Максуэлл сосредоточенно разглядывал шарики. Хоскинс требовал тысячу за весь свой запас. Сумма была большая, но что значили деньги для людей, осужденных на страшную, медленную смерть. Шарiki должны иметь какую-то связь с обрядами здоровья у томбовов, а дикий томбов, хоть и препротивная тварь, славится своим здоровьем. Болели и умирали только те из них, которые приобщались к цивилизации. Сомнительно, чтобы сами шарики обладали каким-либо лечебным действием, но они происходили из храма. Значит, они были каким-то символом и, возможно, путеводной нитью к раскрытию нужной тайны.

Максуэлл выдвинул ящик и высыпал туда блестящие шарики.

— Выпиши чек, Паркс. Поиграем в детективов.

Паркс, еще не опомнившийся после приступа болезни, молча кивнул.

Когда Хоскинс ушел, они достали шарики из ящика и внимательно осмотрели их. Потом распределили между собой работу и тотчас же приступили к ней.

Они провели всевозможные опыты, но результаты были, в общем, отрицательными. Шарики, в частности, были устойчивыми к кислотам, а твердыми настолько, что раздавить их было совершенно невозможно. Правда, Макссуэллу удалось распилить один из них: шарик оказался пустым, и только, когда пилка прошла сквозь тонкую оболочку, раздался резкий свист заключенных в нем газов, уходящих наружу. Паркс поспешил взять образец вонючего продукта, но анализ его поставил в тупик. Органические газы на Венере отличались необычайно сложным молекулярным составом.

— Послушай, — крикнул ему Макссуэлл, отрываясь от микроскопа. — Тут у меня образец опилок. Они совсем не кристаллические, строение у них явно клеточное. Шарики — это не минерал, но и не растительная или животная ткань, во всяком случае, такая, какую мы знаем. Попробуем...

— Попробуем они венерианские, — закончил со вздохом Паркс.

Все живое на Венере всегда было головоломкой для исследователя. Там не было четкой границы между флорой и фауной, а в некоторых случаях та и другая переплетались с минеральным царством. Развитие и метаморфоза солитера на Земле казались простыми, как размножение амебы, по сравнению с жизненными циклами на Венере. Парксу был известен один вид водяного муравья, — чтобы ограничиться только одним примером, — у которого оплодотворение происходило путем присасывания к коже угря, а потом муравей выходил на сушу и откладывал яйца. Из яичек вырастали расползающиеся кустики мха. Этим мхом питались странные, бесперые птицы, в кишечнике у них мох превращался в паразитов, по выделении наружу паразиты превращались в ползучих муравьев, потом у муравьев вырастали крылья, и они летели к океану в поисках угрей. И все это было типичным для Венеры примером сложного симбиоза: муравьи каким-то образом оказывались необходимыми для существования угрей, а потом и

птиц — в качестве корма и в качестве пищеварительных ферментов. Ученые, исследуя эти проблемы, запутывались в лабиринте еще более сложных разветвлений.

Максуэлл и Паркс переглянулись, поняли друг друга.

— Да, только это нам и осталось,— произнес Максуэлл.— Хоскинс не может достать для нас больше ничего. Значит, придется ехать туда нам самим. Мне хочется узнать, почему дикие томбо не болеют лихорадкой, почему лилиям считаются у них священными и в чем состоит тайна шариков. Летим на Венеру.

* * *

Они прибыли в порт Ангра в невеселом настроении. Предплечья и ляжки у них распухли и болели от множества профилактических уколов. Кроме того, они должны были письменно отказаться от большей части своих гражданских прав. Несмотря на все предосторожности, земляне не могли оставаться на Венере дольше 2—3 месяцев, не заразившись хотя бы одной из многих царящих там острых эпидемий. А каждая из них раз и навсегда лишает возможности вернуться на Землю. Итак, нужно было взять на себя весь риск, заранее сняв с правительства и со всей администрации всю ответственность.

Общество попутчиков не могло приободрить. Среди них было несколько ученых, участвующих, как и Паркс и Максуэлл, в отчаянной, многолетней борьбе. Остальные были миссионерами, отправившимися, чтобы заменить тех членов миссий, у которых заканчивался трехмесячный срок. С такими же целями летели инспекторы карантинных бюро и представители Синдиката Радионуклидов, осуществлявшие надзор за урановыми рудниками. Большинство их считало свое назначение сюда божьей карой.

Корабль опустился на обширной поляне, вырубленной среди джунглей. Кругом стоял густой, желтый, горячий туман. Зрелище на космодроме было волнующее: один возле другого там стояли рядами паланкины, над которыми развевались заплесневелые, выцветшие флажки со знаком Красного Креста. На носилках покоились люди, которых новоприбывшие должны были сменить, жалкие развалины здоровых мужчин, какими они были несколько недель назад. Все сознавали, что для многих из них доставка в порт была лишь пустым жестом. Кто из них получит разрешение вернуться на Землю, и получит ли кто-нибудь вообще, зависело от мнения врача.

— Приятное местечко,— сумрачно пробормотал Паркс.

— Когда тебя снова схватит судорогой,— ответил Максвелл,— ты не будешь так думать. Паракобрин стирает различия.

Он присматривался к туземцам, стоящим в терпеливом ожидании у носилок. Это были здешние илоты, носильщики тяжестей. Исхудавшие, дрожащие, ибо они тоже болели, и даже тяжелее белых. Инъекции паракобрин здесь делали только землянам, на аборигенов их не тратили. На болотах жило много этих несчастных, и достаточно было обеща-ть им табак — единственного нездешнего продукта, ценного дикарями, чтобы они сбегались толпой по первому же зову. На глазах у Максвелла один из носильщиков забился во внезапных конвульсиях и со стоном упал на болотистую землю. Никто не обратил внимания. Это было самое будничное зрелище. Завтра, быть может, им займются уборщики.

Внешность у томбо была карикатурно человекоподобная, еще карикатурнее, чему у крупных обезьян на Земле. Различие появлялось прежде всего в ступнях, имеющих вид огромных плоских лап: они позволяли ходить по болотам, так что томбо мог без опаски ходить по тонкой пленке, покрывающей густую трясину топей. Пальцы на этих лапах были длинные, суживающиеся к концам, как у утки, и соединялись перепонкой.

Появился начальник порта, вызвал носильщиков для новоприбывших. Он выкрикивал приказания на жестком языке томбо, и носильщики хватались за носилки и трогались в путь, разбрызгивая грязь.

Несмотря на плохую видимость, дорога из порта оказалась очень интересной. У Максвелла возникло странное смущение, когда шестеро дрожащих рабов понесли его на плечах по непроходимым болотам. В то же время его поразила неправдоподобная растительность, окружавшая его со всех сторон. Разнообразно совершенно неизвестных ему видов не было конца, а значит — не было конца и области научных исследований. Однако, учитывая чрезвычайно высокую смертность, трудно было надеяться, чтобы человеку когда-либо удалось ближе изучить необычные формы жизни на Венере. Время от времени появлялись какие-то животные, если это вообще были животные, такие же странные и жуткие, как и фантастически цветущие лианы, дымящиеся кусты и деревья, издающие глухой, металлический, хрипловатый звук надтреснутого колокола.

Мимолетное чувство удовлетворения покинуло Максуэлла, когда караван вышел на новую поляну и миновал низкую, землебитную стену. За стеной находилась группа зданий, и над центральным из них развевался выцветший флаг ОМ — Объединенных Миссий. Рядом были загоны, в которых держали новобранцев-томбо, прежде чем «приготовить» их для невольничьего рынка. Никто из прибывших с Земли даже под угрозой смерти не мог бы работать в здешнем страшном климате, так что рабочей силой были исключительно аборигены. Они добывали уран, носили тяжести, служили средством транспорта, строили дома. Но дикие язычники для всего этого не годились. Нужно было сначала окрестить их.

Максуэлл насмешливо думал о статистике обращений, о тысячах неофитов, ежегодно указываемых в отчетах миссий. Впрочем, это было не душеспасительным предприятием, а экономической необходимостью. Земляне, каково бы ни было их вероисповедание, сходились в одном: в своем естественном состоянии томбо — это ленивый, распутный, бессовестный негодяй. Дикий абориген был законченным мошенником и врожденным убийцей, готовым убивать, когда это придет ему в голову, а убивает он всегда самым жестоким образом. Он не видит цели в труде, так как природа ему дает достаточно пищи. Он сильный и толстокожий, так что физического наказания не ощущает вовсе. Отвлеченные понятия ему чужды, он не создал никакой философии. Словом, для того чтобы он стал полезным, его нужно было окрестить.

Миссия со своим зловещим дополнением — невольничьим рынком — скрылась за поворотом. Впереди показались первые разбросанные постройки Ангры. Миновали амбулаторию со «стеной плача» и снующими туда и сюда сотрудниками в белых халатах. Наконец, остановились перед невысоким зданием, на котором красовалась вывеска: «Бюро координации исследований».

Главный врач был изможденным, с землистым цветом лица и полными отчаяния глазами. Когда Максуэлл излагал ему свою теорию, выражение безнадежности не сходило у него с лица. А когда новоприбывший кончил, врач покачал головой.

— Вздор, — произнес он, — пустая трата времени. Многие уже предполагали, что дикие томбо едят или пьют что-то такое, что дает им устойчивость к болотной лихорадке. Мы самым тщательным образом исследовали все, чем они питаются, исследовали даже отвратительный болотный воз-

дух, которым они дышат. Но результаты всегда были отрицательными. Нет также заметной разницы между группами крови у нас и у них, нет ее и в их реакциях на витамины. В настоящее время мы считаем, что так называемая иммунность томбо основана попросту на естественном отборе. Нынешние обитатели болот — это потомки тех, кто не умер от болезни, и потому они более устойчивы.

— Абсурд! — возразил Максуэлл, которого раздражала уверенность врача. — Что делается с их врожденным иммунитетом после крещения? А оно ведь не влияет на антибиотики. Неужели вам никогда не приходила в голову мысль, что их устойчивость — это результат совершаемых ими тайных обрядов?

— Мы никогда не ведем дискуссий о религии, — жестко произнес врач. — А чем меньше мы будем говорить об отвратительных обрядах болотных дикарей, тем лучше. Уверяю вас, если бы вы знали томбо так хорошо, как мы, то...

Максуэлл махнул рукой и вышел.

— Идем, Паркс. Повторяется история «Знака Черяой Руки». Когда ученый ослеплен предрассудками, он уже не ученый.

В госпитале они расспросили о Шан Дхи, прежнем го-общнике Хоскинса. Шан Дхи был обращенным аборигеном, после краткого пребывания у белых сбежавшим обратно к своему племени. Тотчас после крещения он заболел лихорадкой, но оказался настолько сообразительным, чтобы немедленно убежать. Как двойной отступник, он стал чем-то вроде парии: обе стороны терпели его, но относились недоверчиво. Но в качестве посредника он был очень полезен, так как был единственным среди язычников-дикарей, кто знал обычаи белых и говорил на их языке, хотя, как предупреждал Хоскинс, язык этот был весьма своеобразным.

— Шан Дхи? — спросил дежурный врач, удивленный тем, что порядочные люди могут спрашивать о столь подозрительной личности. — Он, наверное, за решеткой. А если нет, то вы найдете его в районе какого-нибудь притона на окраине, пьяного от занкры. Только советую вам пойти с охраной, если хотите его найти. Когда обращенный туземец сорвался, он идет на самое дно.

— Э, мы и так справимся, — возразил Максуэлл. Анти-томбовские настроения встречались повсюду, но нужно было опираться на указания Хоскинса.

Занкровский притон не был приятным местом: темный, грязный, зловонный. Повсюду на грязных циновках лежали клиенты — белые, не выдержавшие здешних условий и не могущие вернуться на Землю по своему состоянию. Они уже умерли для всего мира, хотя мышцы у них иногда подергивались в неодолимых конвульсиях. Занкра помогала им дожидаться неизбежного конца. Ибо занкра, бессильная терапевтически, позволяла забыться благодаря своему составу — смеси протомезилового спирта с целым рядом сильных алкалоидов. Кроме того, она была дешевой, так как дыни, соком которых она была, продавались за медный грош. Когда Максуэлл и Паркс вошли, один туземец как раз взялся за очередную дыню. Они смотрели, как он презает в ней дырочку и вставляет трубку.

— Мы от Хоскинса, — обратился к нему Максуэлл. — Где сейчас можно найти Шан Дхи?

Томбо внимательно оглядел их и после минутного колебания ответил:

— Я Шан Дхи.

Максуэлл тоже старался рассмотреть его. Они с изумлением увидели, что абориген отличается прямо-таки великолепным здоровьем. Не было даже той легкой дрожи, которая остается и после инъекций паракобрина. А ведь по рукам Шан Дхи было ясно видно, что его когда-то мучили конвульсии: на руках были шрамы от нанесенных себе самому ран, несомненный знак нелеченой болезни. Шрамы были старые и до некоторой степени подтверждали теорию Максуэлла. Этот человек несомненно вылечился, — а это считалось невозможным. Но что его излечило? Неужели возвращение к древним языческим обрядам?

Наладить контакт с Шан Дхи оказалось делом нелегким. Плохо было уже то, что он говорил на ужасном жаргоне введенном первыми миссионерами, и это сильно затрудняло разговор. Но, кроме того, он был подозрителен, упрям и увертлив. По расспросам Максуэлла он сразу догадался, что ученый знает об ограблении храма, и понимал, что если племя когда-нибудь узнает об этом, то его ждет самая мучительная смерть.

— Не знать, зачем лилия, — говорил он, избегая взгляда Максуэлла. — Томбо не едят лилии. Носят. Лилия цветет нехорошо людям Земли. Канкилона выходит из лилии. Люди не любят канкилона. Люди говорят — канкилонга гад... гадкое чудище. Люди убивать канкилона. Канкилона смерть, томбо смерть. Смерть плохо для томбо. Люди лучше не видеть канкилона.

И это было все. Никакими способами нельзя добиться от него ничего другого. А каким «гадким чудищем» может быть канкилона — можно было только догадываться. На Венере это могло быть что угодно — от мухоловки до огнедышащего дракона. Ясно было одно: между лилиями и этим чудищем существует какая-то связь, что миссионеры относятся к чудищам очень отрицательно и что чудища оказывают существенное влияние на здоровье туземцев.

Расспросы о мерцающих, наполненных газом шариках привели к совершенно непонятным объяснениям, получившим смысл лишь гораздо позже. Шан Дхи отчаянно пытался уклониться от разговоров о них, так как, вероятно, в чем-то обманул Хоскинса.

— Светлый шарик не драгоценность, — признался он, в конце концов. — Шарик ничего не стоят. Один день он красивый... шесть, восемь дней потом... нет больше светлый шарик. Исчез. Светлый шарик — тататата канкилона.

— Он лжет, — сказал Паркс. — В лаборатории у нас их 18 штук. Мы их исследовали дольше, чем неделю, и ни один не исчез. Я сказал бы, что они очень устойчивы.

Однако Шан Дхи не пожелал больше добавить ни слова. Максуэлл записал в памяти упоминание о какой-то связи с загадочной канкилоной, но не стал на ней настаивать, а приступил к основному предмету разговора. Не возьмется ли Шан Дхи устроить так, чтобы они могли присутствовать на оргии томбо?

Шан Дхи был буквально ошеломлен. Храмы томбо всегда составляли строгое табу для белых. Они были табу даже для томбо, включая жрецов, и становились доступными только в дни торжественных обрядов. Ни один томбо, разумеется, не решился бы убить белого человека, даже застав его за осквернением священного места: аборигенам были хорошо известны последствия. Но зато судьба Шан Дхи, если бы он попал к ним в руки, превзошла бы своей жестокостью самые страшные кошмары воображения. Шан Дхи готов был красть, носить контрабанду, даже убивать, если ему за это заплатят достаточно щедро табаком, — но этого он сделать не может.

— А разве жрецы томбо не любят табака? — спросил Максуэлл.

Вопрос попал в цель. Шан Дхи заколебался, глотнул занкры и начал высчитывать на пальцах. В конце концов, он согласился.

— Можно сделать, — неохотно заговорил он. — Может, томбо жрец даст Шан Дхи спрятать люди дом бога. Но люди

жрец не любит в дом бога томбо. Люди не любят смотреть томбо есть канкилона. Люди болеть. Люди терять голоза. Люди не надо дом бога. Люди спрятать рядом.

Исследователи торжественно обещали, что будут наблюдать из укрытия, что никому не скажут ни словечка и что заплатят любую разумную цену. Они не намерены ни обращаться, ни высмеивать. Они хотят только узнать тайну здоровья томбо. Шан Дхи отогнал тревогу, и лицо у него даже искривилось в усмешке.

--- Томбо жрец лучше, чем белый жрец. Томбо хочет долго жить здесь. Томбо не хочет долго жить в небе. Небо --- плохо. Очень далеко. Здесь лучше.

Парк и Максуэлл невольно улыбнулись: а ведь отступник во многом прав! Ученые, приносимое миссионерами, да еще искаженное, не могло привлечь существ, страдающих от болезней и угнетаемых тяжелым трудом. Неудивительно, что они предпочитали думать о своем здоровье здесь и теперь, не заботясь о своем будущем на том свете. Поэтому ученые, не споря больше, передали Шан Дхи столько табак, сколько он потребовал.

* * *

Путь по болотным трясинам занял три недели. Часть этого пути они совершили на примитивном челноке, пока не добрались до места, где происходили праздники Долгой Жизни. Шан Дхи показал им знаки, которыми были обнесены места обрядов. Через три дня эти знаки будут сняты, но до тех пор ни один томбо не смеет перейти за них. Однако Шан Дхи двинул свой челнок дальше. Об их прибытии было договорено заранее. Время от времени челн миновал треугольные группы молодых деревьев, среди которых виднелись предостерегающие черепа, украшенные султанами из перьев. Болотистая лагуна суживалась. Теперь они плыли между двумя полями лилий. Шан Дхи объяснил, что такие лилии растут лишь в немногих местах и что срывание цветков на священном поле карается смертью.

Максуэлл внимательно разглядывал растения, но не нашел заметной разницы с земным видом, только стебли были гораздо выше и желтого цвета. А потом он изумился при виде чудовищных мохнатых тварей, ползающих между лилиями. Сначала ему не удавалось рассмотреть их, но потом он смог присмотреться к одному из них подробнее. Это был паук, похожий на огромного тарантула, — отвратительный клубок длинной шелковистой шерсти, покрывающей

округлое, пульсирующее тело величиной с футбольный мяч. Лап у этой твари было десятка два, и они были лохматые, заканчивающиеся когтями. Были также отвратительные жвалы, вроде ножниц, истекающие зеленоватым ядом. Пучок граненых глаз бросал яркие красные и фиолетовые отблески.

— Канкилона, — произнес Шан Дхи.

Паркс содрогнулся. Самый вид этой твари был омерзительен. А Шан Дхи намекал, что томбо едят их.

Лагуна закончилась узкой отмелью. Через минуту лодка зарылась носом в вязкий берег. Это был остров, лежащий в центре священной местности. Они вышли из лодки, выгасили ее на берег и укрыли в зарослях, а потом, забрав багаж, пошли вглубь острова.

В центре находилась обширная поляна, окруженная чащей высоких кипарисов. Под деревьями прятались сотни небольших шалашей. Вдали виднелся храм — удивительное сооружение из серого камня. Удивительное потому, что ближайший материк находился в ста милях отсюда. Только упрямая вера и преданность могли помочь перенести сюда эти тяжелые глыбы. Сейчас ворота храма были закрыты и заперты на засов. Вокруг было пусто.

Шан Дхи занялся прежде всего сооружением укрытия. Это был шалаш из двух отделений, нарочно построенный довольно далеко от прочих. Как терпимый отверженец, Шан Дхи мог участвовать в обрядах, но должен был держаться подальше от остальных верных. В данном случае это было благоприятным обстоятельством: двое белых могли поселиться в заднем помещении шалаша и наблюдать сквозь щели в стенах, а сам Шан Дхи мог спокойно сидеть на пороге, зная, что никто из аборигенов не посмеет приблизиться к неприкасаемому. По мнению Шан Дхи, они не должны были уходить отсюда до самой торжественной ночи пиршества: тогда все томбо будут мертвецы пьяны, и можно будет следить за ними из темноты, заполняющей самый вход в храм.

Максуэлл и Паркс разобрали свои пожитки. У них был запас еды и запас табаку, предназначенного для жрецов. Были и научные приборы — колбы, пробирки, химикалии для опытов и даже спектрограф. Но всего важнее был запас амкул с паракобрином, так как Паркс чувствовал себя плохо и должен был каждый час получать инъекцию. Они тщательно сложили все это и стали ждать.

Последующая неделя не принесла ничего нового и прошла довольно монотонно. Постепенно начали прибывать

томбо, с головы до ног покрытые болотной грязью. С ними были женщины и дети, и все они были навьючены огромным множеством занкровых дынь. Каждое семейство располагалось в своем шалаше, а затем отправлялось на соби- рание племени. Это походило на все подобные сборища дикарей в любой точке Солнечной системы. Не было недо- статка в монотонном грое тамтамов, в разнузданных пляс- ках, в поглощении обильной еды и напитков. Там и сям разыгрывались сцены ужасающего пьянства, но в общем вплоть до начала пятого дня сборище носило характер мир- ного общения. На пятый же день появились жрецы.

С этой минуты все сильно изменилось. Даже самые отъявленные гуляки не валялись в пьяном оцепенении до вечера. Все принялись за работу. Женщины тоже заставили участвовать в ней.

Томбо отправились на болота, покачиваясь на своих плоских перегибчатых лапах. Мужчины несли странные сетки, сплетенные из тонких лиан. За ними шли подростки, неся большие клетки из прутьев. Женщины занялись соби- ранием лилий. Они систематически опустошали поле, сры- вая цветы и листья так, что за ними оставалась лишь вы- сокая щетина толстых стеблей. Лишь с наступлением вече- ра, когда вернулись мужчины, Максвелл узнал, какова была цель их похода. В триумфальном шествии они несли сотни пойманных канкилон, причем пауки визгливым воем про- тестовали против своего плена. Жрецы раскрыли врата ка- нища, забрали пауков и снова заперли врата.

Это продолжалось еще трое суток. И по мере того, как томбо все больше оголяли болота от растительности и уно- сили оттуда ползучих чудовищ, Максвеллу удалось сделать поразительное открытие. В один из этих дней на несколько минут показалось солнце — неслыханная редкость на веч- но пасмурной Венере! — и тогда произошло словно чудо: все болота засияли бесчисленным множеством разноцвет- ных огоньков. Повсюду толстым слоем лежали шарики, такие самые, какие они приобрели у Хоскинса. Их было столько, сколько бывает опавших листьев осенью. Но вот облака наполнили снова, и цветные отблески погасли.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Паркс, смотрев- ший в немом изумлении. — Или то были семена лилий?

— Наверно, нет, — ответил Максвелл. — Они слишком легкие, слишком хрупкие. Семена должны уйти в землю, чтобы взойти. А эти шарики даже в воде не тонут.

Наконец, настал последний день праздника. Мужчины и женщины нарядились в украшения из лилий: в венки,

ожерелья, гирлянды, наплели различные головные уборы. Занкру пили в совершенно невероятных количествах. Дикие пляски длились до вечера, в сумерках пьяные хоры превратились в столь же дикое завывания. Тогда врата капища раскрылись настезь и внутри зажгли факелы.

— Скоро вы увидите пир канкилона, — сказал Шан Дхи. Казалось, его мучают угрызения совести. — Не надо томбо жрец видеть, как люди смотрят, — предостерегающе добавил он. Максуэлл и Паркс повторили свое обещание.

Было уже около полуночи, когда они увидели, что участники обряда слишком пьяны, чтобы замечать что-нибудь. Исследователи вышли из шалаша и направились через поляну, остерегаясь, чтобы не наступить на какого-нибудь из томбо, валяющихся уже без сознания. У порога храма они остановились и заглянули внутрь. Оргия достигла апогея. Теперь они видели, что это за «пир». Двое служителей приюскили барахтающуюся канкилону с оборванными лапами. Жрец брал у них паука и двумя быстрыми движениями отрывал у него слизистые жвалы, бросал в корзину у ног главного божества, а тело швырял в толпу. Происходила короткая схватка, заканчивавшаяся досадливым ворчащем, и потом все с завистью смотрели, как избраннык судьбы впиался зубами в мягкий мешочек с ядом на теле искалеченной твари.

Паркс схватил Максуэлла за плечо.

— Я... я должен вернуться в шалаш, — запинаясь, пробормотал он.

— Что с тобой? — резко спросил Максуэлл. — Не можешь смотреть на это? Но мы ведь не миссионеры какие-нибудь.

— Не в том дело. Я забыл сделать инъекцию. Уже начинаются судороги. Но ты оставайся. Я сейчас вернусь.

Максуэлл позволил ему уйти. Сделать укол вовремя было сравнительно легко, а ему не хотелось упустить ни одной подробности происходящего. Он проследил, как Паркс исчезает во тьме, потом снова обратился к необычайному зрелищу.

Но он не закончил движения. Могучая рука обхватила его, сильный удар мускулистого колена сбил с ног. По широкой, плоской ступне он понял, что нападающим был томбо. Над самым ухом раздался насмешливый и такой знакомый Максуэллу голос: это был Шан Дхи, совершенно лязжкий, в облаке запаха занкры.

— Люди хотеть долго жить, а? — крикнул он. — Ладно, ладно. Люди будут долго жить. Люди пить канкилона сок.

Максуэлл ощутил, что ошалевший томбо с силой перегибает его назад, то и дело раздражаясь бессмысленным смехом. На лице ощутил отвратительное прикосновение чего-то скользкого, волосатого; он не мог перевести дыхание, отчаянно вырывался, попытался крикнуть. Этого только и добивался Шан Дхи. Тонкая оболочка с ядом канкилоны лопнула на зубах у ученого. Он почувствовал, как в рот ему брызнула вонючая маслянистая жидкость, обожгла язык и небо. Максуэлл почувствовал себя опозоренным, униженным до конца. Ему хотелось умереть, умереть тотчас же. Но тогда произошло что-то непонятное.

Отвращение и обморочная слабость исчезли сразу, словно их и не бывало. Вместо того он испытывал какую-то неземную радость, восторг, выходящий за пределы всего, что он мог представить себе. Он больше не был болен и знал, что никогда больше не заболит. Он был могуч, мог бы померяться с самым могучим атлетом. Жизнь казалось ему прекрасной. Он должен был чем-нибудь выразить это. И Максуэлл испустил крик, громким эхом отдавшийся на самом дальнем конце поляны. А потом все вокруг него завертелось. Вспыхнул и погас целый водопад огней. В то же время завывания в храме начали затихать, постепенно замерли. Что было потом — Максуэлл не помнил.

* * *

Он очнулся на рассвете, кажется, это был рассвет следующего дня. Он лежал ничком на истоптанной грязи перед входом в храм. Некоторое время он не шевелился, ожидая неизбежного приступа адской головной боли. После такого острого отравления — подробности вспоминались, как в тумане, — голова должна болеть, да еще сильнейшим образом. Но боли не было. Не было и неприятного вкуса во рту. Максуэлл должен был признать, что чувствует себя превосходно, а это, принимая во внимание обстоятельства, было даже унижительно. Он размышлял над тем, находится ли в здравом уме. Неуверенно попытался встать, ожидая, что его вот-вот охватит дурнота. Но — ничего подобного не было! Самочувствие — превосходное. Отбросив всякую тревогу, он вскочил, но тотчас же пожалел об этом, так как ударился головой обо что-то, чего не видел и что упало с шумом. Он взглянул и обомлел: перед ним лежали три длинные деревянные жерди, связанные лианами и увенчанные пучками разноцветных перьев. Среди перьев на него скалил зубы череп. По-видимому, за ночь кто-то

поставил над ним этот зловещий символ, означающий, что лежащий человек — табу.

Максуэлл взглянул на храм: тот был снова заперт наглухо, на дверях засовы. Поляна вокруг — тоже пустая. В шалашах — ни живой души. Обряд закончился, участники разошлись, и все снова было объявлено табу. Часы у Максуэлла показывали 4 часа пополудни. Значит, он проспал долго.

И вдруг сердце у него дрогнуло: он вспомнил о Парксе. Паркс сказал ведь, что сейчас вернется. Где он теперь? Может быть, Шан Дхи напал и на него? Максуэлл огляделся, но не нашел и следов своего друга. Большими шагами он зашпешил через поляну.

Перед шалашом он остановился как вкопанный. У входа высился такой же знак табу. Кругом были и другие. С высокой жерди скалилась свежееотрубленная голова Шан Дхи, на земле виднелись разбросанные, только что ободранные от мяса кости. Должно быть, Шан Дхи нарушил какой-то строгий запрет и поплатился за это жизнью. Знак был зловещим. Максуэлл задрожал от одной мысли о том, что найдет в шалаше.

Внутри он нашел ужасное зрелище. В обоих помещениях полы были усеяны осколками тщательно разбитых предметов. Большая часть научного оборудования была уничтожена, провизия перемешана с химикатами. Весь запас табаку исчез бесследно, но, что хуже всего, уничтожен запас и паракобрина. Об этом говорили разбитые ампулы и исковерканные шприцы. Грабители, наподобие гитлеровцев, уничтожали все, что не представляло для них ценности.

Но в эти минуты Максуэлл был занят только одной мыслью: он должен разыскать Паркса, чего бы это ни стоило. В конце концов, он нашел своего друга, заваленного грудой изорванной одежды. Максуэлл присел около него на корточки и осмотрел, терзаясь угрызениями совести. Он чувствовал себя убийцей, так как Паркс никогда не выказывал большого энтузиазма к этой безумной экспедиции, а Максуэлл упорствовал о том, чтобы проследить свою версию. Лицо у Паркса осунулось, покрылось смертельной бледностью, а слабые судороги показывали, как он изнемог после целых суток непрерывных конвульсий. Вероятно, он запоздал с уколom и упал, не успев его сделать. Максуэлл должен был предвидеть это и вернуться вместе с ним из храма. Теперь было слишком поздно. Паракобрина у них больше нет. Паркс должен умереть еще до рассвета.

Максуэлла охватило отчаяние. Проходили безнадежные минуты. Потом у него вспыхнула мысль. Он ведь и сам пропустил не меньше двух укусов, а чувствует себя прекрасно! Значит... В следующий момент Максуэлл лихорадочно обшаривал покинутые шалаши. Еще несколько минут, и сумерки перейдут в ночь, так что терять времени нельзя. В третьем шалаше он нашел сетку для ловли канкилон. Затем он отправился на край болота.

Он быстро увидел, что поймать проворную канкилону может только группа из нескольких человек. Первые три паука легко ускользнули от него, четвертый вертелся на месте и оборонялся с дьявольской ловкостью. Максуэлл принял решение наугад. Он не знал, теряет ли яд убитого паука свою силу, но знал, что должен иметь порцию яда, хотя бы слабого, лишь бы поскорее. Он убил ножом мерзкую тварь, подождал, пока она станет неподвижной. Посуды у него с собой не было никакой, так что он оторвал кусок от рукава рубашки и пропитал его ядом, и тогда побежал к Парксу.

— Открой рот, старина, — сказал он, но Паркс не реагировал. Максуэлл ножом разжал ему челюсти, сунул между ними тампон и осторожно, капля за каплей, выжал ему в рот маслянистую жидкость из тряпки. Паркс противился, пытался отвернуться, но был слишком слаб для этого. Максуэлл сжал ему челюсти и заставил проглотить яд. Потом стал ждать.

Действие яда было спасительно быстрым. Уже через две-три минуты дыхание у Паркса, почти незаметное, усилилось, исчезнувший пульс вернулся. Постепенно расслабились напряженные мышцы на шее, лицо разгладилось, на щеках проступил румянец, и вскоре Паркс уснул глубоким, целительным сном. Тогда Максуэлл тщательно обследовал его с головы до ног. Судороги исчезли без следа. Максуэлл облегченно вздохнул и зажег факел. Теперь нужно было отыскать хоть немного пищи.

* * *

Новооткрытое средство оказалось поистине чудесным, но здоровье возвращалось к Парксу очень медленно. Быть может, потому, что болезнь сильно истощила его организм, или же потому, что яд был не вполне свежим. Поэтому полное выздоровление было вопросом скорее недель, чем часов или дней, но за это время Максуэllu удалось сделать много наблюдений.

Он внимательно наблюдал болото. Ему хотелось узнать дальнейшую судьбу хрустальных шариков, о которых Шан Дхи говорил, что со временем они исчезают. Максуэлл надел болотные сапоги, собрал несколько шариков и сложил их в шалаше. В то же время он следил за тем, что происходит у берегов острова.

Почти целую неделю там не происходило ничего. Наконец, Максуэлл ночью обнаружил кое-что. Совершенно случайно он не мог уснуть и вышел на поляну, чтобы подышать воздухом. Тогда он заметил фиолетовое свечение, охватывающее всю поверхность болот. Было так, словно поверхность болота покрылась толстым слоем раскаленных углей, по которым перебегают множество бледных синих огоньков. Максуэлл поспешно вернулся в шалаш, взял факел, надел болотные сапоги и приступил к исследованиям.

Он обнаружил множество ползающих слизняков, с виду похожих отчасти на карикатуру австралийского утконоса. Некоторые из них шумно пожирали стебли лилий, но все остальные лежали, вглядываясь, словно зачарованные, в хрустальные шарики. Причиной иллюминации были их фиолетовые глаза, это не очень удивило Максуэлла, знавшего, что глаза светятся у большинства венерианских животных. Зато его несказанно удивило то, что творилось под действием света с хрустальными шариками. Они уменьшались прямо на глазах, сокращались до размеров бусинки, твердой и сравнительно тяжелой, потом исчезали вовсе. Только пузырьки воздуха поднимались там, где шарики погружались в болото. Максуэлл собрал пригоршню бусинок как раз перед их исчезновением.

На следующий день он разрезал одну из бусин и рассмотрелся к ней. Это было несомненно семечко, возможно, семечко лилии. Еще один пример окольных путей, которыми ходит природа. В своей начальной фазе семечко было явно пустым, а его вес и форма позволяли ему держаться на поверхности болота. Позже, быть может, в результате симбиотического импульса, оно притягивало к себе слизняков. Фиолетовое свечение их глаз каким-то образом оплодотворяло его, плотность у него изменялась, и оно само погружалось в ил на дне.

Исходя из всего этого, Максуэлл решил проверить свою теорию. Ночью он снова вышел на болото, вооружившись пучком сухих веток и спектрографом. Он в точности определил состав фиолетового свечения и длительность облучения семян, потом обозначил места погружения семян, вты-

кая там ветки. Если там вырастут лилии, значит шарики и были их семенами.

На следующий день он превратил свой аппарат в излучатель и, тщательно воспроизведя свечение слизняков, облучил хрустальные шарики, собранные неделю назад. Они уменьшились, превратились в семена. Теперь у него было хоть одно положительное доказательство. Он посадил свои семена и обозначил их место.

Постепенно Паркс выздоравливал. Несколько дней подряд Максуэлл выходил ловить пауков, но их с каждым днем становилось все меньше, и в конце концов они совсем исчезли. Очевидно, дата обрядового праздника была намеренно выбрана так, чтобы совпасть с периодом их максимума. Но когда они появятся снова и каким образом? Размышляя над этим, Максуэлл приступил к исследованию их останков, собранных кучей близ шалаша. Он надеялся узнать что-нибудь о способе их размножения.

Он рассматривал одного паука за другим, но безрезультатно. В конце концов, он обнаружил нечто буквально потрясающее. Это было по всей видимости яйцо; но яйцо канкилоны было одновременно и знакомым ему хрустальным шариком. Теперь у него в руках было еще одно звено всего жизненного цикла, и можно было ожидать дальнейших.

Впрочем, ждать приходилось и по другим причинам. Паркс поправлялся, но несомненно было, что некоторое время он еще не сможет передвигаться самостоятельно, а помощника — Шан Дхи у них больше не было. Максуэллу пришла в голову мысль: не отняли ли разгневавшиеся жрецы их лодку, и он решил проверить это.

Он нашел лодку на том же месте, где они ее спрятали. Он спустил ее на воду и плыл вдоль лагуны, но быстро вернулся, едва достигнув линии треугольных знаков табу, ограждающих заповедник лилий. За этой линией он увидел стоянку подозрительно выглядевших томбо. Это было неприятное открытие.

Но потом он успокоился. Один из аборигенов тоже заметил его, и оба они долго молча смотрели друг на друга. К первому томбо присоединились и другие. Но все они держались совершенно спокойно, не обнаруживая враждебных замыслов ни звуком, ни жестом, а когда Максуэлл повернул лодку и направился к острову с храмом, они равнодушно вернулись к своей стоянке.

Причину появления стоянки отгадал Паркс. Он уже мог говорить и слушал сообщения Максуэлла с величайшим интересом.

— Вся эта история с канкилоной — одна из величайших тайн туземцев, — сказал он. — Они уже познакомились с эгоизмом белых, с безоглядной хищнической эксплуатацией. Они не хотят убивать нас, если бы хотели, могли бы сделать это сразу по окончании обрядов. Но они не хотят позволить нам вернуться в Ангру хотя бы с одним живым пауком, или с его яйцом, или с каким-нибудь другим их секретом. Мы можем выйти отсюда живыми, но с пустыми руками.

— Понимаю, — мрачно произнес Максвелл. — Они знают так же, как и мы, что если бы наша раса узнала о яде пауков, то на болота накянулись бы целые толпы, и ближайший выводок канкилон оказался бы последним. Пауков попросту слишком мало. Им выпала судьба бизонов и других вымерших видов. Но в таком случае мы попали в заколдованный круг!

— Правильно, — согласился Паркс. — Поэтому мы должны проанализировать яд и тщательно исследовать его активные ингредиенты. Но приборы у нас уничтожены. И если нам не удастся унести с собой хоть один экземпляр, то наша экспедиция окажется напрасной.

— Посмотрим, — сказал Максвелл.

За это время там, где затонули шарики, уже взошли побеги лилий. Еще немного, и они превратятся во взрослые растения, а тогда придет пора нового ритуального обряда. Паркс и Максвелл хотели выбраться отсюда раньше. Для этого у них была и еще одна важная причина. Если они не вернутся в Ангру вовремя, то превысят шестимесячный срок своего пребывания здесь. А тогда ничем нельзя будет убедить тупоголовых карантинных чиновников в том, что организмы у них обоих не кишат всевозможными венерийскими вирусами.

Цветение лилий уже начиналось, когда они сели в лодку и направились в обратный путь. Максвелл зацепил веслом пучок растений и сорвал один из цветков. Бутон выглядел странно: не было ни тычинок, ни пестика, цветов был бесполом. Но на одном из лепестков Максвелл заметил какое-то утолщение. Разрезал его. Внутри оказался небольшой нарост. Разрезал и его. И оттуда высыпалось множество крошечных черных мурашек, словно из разворошенного муравейника. Люди присмотрелись к ним: это были малютки канкилоны.

* * *

— Теперь мы знаем уже все, — сказал Максвелл, выбрасывая лилии в воду. — Пауки выводятся из лилий, от-

кладывают яйца, потом появляются слизняки и превращают их в семена лилий. Вот так и замыкается цикл.

— А так как канкилоны — источник здоровья, — подхватил Паркс, — то в период кладки яиц томбо ловят их и съедают. Так называемые сокровища храма — это, вероятно, запасы семян на случай засухи.

— Засуха на Венере? — засмеялся Максуэлл. — Ты с ума сошел! — Но он не понимал, о чем думает Паркс.

На окраине заповедника их остановил патруль томбо. Аборигены были молчаливы, очень серьезны, не применяли силы, но тщательно смотрели все. Они тщательно обыскали лодку, но не нашли никакой контрабанды. Молчаливый начальник указал им общее направление на Ангру. Максуэлл ударил веслами, и лодка рванулась вперед.

— Жаль, — сказал потом Паркс. — Но мы, по крайней мере, излечены. В следующей экспедиции нам может повезти больше.

— Мы совсем не излечены, — серьезно возразил Максуэлл. Болезнь в нас только заторможена. Как мы знаем, томбо совершают свои обряды дважды в год. Но нам повезло больше, чем ты думаешь. И доказательств — вот здесь.

Он показал блокнот, в котором подробно записал характеристики свечения слизняков.

— У нас в лаборатории, — сказал он, — есть большой запас яиц канкилоны, и мы уже знаем, как активизировать их. Мы можем устроить достаточно влажную теплицу и начать с небольших партий. Потом можно будет увеличить масштабы. Не все должны знать, что пользуются растением яда канкилоны. Мы назовем его антиконвульсином или еще как-нибудь в этом роде.

— Ну, это все равно, — ответил с улыбкой Паркс. — Мне кажется, бассейн Конго в этом отношении вполне пригодится.

— Ничто не бывает настолько плохим, как кажется, — произнес Максуэлл.

* * *

Месяцем позже он повторил эту фразу, но уже в другом значении. Они находились на борту корабля, возвращающегося на Землю, и относились к тем немногим, кому здоровье позволило посещать курительную. Рядом с ними рухнул в кресло какой-то миссионер и сразу же засыпал их признаниями.

— Ах, как приятно с божьей помощью вернуться домой! — говорил он, пыхтя от удовольствия. — С этими мерзкими томбо я просто измучился. Уфф! Стадо диких зверей, преисполненных ужаснейшими суевериями и совершающих отвратительнейшие обряды! У наших первобытных предков тоже были всякие страшные обычаи, но в культуре Томбо нет ни единой положительной черты!

—Э, — заметил Максуэлл, прищурившись и слегка усмехаясь. — Этого я бы не сказал.

Л. НАЙВЕН

ИГРУШКА

Дети играли в Шестерного Владыку, перепрыгивая с точки на точку по начерченному на песке шестиугольнику, когда зонд пронизал атмосферу у них над головами. Они могли ощутить его, так как он быстро нагревался, войдя в атмосферу, но ни один из них не взглянул вверх.

Секунду спустя заработали тормозные ракеты.

Ласковый дождь инфракрасного излучения пролился на лимонитовые пески. На сотнях квадратных миль оранжевой марсианской пустыни далеко разбросанные кустики черной травы развернули свои листья, чтобы уловить и сохранить теплоту. У неподвижных существ, затанувших в песке, высовывались и разворачивались всевозможные сажки.

Дети ничего не заметили, но уши у них зашевелились. Эти уши воспринимали скорее теплоту, чем звук; пока дети не вслушивались в какой-нибудь источник тепла, уши у них оставались свернутыми, как серебристые цветы, и прижимались к голове. Теперь они разворачивались, как цветы с черной серединкой, подергиваясь, поворачиваясь, ища. Они повернулись и увидели... яркую белую точку высоко на востоке, медленно опускающуюся.

Дети переговаривались кодированными тепловыми импульсами, открывая и закрывая рты, ведущие в теплое нутро.

— Эй!

— Что это такое?

— Давайте посмотрим!

Они прыжками помчались по лимонитовому неску, забыв о своей игре, смеясь, спеша навстречу тому, что падало с неба.

Оно уже упало, когда они подбежали, и было еще очень горячим. Он был большой, величиной с хижину, темный цилиндр с округлой крышкой сверху и большим горячим ртом внизу. Покрывавший его черно-белый шахматный рисунок придавал ему вид огромной игрушки. Он покоился на трех широко расставленных металлических опорах, заканчивавшихся внизу большими плоскими ступеньками.

Дети начали прикасаться к металлической оболочке, поглощая теплоту и пульсируя от удовольствия.

Зонд задрожал. Движение внутри. Дети отскочили, переглядываясь; каждый готов был броситься наутек, если побежит другой, но никто не хотел быть первым. И вдруг бежать стало поздно. Одна изогнутая стенка у зонда отделилась и стукнула, упав на песок.

Один из ребят выполз из-под нее, потирая плечо и пыша теплом изо рта, этих слов он еще не должен был бы знать. Ссадина у него коротко дымилась паром, потом края у нее сомкнулись.

Маленькое, ярко-белое солнце почти на полпути к закату отбросило в отверстие зонда густую, черную тень. В тени что-то задвигалось.

Дети испуганно ждали.

АБЛ задержался в отверстии, потом выкатился, пользуясь откинувшейся пластиной как аппарелью. АБЛ был нагромождением пластиковых и металлических деталей на низкой платформе, подвешенной между шестью почти шаровидными колесами. Достигнув песка, он остановился словно в нерешимости, потом осторожно выкатился на поверхность Марса, нащупывая свой путь.

Тот, кто ушибся, подскочил и хотел удержать движущийся предмет. АБЛ тотчас же остановился. Ребенок отпрянул.

Вдруг среди них возник кто-то из взрослых.

— ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ? — спросил он.

— Ничего, — ответил один.

— Просто играем, — добавил другой.

— ХОРОШО, НО БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ. — Взрослый казался двойником любого из ребят. Нёбо у него было горячее, чем у них, но повелительность тона зависела не

только от громкости. — КТО-ТО ПОТРАТИЛ МНОГО ТРУДА, ЧТОБЫ ПОСТРОИТЬ ВОТ ЭТО.

— Да, конечно.

Дети столпились вокруг, несколько оробев. Автоматическая Биологическая Лаборатория. Они смотрели, как открывается дверца в стенке цилиндрического корпуса, составляющего верхнюю часть АБЛ. Что-то выстрелило, и высоко в воздух взвился кабель с грузиком.

— Оно чуть не ударило меня!

— Так тебе и надо.

Кабель, облепленный пылью и песком, пополз обратно в дверцу. Один из ребят лизнул его и заметил, что он покрыт чем-то липким и безвкусным.

Двое вскарабкались на медленно движущуюся платформу, потом на цилиндр. Они стояли и махали руками, осторожно балансируя на плоских треугольных ступенях. АБЛ свернул к кусту черной травы, и оба скатились на песок, но один вскочил и побежал, чтобы снова вскарабкаться.

Взрослый недоверчиво следил за происходящим.

Рядом с ним возник еще один.

— ТЫ ОПОЗДАЛ. МЫ ДОЛЖНЫ СОБРАТЬСЯ У КСАТ БНОРНЕН. ТЫ ЗАБЫЛ?

— ЗАБЫЛ. ДЕТИ НАШЛИ ЧТО-ТО ИНТЕРЕСНОЕ.

— НУ ТАК ЧТО ЖЕ?

— ОНО БЕРЕТ ОБРАЗЦЫ ПЕСКОВ И, КАЖЕТСЯ, ХОЧЕТ СОБРАТЬ СПОРЫ. ТЕПЕРЬ ОНО ЗАИНТЕРЕСОВАЛОСЬ ТРАВОЙ. ИНТЕРЕСНО, НАСКОЛЬКО ТОЧНЫ У НЕГО ПРИБОРЫ.

— БУДЬ ОНО РАЗУМНЫМ, ОНО ЗАИНТЕРЕСОВАЛОСЬ БЫ ДЕТЬМИ.

— ВОЗМОЖНО.

АБЛ остановился. Из ящика впереди высунулась телескопическая рука, начала медленно сканировать местность начиная с возвышенности на северо-восточном горизонте, пока не обратилась к оранжевой пустыне прямо позади. Сейчас она смотрела прямо на взбравшегося ребенка. Ребенок хлопал ушами, делал гримасы, выкрикивал бессмысленные слова и высовывал к линзе длинный язык.

— ИНТЕРЕСНО, КТО ЕГО ПОСЛАЛ?

— ЗЕМЛЯ, ДОЛЖНО БЫТЬ. ВЗГЛЯНИ НА ЭТОТ СИЛИКАТНЫЙ ДИСК В КАМЕРЕ, ОН ПРОЗРАЧЕН ДЛЯ СВЕТОВЫХ ЧАСТОТ, ДЛЯ КОТОРЫХ, ВСЕГО ВЕРОЯТНЕЕ, ПРОНИЦАЕМА ПЛОТНАЯ АТМОСФЕРА ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ.

— СОГЛАСЕН.

Выброс повторился, попал в черную траву, и кабель начал уходить обратно. Поднялась прозрачная крышка другого ящика. Ребенок заглянул внутрь, а остальные восхищенно смотрели снизу.

Один из взрослых крикнул:

— ВЕРНИСЬ, ТЫ, НАВЕРХУ!

Ребенок обернулся и помахал ему ушами. В этот момент АБЛ у самого его уха выстрелил тонким рубиновым лучом. На мгновение луч повис в темно-красном небе, как бесконечно длинная неоновая трубка.

Ребенок скатился на песок и спасся бегством.

— ЗЕМЛЯ НЕ В ЭТОМ НАПРАВЛЕНИИ, — заметил взрослый.

— НО ЛУЧ НАВЕРНЯКА БЫЛ ИЗВЕСТИЕМ. МОЖЕТ БЫТЬ, ЧТО-ТО ЕСТЬ НА ОРБИТЕ?

Они долго всматривались в небо, пока глаза у них не настроились.

— НА ВНУТРЕННЕЙ ЛУНЕ, ТЫ ВИДИШЬ?

— ДА. ДОВОЛЬНО БОЛЬШОЙ. А ЧТО ЭТО ЗА КРОШКА ДВИЖЕТСЯ ВОКРУГ НАС? ЭТО НЕ АВТОМАТИЧЕСКИЙ ЗОНД, А КОРАБЛЬ. КАЖЕТСЯ, У НАС СКОРО БУДУТ ГОСТИ.

— НАМ ДАВНО УЖЕ НАДО БЫЛО УВЕДОМИТЬ ИХ О СЕБЕ. ХВАТИЛО БЫ И БОЛЬШОГО ЛАЗЕРА НА РАДИОЧАСТОТАХ.

— А ПОЧЕМУ ВСЕ ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ МЫ, КОГДА У НИХ ЕСТЬ И МЕТАЛЛЫ, И СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ, И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ?

Покончив с пучком травы, АБЛ двинулся с места и покатился к темной черте полуразрушенного кольцевого вала. Дети толпой кинулись за ним. АБЛ снова выбросил липкое щупальце, а когда оно упало, снова начал сматывать его. Один из ребят схватил щупальце, потянул к себе, АБЛ и марсианин затеяли что-то вроде игры в канат, и она кончилась тем, что щупальце лопнуло. Кто-то другой сунул палец внутрь и вытащил его липким. Не успел палец обсохнуть, как ребенок сунул его в рот, испустил радостный импульс и запустил в отверстие язык, в бульон, предназначенный для гипотетических марсианских бактерий.

— ПЕРЕСТАНЬ! ЭТО НЕ ТВОЕ!

Взрослого никто не услышал. Ребенок не хотел расстаться с бульоном и бежал рядом с планетоходом, не отставая. Остальные обнаружили, что если встать на пути машины, то она сворачивает в сторону, обходя препятствие.

— БЫТЬ МОЖЕТ, ЧУЖАКИ ВЕРНУТСЯ ТЕПЕРЬ ДОМОЙ, ДОВОЛЬСТВУЯСЬ СОБРАННОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ? — заметил один из взрослых.

— ВЗДОР! КАМЕРЫ ВИДЕЛИ ДЕТЕЙ. ТЕПЕРЬ ОНИ ЗНАЮТ, ЧТО МЫ СУЩЕСТВУЕМ.

— СТАНУТ ЛИ ОНИ РИСКОВАТЬ ЖИЗНЬЮ И ВЫСАЖИВАТЬСЯ ЗДЕСЬ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО УВИДЕЛИ ДИТХТУ? ДИТХТА — НЕКРАСИВЫЙ РЕБЕНОК ДАЖЕ НА МОЙ ВЗГЛЯД, ХОТЯ ВОЗМОЖНО, ЧТО Я ЕГО ОТЕЦ.

— СМОТРИ-КА, ЧТО ОНИ ДЕЛАЮТ ТЕПЕРЬ!

Бегаая справа и слева от планетохода, устраивая движущиеся «препятствия», дети направляли его к обрыву. Один из ребят все еще сидел у него на верхушке и колотил пятаками по металлическим бокам, делая вид, будто подгоняет чудовище.

— НУЖНО ОСТАНОВИТЬ ИХ. ОНИ РАЗОБЬЮТ ЕГО.

— ДА... А ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОЖИДАЕШЬ, ЧТО ЧУЖАКИ ПРИШЛЮТ ТЕПЕРЬ КОРАБЛЬ С ЭКИПАЖЕМ?

— ЭТО БЫЛО БЫ ТОЛЬКО ЛОГИЧНО.

— ЧТО Ж... БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО ЕГО-ТО РЕБЯТИШКИ НЕ ЗАХВАТЯТ.

Збигнев ДВОРАК,
Роман ДАНАК

СТРАННЫЙ ПАДАЮЩИЙ КАМЕНЬ

В этот день под вечер отважный охотник Ва-хунга из племени Нга-Теме увидел странный падающий камень.

Ва-хунга не раз видел падающие камни. Они не были редкостью в стране, где обитало его племя. Это бывало так часто, что Ва-хунга привык к ним и — к возмущению стариков — начал даже сомневаться в их божественности. Он считал попросту, что демоны, живущие над облаками, забавляются, швыряя камни, за неимением лучшего занятия. Вскоре он восстановил против себя всю орду, но никто не смел его изгнать, так как никто лучше его не умел выслеживать и добывать животных.

Ва-хунга ощущал неприязнь своих одноплеменников, незаметно для орды и для себя самого он стал охотником-одиночкой. Старики молча признали эту новость, и отважный Ва-хунга теперь лишь изредка появлялся в становище орды над Великой Рекой.

Теперь все было иначе: так как Ва-хунга не боялся ни падающих камней, ни стариков, орда начала бояться его; это был страх, смешанный с некоторым почтением.

Охотник-одиночка пошел в своей дерзости еще дальше: из одного падающего камня, свидетелем падения которого был сам, он сделал себе мощную палицу. Он изобрел также копье-метатель и постоянно совершенствовал его.

Ва-хунга предпочитал охотиться близ Красных Скал, у водопада, где речка образовала излучину и разлив, легко доступный для животных. Охотник научился ловко карабкаться на скалы и в случае угрозы со стороны рассвирепевшего хищника умел мгновенно подняться на Красную Скалу, где чувствовал себя в безопасности. Он даже нашел на одной из скал маленькую площадку, доступную только с одной стороны, собрал там запас пищи, камней, копий, так что в случае неуспеха или даже нападения мог укрыться там и поражать врага снарядами, метко кидаемыми вниз. Но случилось и так, что какой-нибудь упорный, злобный и могучий хищник подолгу осаждал его, все время бродя вокруг отвесной скалы, то и дело издавая бешеный рык, царапая скалу когтями, пока Ва-хунге не удавалось особенно метким ударом вынудить его к отступлению; иногда, наскучив бесплодной осадой, зверь уходил и сам.

Ва-хунга был доволен своей судьбой. Одиночества, на которое осудил себя добровольно, он не принимал трагически. Не обижался даже на то, что соплеменники относятся к нему сдержанно и недоверчиво. Если бы он был философом, то признал бы безмятежно, что каждый живет по-своему. Он смутно ощущал эту невысказанную мысль, так что одиночество не наскучивало ему, больше того — позволяло размышлять. Он начинал постигать мир не только чувствами, но и разумом. Это его восхищало, вскоре он понял, что знает гораздо больше, чем его собратья, и очень радовался тому.

Бессознательно, совершенно не умея выразить это, он чувствовал, что его личность изменяется. Он предугадывал направление этой перемены. В нем начали возникать тревога и тоска по чему-то, чего он не мог даже представить себе. Эта внутренняя тревога заставляла его не только спрашивать «почему», но и искать ответов.

Так было и на этот раз, когда Ва-хунга прятался в засаде у тропы к водопаду. Он был голоден. Ему пришлось много дней укрываться на Красных Скалах от саблезубого хищника. Наконец, хищник исчез, очевидно, тоже проголодался и отправился искать другие охотничьи угодья, где добыча еще не напугана. Ва-хунга долго наблюдал окрестности, прежде чем покинуть свое укрытие и сесть в засаду.

Кругом царил тишина. Должно быть, животные еще не знали, что саблезубый ушел отсюда.

Наконец, на опушке далекого леса появилось стадо животных и осторожно, словно в нерешительности, направилось в саванну. Сердце у Ва-хунга забилося живее: это были

антилопы, мясу которых — сочному, нежному, необычайно сытному — нет равных.

При мысли о том, что вскоре снова угостится этим мясом, охотник ощутил трепет во всем теле. Вместе с тем он начал раздумывать, почему у хищников мясо не бывает таким вкусным, как у травоядных.

Но он не смог найти ответ на этот вопрос, не успел добыть даже самого слабого из животных. В тот миг, когда антилопы были уже близко, с неба, громко свистя и гремя, упал камень. Все стадо мгновенно разбежалось в паническом страхе и, пронзительно заржав, кинулось обратно к лесу.

Разочарованный Ва-хунга издал протяжный крик гнева и, выскочив из укрытия, подбежал к месту падения камня.

Камень был необычный. Ва-хунга никогда еще не видел такого. Камень был не такой, как все другие падающие камни. Он был — Ва-хунга еще не умел точнее анализировать свои наблюдения — он был странный. Лежал на почерневшей от сожженной травы земле, дышал паром и издавал необычные звуки: не то шипел, не то стонал и трепетал белыми словно бы крыльями. Ничего подобного отважный охотник Ва-хунга еще не видел. И если бы Ва-хунга не был голоден, если бы самое вкусное мясо не умчалось бесповоротно, то врожденная любознательность наверняка взяла бы верх над гневом и разочарованием. Он начал бы спрашивать «почему» и раздумывать. Но теперь...

Он покрепче сжал в руках палицу и, широко размахнувшись, нанес яростный удар по ненавистному камню, так не вовремя упавшему с неба. Над пустой саванной разнесся возглас торжества. Охотник, опьяненный мщением, крушил и дробил странный камень.

А на соседней планете, о существовании которой Ва-хунга даже не подозревал, другие люди истолковывали удары его палицы как доказательство того, что в этом мире царят чудовищные давления, достигающие сотни атмосфер.

К. МЭКЛИН

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

— Черт! Он действительно занялся этим. Ты слышишь?

Из открытой арки кабины управления падал сверху вниз солнечный луч и доносился голос. Отдаленный голос говорил и умолкал, говорил и умолкал. Слова сливались в неясный гул, но узнать голос было можно.

— Он вышел и проповедует туземцам!

Два инженера перетаскивали машины, но остановились, чтобы взглянуть в сторону голоса.

— Может быть, нет, — произнес Чарли, младший из двоих. — В конце концов, он не знает их языка.

— Все равно, он проповедует, — сказал Гендерсон, старший инженер и навигатор. Он налег ключом на упрямую гайку, ключ соскочил, и у Гендерсона вырвались словечки, от которых Чарли взрогнул.

Во время перелета Чарли часто и тревожно снилось, что Гендерсон задушил пассажира. А один раз приснилось, что он сам задушил и пассажира, и Гендерсона.

Наяву оба инженера тщательно избегали раздражающих слов и жестов, сохраняли приветливость друг к другу и к пассажиру, сколько бы им ни хотелось рычать и кусаться, и старались поддерживать у себя сносное настроение.

Это было нелегко.

Чарли сказал:

— Чем объяснить, что Миссионерское общество дало ему целый корабль? Такому человеку, который действует на

нервы одними своими поучениями, человеку с прирожденным талантом не ладить с людьми?

— Понятно, — проворчал Гендерсон, отвинчивая гайку. Это был мускулистый, коренастый человек с резкими манерами и привычкой терпеливо относиться к чужим странностям. — Миссионерское общество хотело от него избавиться. А дальше, чем с нами, улететь некуда.

Отдаленный голос доносился в кабину из невидимой, освещенной солнцем местности снаружи. Он казался звучным и уверенным.

— Бедняга думает, что это была честь, — добавил Гендерсон. Он вытащил болт, и тот, глухо стукнув, упал на мягкую обивку пола.

— Во всяком случае, — произнес Чарли, ослабляя болт за болтом, согласно инструкции, — он не может пользоваться машинным переводчиком. Машина еще не готова, мы не знаем их языка до конца. Он не может говорить с ними, если они не понимают.

— Разве? — Гендерсон приладили ключом к очередному болту и сердито поворачивал его. — Тогда что он делает сейчас? — И, не ожидая ответа, сам ответил на свой вопрос: — Проповедует, вот что!

В машинном отделении было жарко и душно, и солнечный свет манил наружу.

Чарли приостановился и вытер лоб тыльной стороной кисти.

— Проповедь ему не поможет. Раз они не понимают, то не станут и слушать.

— Мы не слушали, но это не помешало ему проповедовать нам! — резко произнес Гендерсон. — Его счастье, что мы нашли планету для высадки так скоро, — его счастье, что он не свел нас с ума раньше! Такой человек — опасность для корабля! — Гендерсону, как и Чарли, были известны рассказы о кораблях, отлетевших с маленькой командой, а вернувшихся с еще меньшей: с одним или двумя кровавоглазыми сумасшедшими и с коллекцией трупов. Гендерсон был консервативен. Он предпочитал регулярные рейсы и корабли с настоящей командой и многочисленными пассажирами. Только обещание утроенной платы и тройной страховой премии сманило его с больших кораблей на должность инженера в этом странном рейсе втроем.

— О... я ничего не имею против проповедей. — Чарли говорил кротко, но смотрел в направлении голоса странно напряженным взглядом.

— Валяй, парень, говори прямо. Мы должны нежничать друг с другом только в полете, когда заперты все в одной кабине. Старика Гарри не обманешь: тебе это НЕ нравилось.

— Нет, — мечтательно произнес Чарли, и его пристальный взгляд не менял направления. — Не могу сказать, что нравилось. Он проповедник неважный. В барах я встречал получше. — Голос снаружи, казалось, разбудил более глубое эхо. — Он завел переводчика, Гарри. По-моему, надо помешать ему.

Чарли был рыж, долговяз, уверен в движениях, примерно одного возраста с проповедником, Гендерсон, как более опытный, положил ему на плечо предостерегающую руку.

— Я сам, — сказал он и вскарабкался по лестнице в кабину управления.

Здесь царили приятные серые тона, ярко освещенные солнцем, вливающимся сюда сквозь арку раскрытой двери. Открытый проем был защищен только вздувающимся занавесом из прозрачной, пластиковой пленки с ионным покрытием, свободно пропускающей воздух, но полностью задерживающей микробов и мелких насекомых. Инженер повесил свежий респиратор через плечо, взял мундштук в рот и прошел сквозь пластиковую пленку. Она обвила его, замкнула в тесные, липковатые объятия и прилипла у него за спиной к собственной поверхности, заключив его словно в просторный кокон. Тотчас после дверной арки Гендерсон вошел в металлическую раму, похожую на ракетные ворота в человеческий рост, и приостановился там, чтобы она затянула петлю на болтающихся позади него концах пластика, отрезала его от занавеса и заварила разрыв.

Не дожидаясь, пока пластик обовьется и стянется вокруг него, инженер спустился по лестнке, а концы пластика развевались за ним, как воздушно легкие флаги.

Они могли пользоваться этой тонкой пластиковой оболочкой вместо скафандра, так как воздух этой планеты был пригоден и приятен для дыхания, и оболочка была только мерой предосторожности против инопланетной инфекции. Они не были даже уверены что такая инфекция есть, но пластиковый кокон был обычной деталью в карантинных портах, и оба инженера привыкли к нему. Он свободно пропускал воздух, так что Гендерсон мог чувствовать кожей ветер, лишь слегка ослабленный. Бортинженер был в форменных шортах, а ветер был прохладным и приятным.

Вокруг звездолета расстился травянистый луг с негустым лесом, а за ним в одной стороне виднелась синяя черта моря, в другой — туманная, синевато-зеленая гряда низких, далеких гор. Это было так похоже на пейзажи, знакомые Чарли с детства, что молодой инженер заплакал от волнения, когда впервые вышел из корабля. Гарри Гендерсон не плакал, но задержал свои решительные шаги и огляделся, и снова подумал, как невероятно им повезло, если они нашли столь совершенную, столь сходную с Землей планету. Он твердо верил в Судьбу и размышлял о том, что приготовила Судьба для живых существ на этой зеленой планете и почему она выбрала для своих свершений именно его.

На лугу внизу, близ подножья лестницы чернел машинный переводчик, все еще в своем ящике на колесах; одна стенка у него была снята, открывая систему управления. Это был один из самых дорогих, новых, индуктивных языковых анализаторов; их пассажир взял его с собой, ожидая и надеясь найти планету с туземным населением.

Торжествуя успех, пассажир — почтенный Уинтон — сидел, скрестив ноги, на ящике, словно маленький король на большом троне. Он произносил речь, пользуясь плавными, мягкими интонациями опытного оратора, и прозрачный пластик у него на лице почти не заглушал его голоса.

А туземцы слушали. Они сидели вокруг переводчика большим неправильным кругом и смотрели. Они были безволосы, но с пучками шерсти на локтях и коленях. Иногда кто-нибудь приходил и садился слушать.

— Не отчаивайтесь, — звучно, как колокол, возглашал почтенный Уинтон. — Теперь, когда я показал вам свет, вы знаете, что жили во тьме и грехе всю свою жизнь, но не отчаивайтесь...

Машинный переводчик был построен с тем, чтобы усваивать огромное количество слов и фраз на любом языке, давать непосредственный перевод примерно полусотни слов, а на этом основании строить или находить грамматическую схему и печатать учебник туземного языка.

Тем временем он мог перевести всякое слово, в котором был уверен. Накануне Гендерсон нашел значение нескольких туземных слов и ввел их в машину, и теперь она добросовестно переводила их каждый раз, когда они встречались; ее звук был, как звон большого колокола, вторящий голосу проповедника. Этот громовой голос был тихим голосом Гендерсона, записанным через фильтр и усиленным двадцатикратно.

— Я... СВЕТ... ВАМ... ВЫ... ЖИЛИ... ТЬМА... ЖИЗНЬ...
Туземцы сидели на траве и слушали с видом терпеливого удивления.

— Отец Уинтон, — попытался привлечь его внимание Гарри.

Уинтон наклонился к внимательно слушающим туземцам, и в лице у него были кротость и прощение.

— Нет, скажите себе только — я жил в заблуждении, но теперь я узнаю истинный путь к праведной жизни.

Машина в ящике под ним переводила слова своим голосом приглушенного грома:

— СКАЖИ... СЕБЕ... Я... ЖИЛ... ПУТЬ... ЖИЗНЬ...

Туземцы зашевелились. Одни встали и подошли ближе, разглядывая ящик, другие собирались кучками, шептались и уходили маленькими группами, разговаривая.

Гендерсон решил не рассказывать проповеднику, что говорила машина. Но это надо было прекратить.

— Отец Уинтон!

Проповедник наклонился и благосклонно взглянул на него.

— В чем дело, сын мой? — Он был моложе инженера, смугл, сосредоточен и уверен в своей правоте.

— Сын мой, — сказал машинный переводчик своим голосом приглушенного грома. Звуки прокатились и отразились слабым эхом от ближних лесов, и туземцы уставились на Гендерсона.

Гендерсон пробормотал ругательство. Туземцы будут считать его сыном Уинтона! Проповедник не знал, что это может значить.

— Не бранитесь, — мягко произнес Уинтон. — В чем дело, Гарри?

— Простите, — извинился Гендерсон, опираясь руками о край ящика. — Выключите его, хорошо?

— Хорошо, — прогремела машина. Проповедник выключил ее.

— Да, — произнес он, подаваясь вперед. Он был одет ло-старомодному: в обтянутые темно-серые штаны и черную рубашку. Гендерсон ощутил смутную неловкость за свои шорты и открытую волосатую грудь.

— Отец, неужели вы думаете, что поступаете правильно, проповедуя этим людям? Переводчик еще не закончен, а о них мы еще ничего не знаем. Антропологи никогда не заговаривают с туземцем о его обычаях, пока не изучат его племени и образа жизни на протяжении двух-трех поколе-

ний. Я хочу сказать — вы чересчур спешите. Еще рано давать им советы.

— Я пришел, чтобы дать им совет, — мягко возразил Уинтон. — Им нужна моя духовная помощь. Антропологи приходят наблюдать. Они не вмешиваются в то, что наблюдают, так как тогда оно изменилось бы. Но я здесь не для наблюдений, а для помощи. Почему я должен ждать?

Уинтон был весьма искусен в силлогистической логике. Он всегда ухитрялся повернуть дело так, что оказывался логически прав, хотя Гендерсон был уверен, что он почти всегда полностью ошибается. Сейчас, как бывало уже нередко, Гендерсон увидел, что не в состоянии возразить.

— Откуда вы знаете, что им нужна помощь? — неуверенно спросил он. — Может быть, они живут так, как надо.

— Полкоте, — возразил проповедник, обводя рукой весь зеленый простор горизонта. — Это просто дикари, не ангелы. Я уверен, что они пожирают друг друга, или истязают, или совершают человеческие жертвоприношения.

— Человеческие жертвоприношения, — пробормотал Гендерсон.

Слух у Уинтона был чуткий.

— Не играйте словами. Вы знаете, что у них должны быть те или иные гнусные дикарские обычаи. Дикари на Земле обычно справляют оргии и жертвоприношения весной. Здесь сейчас весна. Великий Предначертатель, вероятно, привел нас сюда вовремя, чтобы помешать им.

— Ой, — сказал Гендерсон и отвернулся, чтобы утереть себе лоб сгибом запястья. Его пассажир намеревался помешать весеннему обряду, приносящему земле плодородие. Если такие обряды у здешних туземцев есть, — а это вполне возможно, — то они должны верить, что подобный обряд обеспечивает земле урожайность, или солнцу силу, или посевам рост, или рыбе обилие. Они должны верить, что без обряда лето никогда не вернется и они погибнут от голода. Если Уинтон вмешается, они захотят убить его.

Уинтон следил за ним, недовольный мелодраматизмом его жеста.

Гендерсон снова повернулся к нему, стараясь объяснить.

— Отец, уверяю вас, вмешиваться опасно. Давайте вернемся и сообщим об этой планете, и пусть правительство пришлет сюда разведочный корабль. Если ученые прилетят сюда и найдут, что мы вмешивались в обычаи туземцев, не ожидая советов, — они сочтут это преступлением. Нас будут

протаскивать в научных журналах. Мы будем отвечать за всякий ущерб, понесенный туземцами.

Проповедник вспыхнул:

— Не думаете ли вы, что я трус, боящийся гнева безбожников? — Он снова взмахнул рукой, охватывая этим весь горизонт планеты вокруг них. — Не думаете ли вы, что мы попали сюда случайно? Великий Предначертатель прислал меня сюда намеренно. Я ответственен перед ним, а не перед вами или перед вашими друзьями-учеными. Я исполню его намерение. — Он подался вперед, впиваясь в Гендерсона темным, фанатическим взглядом. — Ступайте оплакивать свою репутацию куда-нибудь в другое место!

Гендерсон отступил, разглядывая своего пассажира, и ему показалось, словно у того вдруг выросли когти и зубы. Уинтон оставался прежним — сосредоточенным, темноволосым молодым человеком в темно-серых штанах и черной рубашке, сидящим, скрестив ноги, на большом ящике, — но теперь он выглядел как-то первобытно, словно доисторический жрец на своем алтаре.

— Антропология не любит ничего такого, — произнес Гендерсон.

Уинтон сверкнул на него глазами с высоты пятифутового ящика плюс еще 3 фута своего сидячего роста.

— Но вы ведь не антрополог, Гарри? Вы механик, инженер.

— Это верно, — согласился Гендерсон, ненавидя его за этот силлогизм.

Уинтон произнес кротко:

— Тогда почему вы не возвращаетесь на корабль к своим механизмам?

— Будут неприятности, — мягко сказал Гендерсон.

— К неприятностям я готов, — ответил достопочтенный Уинтон так же мягко. Он достал из своей сумки большой старинный револьвер и положил его на колено.

Дуло револьвера глядело куда-то посредине между инженером и туземцами.

Гендерсон пожал плечами и направился обратно к лестнице.

* * *

— Что он сделал? — Чарли с чашкой кофе в свободной руке заканчивал проверку регуляторов горючего.

Сердито и молча Гарри прорезал пластиковую оболочку. Он сорвал с себя тонкую пленку, смял ее в комок и бросил в мусоросборник.

— Он сказал, чтобы я занимался своими делами. Так я и поступаю.

Выразительный голос проповедника зазвучал снова, и время от времени машинный переводчик произносил слова на местном наречии; это звучало, как низкий удар гонга.

— Переводчик включен, — заметил Чарли.

— Пускай. Уинтон не знает, что он говорит. — Гендерсон мрачно повернулся к книжному шкафу и вытащил книгу под заглавием «Руководство к наблюдению и поведению на других планетах, с примерами».

— А что он говорит?

— Почти ничего. Из всей длинной речи этого червяка он перевел только «Я — жизнь — путь».

Улыбка младшего инженера исчезла. Для других этого бывало достаточно.

— Так Уинтон не знает, что говорит ящик?

— Он думает, что ящик повторяет все его речи. А сам разводит обычную свою ахиною.

— Надо прекратить это! — Чарли начал подниматься по лестнице.

Гендерсон пожал плечами:

— Так поди и скажи ему, что переводчик не действует. Мне надо было бы самому сказать ему это. Но если сейчас я подойду к нему близко, я его задушу!

Чарли вернулся вскоре, ухмыляясь.

— Все в порядке. Туземцы боятся Уинтона, а ящик им нравится, и они думают, вероятно, что ящик говорит сам по себе, а Уинтон только лопочет что-то бессмысленное.

— Это так и есть, — кисло произнес Гендерсон. — Они правы.

— Ты вроде как не любишь его. — Чарли начал рыскивать в шкафу второй экземпляр справочника для разведочных групп. — Но я понимаю, о чем ты думаешь. Как бы то ни было, я сказал Уинтону, что он производит на туземцев плохое впечатление. Это затормозило его. Затормозило начисто. Он сказал, что отложит проповеди на недельку и будет изучать туземцев. Но сказал еще, что мы должны наладить машину и чтобы она переводила все его слова. — Чарли повернулся, улыбаясь, с книгой в руке. — Так что время у нас есть.

— Время для чего? проворчал Гендерсон, не поднимая глаз от своего справочника. — Уж не думаешь ли ты, что мы можем переубедить Уинтона? Этот болван считает, что вмешиваться в чужую жизнь — его священный долг. А попробуй-ка отговорить какого-нибудь болвана от его священ-

ного долга! Он готов вмешаться в пиршество людоедов! Надеюсь, что он вмешается. Надеюсь, что они съедят его!

— Свинья, — пробормотал Чарли, на мгновение отвлекшийся картинкой. — Для человека она вкусна, для здешних дикарей наверняка покажется невкусной: это разные породы.

— Он говорит, что намерен помешать их весенним обрядам. Если у них есть жертвоприношения или еще что-нибудь ему не по вкусу, он помешает этому!

Чарли оперся кулаками о стол и наклонился к Гендерсону, понижая голос.

— Послушай, мы даже не знаем, есть ли у здешних туземцев весенние обряды. Может быть, если мы посмотрим, то увидим, что их вовсе нет или что Уинтон не сможет помешать им. Может быть, нам не о чем беспокоиться. Только нужно пойти и посмотреть. Мы можем написать, как предполагается, обо всем, что увидим, и журналы напечатают это, когда мы вернемся. Слава и все такое. — И он добавил, заметив выражение лица у Гендерсона: — Может быть, если понадобится, мы сумеем поломать переводчик.

* * *

Сухое время года подходило к концу. Река была мелкая и текла в узком русле, и близ поверхности было много рыбы. Спет работал быстро: выбирал рыбу из ловушек, возвращал пустые ловушки в воду, засаливал рыбу.

Он устал, но ему было приятно вспомнить пиршество и прошлую ночь и предвкушать пиршество нынешнего вечера. Это была пора особых кушаний — трав, кореньев, лакомств из рыбы. Сегодняшнее вечернее пиршество может оказаться последним для него, ибо на горизонте сгущалась дымка и завтра могли начаться дожди.

Один из пришельцев подошел и стал следить за ним. Спет вежливо не обратил на него внимания и продолжал солить рыбу, не глядя на него прямо. Не обращать на незнакомца внимания опасно, но если сделать ритуальный знак мира и согласия, то это могло бы значить, что незнакомец считается принадлежащим к враждебному племени, тогда как он мог быть уже другом. Спет предпочел быть вежливым, так что притворился, будто ему безразлично, наблюдают за ним или нет.

Дымка на небе сгущалась, и солнечный свет потускнел. Спет бросил ловушку обратно в реку ловким движением своих коротких, сильных рук. Если он переживет следующую

неделю, то руки у него будут не короткими и сильными, а длинными и слабыми. Он начал вытаскивать следующую ловушку, искоса поглядывая при этом на пришельца.

Пришелец был очень безобразен. Черты лица у него были уродливы. Весь красновато-бурый, как мертвый лист, совершенно безволосый на локтях и коленях, он блестел, словно покрытый прозрачной водой, но эта вода не стекала с него. Он был невысок и коренаст и двигался быстро, как молодой, но не работал. Очень странный, совсем ненастоящий, он спокойно стоял, следя за Спетом, не нападая на него, хотя мог бы напасть, ибо не сделал знака мира. Значит, он, наверное, не был из враждебного племени.

Быть может, нестекающая вода была иллюзией и значила, что на самом деле пришелец был духом кого-то, кто утонул.

Пришелец продолжал смотреть. Спет уперся ногами в травянистый берег и потянул бечевку ловушки, стремясь выказать свою силу. Он потянул слишком сильно, и одна ячейка в сети лопнула. Пришелец вошел в воду и стянул сеть так, что ни одна рыба не ушла.

Это был поступок друга. Но когда ловушка была благополучно вытащена на берег, то бурый пришелец отступил без слова или жеста и продолжал смотреть, как и раньше, — словно его помощь была обычной помощью одного родича другому.

Это означало, что бурый был его родичем и членом его семьи. Но Спет видел всех своих живых родичей, и никто из них не выглядел так странно. А отсюда следовало, что бурый был духом — духом утонувшего родича.

Спет кивнул духу, переложил рыбу из ловушки в плетеные корзины и засолил ее. Потом присел на корточки, чтобы починить прорванную сеть.

Красно-бурый дух присел на корточки рядом с ним, потом указал на ловушку и издал вопросительный звук.

— Я чиню сеть, дедушка, — объяснил Спет, давая духу своего родича самое почтительное из названий.

Дух приложил руку ко рту, потом указал на землю и снова издал вопросительные звуки.

— Земля еще сухая, дедушка, — ласково сказал Спет, не понимая, что хочет узнать дух. Он встал и закинул ловушку в реку, надеясь что бурый дух полюбуется его силой. Те, которых видишь во сне, часто являються, чтобы сказать что-нибудь, иногда они не могут говорить, но по их взглядам и жестам можно понять, какую весть они несут. Бурый дух имел вид юноши, как Спет, словно он утонул до обряда По-

вешения. Быть может, он явился днем, а не во сне, потому, что Спет должен умереть и присоединиться к духам раньше, чем станет взрослым мужем.

Думать так было страшно. Дымка, сгушавшаяся на горизонте, казалась зловещей.

Бурый дух повторил сказанное Спетом, и почти Спетовым голосом, слегка смазывая слова: «Земля еще сухая, дедушка!» Потом указал на землю и издал вопросительный звук.

— Земля, — сказал Спет, думая о смерти и обо всех слышанных им песнях смерти. Тут он услышал, как дух повторил слово, увидел у него на лице удовлетворение, и он понял, что дух забыл, как говорить, и что его нужно учить заново словно новорожденного.

От этого учивость превратилась в простую, веселую игру. Работая, Спет показывал на все и произносил названия, описывал то, что делал, а иногда пел детские трудовые песни, описывающие работу.

Дух следовал за ним и помогал с сетями, и слушал, и указывал на то, что хотел узнать. Вокруг стана у него обвивалась слепая серебряная змея, которой Спет не заметил сначала, и дух обращал к Спету голову змеи, когда тот пел, а иногда сам говорил змее, делая поясняющие жесты.

Спета очень покорило то, что змее что-то объясняют, ибо все змеи мудры, а слепая змея — это премудрая змея из снов, та, что все знает. Слепой змее не нужно никаких объяснений. Спет отвернулся и не хотел смотреть в ту сторону.

Они с духом продолжали работать, идя вверх по реке, — вытаскивали ловушки, засаливали рыбу и снова забрасывали ловушки, — и Спет говорил о том, что делает, а дух говорил об этом змее, обвитой у него вокруг стана.

Но вот бурый дух протянул слепую серебристую змею к Спету, показав знаком, что тот должен говорить с нею.

В страхе и ужасе Спет упал на колени.

— Скажи мне, Премудрая, если согласишься, — умру ли я при Повешении?

Он ждал, но змея равнодушно лежала на ладони у духа и не шевелилась, не отвечала.

Спет встал и отшатнулся.

— Благодарю тебя, о, Премудрая.

Дух заговорил со змеей, говорил он очень тихо, объясняя ей все осторожными жестами, потом снова обвинил ее себе вокруг стана и помог Спету нести груз засоленной рыбы, ничего не говоря, ничего не показывая.

Солнце почти заходило.

Возвращаясь в хижину своей семьи, Спет проходил мимо Говорящего Ящика. Бормочущий черный дух сидел сверху и бормотал, как всегда, но на этот раз Ящик остановил Спета и заговорил с ним, назвав его по имени, и стал расспрашивать о его жизни.

Спет нес тяжелый груз соленой рыбы в двух корзинах по концам коромысла, лежавшего у него на сильном плече. Он устал. Он стоял посреди луга, где в другие поры года текла река, а серебряная хижина духов бросала на него длинную тень. Ноги у него устали, ибо он долго бродил в реке, а разум устал от того, что бурый дух целый день задавал ему вопросы, поэтому он говорил о том, что было на поверхности его мыслей, и не стал обсуждать погоду и рыбную ловлю. Он объяснил, что должен вскоре умереть. Обряд Повешения, делающий юношей взрослыми, начнется с первым дождем, для него назначенно пятеро юношей, большинство обычно выживает, но о себе Спет думает, что умрет.

Ящик умолк, и дух наверху перестал бормотать: и Спет понял, что это правда, ибо люди умолкают перед лицом правды, о которой не хотят говорить вслух.

Он сделал Ящику учтивый прощальный жест и направился к своей хижине, чувствуя себя очень расстроенным. На вечернем пиршестве все малыши весело поедали рыбу и коренья и толстели еще больше, а тощие взрослые довольствовались кореньями и травами. Спет был только юношей, готовящимся к посвящению во взрослые, и ему нужно было бы хорошо есть, чтобы толстеть и накапливать силу, но вместо того он вышел и взглянул на небо и увидел, что оно хмурится. Он не вернулся больше к пиршеству, но прислонился к стене хижины и дрожал, не в силах уснуть. Прямо перед ним лежали маленькие плоскодонные лодки его семьи, лежали в пыли позади хижины, ожидая счастливых дней дождя. Никогда больше ему не плавать в этих лодках!

Висеть вниз головой — это болезненный путь к тому, чтобы стать взрослым, но кто сумел выжить, тот на это не жалуется. А для него Повешение станет очень неприятным путем к смерти.

Задыхаясь, подгоняемый своей новостью, достопочтенный Уинтон подбежал к двоим инженерам, притаившимся на берегу реки.

— Я узнал... — начал было он.

— Тес, — сказал один из них, не оборачиваясь.

Они смотрели, не оглядываясь и не отрываясь, на маленькое животное у самого берега.

Уинтон подошел ближе и притаился позади них.

— У меня есть новости, интересные для вас. — Он сдерживал голос до шепота, но торжество скрежетало в этом шепоте, как напильник по стеклу, и, услышав его, оба метнулись на проповедника по быстрому, пытливому взгляду, потом они снова обратились к зрелищу у кромки воды.

— Скажете, когда это кончится. Погодите.

Молодой проповедник проследил за их взглядами и увидел четвероногого зверька, большеглазого и острозубого, слегка барахтающегося в поднимающейся воде. Младший инженер Чарли делал с него снимки.

— У него лапы увязли, — шепотом сказал Уинтон. — Почему вы не поможете ему?

— Оно укореняется, — также шепотом ответил Гендерсон. — Мы боимся помешать ему громким звуком.

— Укореняется? — Уинтон был в недоумении.

— У него две жизненные стадии, как у устрицы. Вы знаете, устрица сначала бывает личинкой и плавает свободно, а потом закрепляется и превращается в ракушку. У этого зверька тоже есть стадия закрепления, и она как раз сейчас начинается. Когда вода дойдет ему до шеи, он свернется под водой в клубок, укоренится передними лапами и превратится во что-то вроде водоросли. Сейчас он укореняется задними. Это уже третье наше наблюдение.

Уинтон взглянул на барахтающегося зверька. Вода уже доходила ему почти до шеи. В больших блестящих глазах и мелких оскаленных зубах читались страх и недоумение. Уинтона содрогнуло.

— Ужасно, — прошептал он. — Знает ли оно, что с ним происходит?

Гендерсон пожал плечами.

— По крайней мере, знает, что вода поднимается и что оно не должно убегать. Оно должно оставаться на месте и врыться в дно. — Он заметил выражение лица у Уинтона и отвернулся. — Инстинкт — это могучее стремление сделать что-то. Бороться с инстинктом нельзя. Поддаться ему — приятно. Это не так плохо.

Достопочтенный Поль Уинтон всегда боялся утонуть. Он отважился бросить один взгляд на зверька, готового превратиться в водоросль. Вода подступала тому к шее, и он старался задрать голову и дышал быстро, с тихим повизгиванием.

— Ужасно! — Уинтон повернулся к нему спиной и отвел Гендерсона подальше от берега. — Мистер Гендерсон, я сейчас узнал кое-что.

Он был очень серьезен, но с трудом подбирал слова для того, что хотел сказать.

— Ну, говорите, — поторопил его Гендерсон.

— Я узнал от одного туземца. Переводчик сегодня работал лучше.

— Мы с Чарли недавно ввели в него сотни четыре слов и фраз, записанных дистанционно. Мы расспрашивали туземцев целый день. — В чертах у Гендерсона вдруг отразился холодный гнев. — Кстати, вы, кажется, говорили, что не будете пользоваться переводчиком, пока он не готов?

— Я только проверял его. — Уинтон почти извинялся. — Я не говорил ничего, только расспрашивал.

— Ладно, — Гендерсон мрачно кивнул. — Извините мое замечание. Так что же случилось? Вы здорово чем-то расстроены!

Уинтон избегал его взгляда и отвернулся, словно разглядывая реку с ее купами кустов и деревьев. Потом он обернулся к холмам вдали, и вид у него был неуверенный.

— Прекрасная, зеленая страна. Она кажется такой мирной. Бог щедро оделяет красотой. Это доказывает его доброту. Когда мы думаем, что бог не жесток.

— Ну, так бог на самом деле не жесток, — повторил жестко Гендерсон. — Это и есть ваша новость?

Уинтон вздрогнул и снова обратился к Гендерсону.

— Гендерсон, вы заметили, что здесь есть два вида туземцев? Одни — высокие, худые, медлительные, другие — маленького роста, коренастые и сильные, и они делают всю работу. Коренастых мы видим всякого возраста, от детского и старше. Так?

— Я это заметил.

— Как вы думаете, что это значит?

— Мы с Чарли говорили об этом. — Гендерсон был озадачен. — Это только догадка, но мы думаем, что высокие — это аристократы. Они хозяева низеньких, а низенькие работают на них.

Густые тучи громоздились над дальними холмами, и этим объяснялся медленный подъем воды в реке.

— Низенькие — это дети высоких. Высокие и худые — это взрослые. И все взрослые больны, и потому всю работу выполняют дети.

— Что такое... — начал было Гендерсон, но Уинтон уже овладел своим голосом и горячо продолжал, не сводя взгляда с отдаленных холмов:

— Они больны потому, что с ними сделано что-то. Когда юноши, сильные и здоровые, готовы стать взрослыми, их вешают головой вниз. На много дней, Гендерсон, может быть, больше, чем на неделю, — переводчик не мог сказать, на сколько. Некоторые умирают. Остальные... остальные выглядят очень худыми и длинными. — Он запнулся, с усилием заговорил снова: — Юноша-туземец не мог сказать, зачем это делается и давно ли началось. Это длится уже так долго, что никто из них не помнит.

И вдруг, к неприятному удивлению Гендерсона, проповедник упал на колени, сжал руки и, запрокинув голову, закрыв глаза, разразился молитвой:

— Господи, не знаю почему ты так долго медлил показать им истинный свет, но благодарю тебя за то, что ты послал меня прекратить эту жестокость!

Он быстро встал, отряхнул колени.

— Вы мне поможете, да? — обратился он к Гендерсону.

— Откуда мы знаем, что так будет правильно? — нахмурился Гендерсон. — Мне это кажется неразумным.

— Неразумным? — Внезапный гнев помог Уинтону вернуть себе уверенность. — Ну, Гарри, вы всегда говорили так, словно знакомы с антропологией. Вы, конечно, знаете о церемониях посвящения в зрелость. У дикарей часто бывают обряды посвящения юношей. Это для того, чтобы испытать их мужество. Мальчиков истязают, и кто выдержит пытку без стога, того признают мужчиной и дают ему все права взрослого. Низкая жестокость! Власть всегда прекращали ее.

— Здесь ни у кого нет власти, чтобы запрещать кому-нибудь, — проворчал Гарри. Услышанное от Уинтона описание обряда посвящения потрясло его, и он старался возражать, только исходя из глубокого убеждения, что Уинтон всегда ошибался, а значит — ошибается и теперь. Соглашаться с этим человеком было опасно. Это значило — ошибаться вместе с ним.

— Нет власти? А власть бога?

— Ну, да, бога — сердито возразил Гендерсон. — Если он вездесущ, то, значит, был здесь раньше вас. И он не сделал ничего, чтобы остановить их. Вы их знаете только неделю. А бог — как давно знает их?

— Вы не понимаете. — Темноволосый молодой человек говорил с совершенной убежденностью и даже как будто вырос, выпрямленный своей гордостью. — Ведь это не просто удача, что мы нашли эту планету. Это моя судьба, — мне предначертано заставить этих людей прекратить все эти свои обряды. Я послан сюда богом.

Гендерсон весь побелел от сильнейшего гнева. Два месяца он терпел надменность проповедника, запертый вместе с ним в тесных пределах звездолета, и терпеливо выслушивал его проповеди, не позволяя себе сердиться ради спокойствия на корабле. Но сейчас он был опять под открытым небом, и ему надоела дерзость, и он не намеревался больше сносить ее.

— Вот как? — ядовито спросил он. — Ну, так я тоже участвую в этой экспедиции. Откуда вы знаете, что бог не послал меня, чтобы помешать вам?

Чарли окончил съемку подводного превращения зверька и отошел от берега, складывая свой подводный съемочный аппарат. Он подошел вовремя, чтобы увидеть, как Уинтон ударил старшего инженера по лицу, бросив проклятие, которое заставило бы его разразиться часовым поучением, если бы он услышал его от кого-нибудь из них. Он увидел, как Уинтон повернулся и побежал, но не так, словно убегая прочь, а словно торопясь сделать что-то в порыве внезапного нетерпения.

* * *

Через десять минут Гендерсон кончил объяснять, чем так расстроен проповедник. Они лениво лежали на берегу, глядя в воду, рассеянно отмечая ту или другую интересную форму жизни и любясь отражением заката в водяной ряби.

— Хотелось бы мне пожевать травинку, — произнес Гендерсон. — Тогда было бы похоже на то, как я смотрел на реку, когда был мальчишкой. Но этот пластикат на лице не дает мне ничего взять в рот.

— А травинка может оказаться ядовитой, — Чарли провел рукой по яркой, свежей зелени. Трава была тонкая, жесткая, с узкими, круглыми листьями, как бывает на болоте. — Это не настоящая трава. Это и не настоящая Земля, ты же знаешь.

— Знаю, но хотел бы забыть. И хотел бы я знать, что сейчас делает этот червяк, Уинтон. — Гендерсон перевернулся на спину, лениво глядя в небо. — Я теперь допек его. Заставил действовать в открытую. Больше он не будет принимать со

мною своего надутого снисходительного вида. Может быть, он даже будет теперь называть меня Гендерсоном, а не Гарри.

— Не требуй слишком многого. — Чарли сорвал травинку и рассеянно пытался покусать ее, но ему помешала прозрачная пластикатовая пленка, защищавшая его от местных микробов и фильтровавшая воздух при дыхании. Он отбросил травинку. — Как мог этот червяк стать миссионером? У него все в порядке, он только не умеет водиться с людьми. А для его работы это — не помощь.

— Очень просто, — ответил Гендерсон, глядя в темнеющее, розовое и фиолетовое небо. — Его уговорили стать миссионером для того, чтобы ему захотелось улететь подальше. Только не говори ему. Он думает, что был избран за красноречие. — Он снова повернулся ничком и поглядел на реку. Теперь она была холодного темного цвета, с серебристой рябью. — Туч над горами все больше. А эти облачка над головой могут сгуститься и пролиться дождем. Если река будет продолжать подниматься, то может произойти наводнение. Может быть, нам придется сдвинуть корабль.

— Уинтон говорил, что туземец упоминал о наводнении. — Чарли лениво встал и потягивался. — Так или иначе — уже темнеет. Нам нужно расспросить поподробнее об этой беседе.

Они пошли разыскивать проповедника.

* * *

То, что он рассказал им, было тревожным и неясным.

— Это Спет, — заключил Гендерсон. — Это тот, от кого я учился словам весь вечер. И он сказал вам, что должен умереть?

Уинтон был серьезен и бледен. Он сидел, сгорбившись, у навигационного стола, словно испугавшись собственного решения действовать.

— Да. Он сказал мне, что должен умереть. Сказал, что его повесят на дерево вниз головой, как только начнутся дожди. Потому что он уже достаточно вырос.

— Но он говорил, что другие юноши переживают это? Может быть, он ошибается, говоря о смерти? Может быть, это не так страшно, как кажется?

— Он сказал, что многие умирают, — беззвучно произнес Уинтон. Руки у него неподвижно лежали на столе. Внезапно он загорелся гневом. — О, низкие дикари! Какая жестокость, какая жестокость! — Он повернулся к Гендерсону без всякой своей обычно елейности: — Настройте перевод-

чик так, чтобы он переводил мои слова в точности. Мне не хочется стрелять в них, чтобы заставить прекратить это. Я только объясню им, что богу не угодны их поступки. Они должны понять меня.

Потом он обратился к Чарли, стоявшему рядом:

— Дикари называют меня «Энаксим». Что это значит? Не считают ли они меня божеством?

— Это значит «большой ящик», — резко вмешался Гендерсон. — Они все еще думают, что говорит ящик. Я заметил, что, отвечая, они смотрят на него, а не на человека. За кого они принимают вас — не знаю.

В эту ночь дождя не было. Уинтон позволил себе уснуть только под утро.

* * *

Спету тоже было безразлично, что дождь не начался.

На следующий день он ловил рыбу в реке как всегда.

Река набухла и бежала в берегах высоко и быстро, и ловить рыбу было сначала нелегко, но потом вернулся бурый дух и привел с собой другого, такого же, и оба они помогали Спету вытаскивать ловушки. Новому духу тоже хотелось научиться говорить, так что всем им было очень весело: оба духа проделывали самые обычные вещи, какие часто встречаются в жизни, а Спет говорил им нужные слова и пел песни, чтобы объяснить, что они делают.

Один из них научил его слову на языке духов, и он понял, что это так и нужно, ибо он сам вскоре станет духом.

Идя вечером с рыбой по тропе к хижине своей семьи, он опять проходил мимо Говорящего Ящика. И Ящик снова заговорил с ним и задавал ему вопросы.

Черного духа, обычно бормотавшего на ящике, сейчас там не было, но рядом с Ящиком стоял бурый, только что помогавший Спету ловить рыбу, и тихонько говорил что-то всякий раз, когда Ящик спрашивал Спета. А когда Спет отвечал, то Ящик тихонько говорил что-то духу, обсуждая ответы, словно у них обоих было дело, касавшееся его.

Спет вежливо отвечал на вопросы, хотя некоторые из них были трудные и относились к причинам вещей, о которых он никогда не думал, что им нужна причина, а другие были такие, задавать которые неучтиво. Он не знал, почему они обсуждают его ответы, но это было их дело, и они сказали бы ему, если бы захотели.

Когда он уходил, то бурый дух сделал ему жест уважения и взаимопомощи в работе, и Спет ответил тем же, поль-

щенный и тронутый уважением со стороны духа своего родича.

Он не вспомнил о своем страхе, пока не оказался почти дома.

Начинался дождь.

* * *

Чарли поднялся по лестнице и вошел в корабль, и тогда увидел Гендерсона: тот расхаживал взад и вперед, ссутулясь, сжимая кулаки, и лицо у него было напряженное и тревожное.

— Хи, — Чарли не ожидал ответа. Он дернул за рычаг, который затянул пластиковую пленку у него за спиной, отрезал ее раскаленной проволокой от занавеса и одновременно заварил занавес. Он тщательно собрал и разгладил на себе новый пластиковый кокон, дабы убедиться, что оболочка, которую он носил за пределами корабля, целиком закрыта новым слоем. Вся пыль, все микробы, принесенные извне, должны оказаться заключенными между двух слоев стерильного, асептического пластика.

Он стоял, разглаживая и расправляя оболочку, следя за Гендерсоном не больше, чем с самым незаметным огоньком любопытства в глубине глаз. Он умел отвлечь свое внимание настолько, что человек, работавший с ним рядом, не чувствовал на себе никакого наблюдения, словно одетый в плащ невидимости. Чарли был очень вежлив и учтив, и это было частью его учтивости.

— Как дела? — беспечно спросил он, разрезав свою пластиковую оболочку и выходя из нее.

Гендерсон остановился и взял сигару из коробки на столе жестом свирепого нетерпения.

— Очень плохо, — произнес он. — Уинтон был прав.

— Э? — Чарли скомкал пленку и швырнул ее в мусоросборник.

— Туземцы действительно делают это. — Гендерсон прякнул свою сигару и резким движением закурил ее. — Я спрашивал Спета. На этот раз переводчик не ошибся. Он сказал — да, юношей вешают вниз головой на деревья при первых весенних дождях. Да, это больно, да, некоторые умирают, нет, он не знает, почему или зачем это делается. Ха! — Гендерсон отбросил сигару и снова зашагал по кабине, свирепо оскалившись.

— О, да, переводчик работал прекрасно! Поколение за поколением они истязают так своих юношей, и старше же

могут вспомнить, как и почему это началось, и все-таки продолжают делать...

Чарли облокотился о навигаторский стол, следя глазами за Гендерсоном.

— Может быть, — тихо произнес он, — для этого обычая есть какие-нибудь причины.

— Причины для того, чтобы вешать человека вниз головой на целую неделю? Назови мне хоть одну!

Чарли не ответил.

— Я сейчас из здешнего поселка, — равнодушно заговорил он, словно меняя тему. — Уинтон действует. Он поставил переводчика прямо посреди поселка, а сам сидит сверху и говорит им, что бог на них смотрит, и все такое. Я хотел отговорить его, так он в меня прицелился. Он сказал, что прекратит это подвешивание, пусть даже ему придется убить нас обоих и перебить половину туземцев.

— Так пусть попробует остановить их одними разговорами! — Гендерсон, остановившийся, чтобы послушать, зашагал снова, сверкая глазами. — Болтун! Болтовней тут не поможешь. Болтовня сама по себе ничего не стоит. Я сделаю проще. Я украду Спета и спрячу от них. «Чарли, дикари делают что-нибудь только в нужное время, в такое, какое считают нужным. Мы выпустим Спета через неделю, и никто его не тронет. Они просто будут ждать следующего сезона. А тем временем увидят, что деревья на них не гnevаются и нет никакой другой чепухи. Когда они увидят, что Спету удалось обойтись без этого, у них будет случай увидеть юношу, ставшего здоровым, взрослым мужчиной без всякого подвешивания и вытягивания.

А на следующий год Спет, может быть, и сам догадается спрятаться. И, глядя на Спета и на то, как он выглядит в сравнении с теми, кого подвешивали, — может быть, некоторые юноши, предназначенные к подвешиванию, тоже решатся убежать в лес и спрятаться там.

— Хорошая выдумка, — сказал Чарли, следя глазами за шагающим Гендерсоном. — Не буду напоминать тебе, что ты клятвенно отрекся выдумывать. Но в этом я с тобой, дружище. Как нам найти Спета?

Гендерсон сел, улыбаясь.

— Мы увидим его завтра на реке. Не нужно предпринимать ничего, пока дождь не начнется.

Чарли начал шарить в ящике с инструментами.

— Придется достать пару фонариков. И поторопиться. Нужно найти Спета поскорее. Дождь уже идет — начался почти час назад.

Тьма и дождь, и висеть вниз головой было очень страшно. Не так обрядово и торжественно, как в песнях об этом, но по-настоящему: совершенно так же, как ловить рыбу, и плести хижину, и сидеть за едой с братьями. Весь мир казался перевернутым. Ствол дерева был рядом, толстый и прочный, а земля — над головой, как крыша, поддерживаемая деревом, а небо — под ногами, очень далеко... И при виде облаков, кипящих в глубине неба, он боялся упасть туда. Небо было, как озеро, и он может упасть в него, как камень в воду. Если упадешь в небо, то будешь падать долго-долго — таким глубоким оно казалось.

Дождь шел снизу, с неба, и падал ему под подбородок. Ступни и кисти у него были связаны крепко, но не больно, ибо старики связали его мягкой веревкой из многих прядей и так, чтобы кровь не застаивалась. Руки у него были привязаны к бокам, а кисти — прикреплены к той же веревке, которая держала его за лодыжки; и у него было такое ощущение, словно он стоит с небольшой тяжестью в руках. Он и стоял, но вниз головой. Это было странно удобно. Старики руководились опытом множества поколений и выбрали высокое дерево с веткой высоко над разливом.

Они выглядели мудро и уверенно, и он доверялся им, когда они связывали и вешали его — очень осторожно, тихо-хорошо переговариваясь между собой.

Потом они оставили его, таща свои плоскодонки по земле, которая теперь была крышей у него над головой, и шагая, словно цапли, по тускло освещенной, блестящей почве, которая сейчас выглядела так странно, словно мокрый, шероховатый потолок, поддерживаемый стволами деревьев.

Ровный дождь барабанил по сучьям и молодым весенним листьям, шлепал во все более глубоких ручейках, разбегающихся по земле. Спет знал, что где-то реки выходят из берегов, заливая леса и луга, присоединяясь к дождевой воде. В поселке улица станет грязной, и дети кричат, уже пробуя вести по ней лодки, нетерпеливо ожидая поднятия воды, чтобы увидеть быстрый, холодный разлив, увидеть, как хижины поселка оседают и распыляются, растворяются и исчезают под гладкой водяной поверхностью.

В течение месяца разливов все будут жить в лодках. Его племя поплывет, работая веслами и шестами, вверх по реке вдоль берега, встречаясь с другими племенами, обменивая корзины, рыболовные крючки и засоленную рыбу на солонину, украшая старые сказки и песни подробностями, при-

везенными из дальних краев. Прошлый раз им повезло: они встретили большое животное, захваченное разливом, плывущее и неспособное противиться охотникам. Люди враждебного племени отдали за шкуру половину жареного мяса со своего плота и спели большую песню, которой еще никто не слыхивал. Это было самое лучшее пришествие из всех.

Потом стаи лодочек вернутся на озера, которыми стали леса и луга, и люди снимут больных и умирающих юношей, подвешенных к деревьям, и будут ухаживать за ними, и кормить, и называть «старшими». А потом поплывут снова в поисках еды и будут бороться с бурями, чтобы добывать соль и засаливать мясо утонувших животных, и будут ловить морских рыб в высыхающих озерах.

А когда дожди прекратятся, и земля начнет просыхать, они вернутся на сырую, вязкую землю, чтобы петь и работать и строить селение из мягкой свежей глины, оставленной разливом.

Но Спет уже не увидит этих веселых дней.

Он висел на дереве вниз головой, и дождь хлестал его холодом по коже. Становилось слишком темно, чтобы различить бледное небо. Он закрыл глаза, и под сомкнутыми веками у него поплыли картины и воспоминания, а потом — сны.

«Вот он. Как нам снять его? Ты взял нож? Как к нему подняться? Сколько. Не могу влезть. Подожди, я помогу тебе».

Вспышка света, слишком длительная для молнии, державшаяся целую секунду. Спет проснулся, глядя в темноту, нища уже погасший свет, слушая голоса, говорящие на странном языке.

«Не надо фонарика, он испугается».

«Ты объяснишь ему, что мы делаем?»

«Нет, не сейчас. Он пойдет с нами. Спет уже мой приятель».

«Ну и корни же у этих деревьев! Как ветви!»

«Как у мангровых».

«Ты всегда хвастался, что на Юге есть все. Что такое мангровы?»

«Флоридские болотные деревья. Они растут прямо из глубокой воды. Дай-ка рывку».

«Если такой дождь продержится, то этим тоже понабьются их корни. А высоко ли мы залезем по одним корням?»

«Ты считаешь, что пошутил? Почему бы им и не иметь таких корней? Эта местность заливается водой, глубокой

мидой. Разина должна быть областью дельты. Мы просто жили в сухое время года».

«Что значит — область дельты? Я горожанин, говори со мной яснее».

«Это значит, что мы находимся в устье большой блуждающей реки, вроде Желтой или Миссисипи, которая не знает, куда ей течь, и распадается в устье на множество мелких речек и меняет свое русло с каждой весной. Я заметил, что трава вокруг корабля была похожа на солянку. Надо было догадаться уже тогда».

Близ Спета появилась темная фигура, поползла к ветке, где была привязана веревка. Когда голос заговорил снова, он звучал издали.

«Ты хочешь сказать, что мы посадили корабль в русло реки? Почему ты не сказал ничего, когда мы садились?»

«Не думал тогда». — Этот голос был громкий и близкий.

«Хорошее же время ты выбрал, чтобы подумать об этом сейчас. Я оставил дверь настежь. Поднялся ты?»

«Угу. Отвязываю веревку. Спущу его медленно, а ты лови, чтобы он не треснулся головой, ладно?»

«Ладно. Спускай».

Голоса умолкли, и мир завертелся, и ствол дерева начал двигаться мимо Спета лица.

Вдруг его охватили мокрые руки, и голос бурого духа сказал «Поймал!»

Тотчас же веревка перестала тянуть Спета за ноги, и он свалился вниз головой на бурого духа, и оба они упали на скользкие высокие корни и соскальзывали с одного на другой все ниже и ниже, пока не очутились на размокшей земле. Дух пролаял какие-то короткие слова и начал развязывать сложные узлы на лодыжках и запястьях у Спета.

Странно было сидеть на мокрой земле, покрытой прошлогодними листьями. Даже если стоять вверх головой, лес казался каким-то странным, и Спет знал, что причиной этому была смерть, и запел свою смертную песню.

Бурый дух помог ему встать и сказал отчетливо, обычной речью: «Идем, мальчик, петь ты будешь, когда мы придем домой».

Его товарищ спрыгнул с нижней ветки на высокий корень дерева, соскользнул и упал на землю рядом с ними.

Стоявший дух сказал ему на языке Спета: «Не время отдыхать, Чарли, пошли».

Было совсем темно, и с ветвей стекали обильные струи, ударявшие по телу.

Дух на земле пролаял те же слова, что и дух родмча, и эстал.

Оба направились по лесу, делая Спету знаки следовать за ними. Он размышлял, не стал ли уже духом и сам. Может быть, духи берут его в свою страну, не дожидаясь, чтобы он умер. Это было хорошо с их стороны и было любезностью, — вероятно, по причине родства с ним. Он последовал за ними.

Дождь ослабел и брызгал легко и ровно, как будет брызгать в ближайшие несколько дней. Но идти было трудно: почва была скользкой от мокрых листьев, и земля под ними размягчалась, вспоминая о том, что была частью воды в реке, вспоминая, что река покинула ее только год назад. Духи переговаривались между собой на языке духов; иногда они скользили и падали, помогали друг другу подняться и торопили Спета.

В лесу стояли приятные запахи мокрой земли и молодых листьев. Гризь и вода охладили болевшие ноги, и Спету почему-то захотелось остаться в лесу, сесть и, может быть, уснуть.

Начинался разлив, а лодки у духов не было.

— Скорее, Спет. Мы идем к большой лодке. Скорее, Спет!

Почему они скользят и спотыкаются в лесу, а лодки у них нет? И почему они боятся? Разве духи могут утонуть? Эти духи, казавшиеся всегда мокрыми, — если они уже утонули когда-то, то неужели они должны снова и снова испытывать это и каждый год гибнуть в разливе? Что-нибудь неприятное, однажды случившись, повторяется в снах снова и снова. И тот, кому оно снится, переживает его каждый раз заново. В стране снов нет памяти. Эти духи пришли из страны снов, хотя захотели находиться среди яви. Должно быть, они подчиняются всем законам страны снов.

Он вдруг понял, что они хотят утопить его. Он не может стать духом, как этот дружелюбный бурый дух, не может жить в их мире, пока не умер.

Он вспомнил, как при первой же встрече с ними подумал, что они кажутся мокрыми, ибо утонули когда-то. Они хотят, чтобы он был похож на них. Хотят заманить его в воду, чтобы он споткнулся и утонул, как они.

Понятно, что, когда они торопили, его, их движения выдавали тревогу и виновность. Не так легко торопить друга навстречу смерти. Но чтобы стать похожим на молодого, веселого, бурого и покрытого водой, он должен утонуть, как

утонули они, — молодыми и веселыми, пока Повешение не превратило их в печальных Старших.

Он не хотел показывать, что отгадал их намерения. Спеша вместе с ними туда, где разлив должен был стать всего сильнее, он попытался вспомнить строку, на которой прервал свою смертную песнь, и запел с этой самой строки, чтобы пением прогнать мысли о страхе. Дождь хлестал его холодом по лицу и груди.

Каждый из них был охвачен своими страхами, когда они выбежали на опушку. Инженеры с облегчением увидели, что звездолет еще стоит на своем месте, как светлая башня посреди воды. На месте луга теперь было длинное, узкое озеро, отражающее слабый свет с неба и рябье от дождя.

— Как мы попадем туда — обернулся к ним Чарли.

— Высоко ли стоит вода? Покрыло ли лестницу? — деловито спросил Гендерсон, шурясь сквозь дождь.

— Лестница как лестница. Я вижу, из воды торчит трава. Тут неглубоко.

Чарли осторожно шагнул раз и другой в серебристую воду. Ноги у него ушли в упругую, губчатую траву, вода запенилась у щиколоток, но не выше.

— Тут мелко.

Они двинулись к кораблю. Нужна была храбрость, чтобы погружать ноги в воду, поверхность которой намекала на невидимые глубины. Несильное течение трогало их за лодыжки и становилось все глубже и сильнее.

— Гендерсон, постойте!

Все трое остановились и обернулись на крик. Тропинка к селению была близко, она отходила от леса к берегу далекой реки, серебристой водяной дороги среди темных кустов. По тропе спешила, спотыкаясь, темная фигура, окруженная серебряным блеском поднимающейся воды. На бегу от ее ног расходились волны.

Уинтон подбежал к опушке, где кусты оканчивались и начинался луг; он увидел озеро, в которое превратился луг, и остановился. Остальные были уже футах в 30 от него.

— Гендерсон! Чарли!

— Идите, тут неглубоко! Скорее! — Чарли настойчиво махнул рукой, заставляя его следовать. Они стояли в 30 футах от него среди ровного серебра поднимающейся воды. Она доходила им уже почти до колен.

Уинтон не шевельнулся. Он взглянул на блестящую водную поверхность, и голос у него поднялся до пронзительного крика:

— Это озеро, нам нужно лодку!

— Здесь мелко, — крикнул Чарли. Дождь сыпался в воду, покрывая ее мелкой, быстро исчезающей рябью. Оба инженера колебались, оглядываясь на Уинтона, чувствуя что-то неладное.

Голос у Уинтона упал, но его хриплость выдавала такое отчаяние, словно он продолжал кричать.

— О, прошу вас... Я не умею плавать...

— Ступай за ними, — обратился Гендерсон к Чарли. — У него фобия. Я отведу Спета к кораблю, а тогда вернусь помочь тебе.

Чарли уже спешил, разбрызгивая воду, к неподвижной фигуре у опушки. Приблизившись достаточно, он закричал:

— Почему вы ничего не сказали? Мы чуть не забыли вас. — Он подошел и пригнулся перед ошеломленным, неподвижным проповедником. — Ну, садитесь. Вот вам такси.

— Что такое? — спросил Уинтон тихим, слабым голосом. Вода плескалась все выше.

— Лезьте мне на спину, — нетерпеливо бросил Чарли. — Я вас повезу.

— Дома растаяли, и они уплыли в лодках и бросили меня одного. Сказали, что я злой дух. По-моему, они все-таки совершили Повешение, хотя я говорил им, что это грек. — Голос у Уинтона звучал невнятно, но он взобрался к Чарли на спину. — Дома растаяли...

— Говори громче, не лопочи — пробормотал Чарли.

* * *

Звездолет высился вертикально в центре неглубокого, серебристого озера, которое раньше было лугом. Дверь его была открыта, нижний конец лестницы покрыт водой. Вода тащила Чарли за лодыжки, когда он бежал, а дождь хлестал его по лицу и груди.

Все это было бы приятно, если бы не страх утонуть, нараставший даже в Чарли, и не серебристость новорожденного озера, сулившая впереди неведомую глубину.

— Кажется, здесь течение, — заметил Уинтон, усиливаясь говорить спокойно. — Странно, вода здесь кажется вполне уместной, как будто это место — русло, а деревья — берега.

Чарли промолчал. Уинтон был прав, но человеку, болезненно боящемуся утонуть, незачем было знать, что они пересекают русло, в которое вернулась река.

— Почему вы бежите? — спросил человек, которого он нес.

— Хочу догнать Гендерсона.

Как только они очутятся в корабле и герметизируют дверь, на воду снаружи можно будет не обращать никакого внимания. Очитившись внутри, не нужно говорить Уинтону о том, что было снаружи. Звездолет превращался в хорошую подводную лодку.

Вода доходила Чарли до колен, и он бежал, тяжело покачиваясь. Уинтон нервно подбирал ноги, чтобы не коснуться воды. Пластикат, в который они окутывались, был полупроницаем для воды, и оба промокли.

— Кто это с Гендерсоном?

— Спет, юноша-туземец.

— Как вы смогли уговорить его уклониться от обряда?

— Мы нашли его повешенным и сняли.

— О! — Уинтон помолчал, пытаясь осилить тот факт, что инженерам удалось спасти кого-то. — Это совсем другой подход. Я говорил, но они не захотели слушать. — Тон у него был извиняющийся, а голос прыгал и обрывался, когда Чарли спотыкался под водой о кустики или траву. — Они даже не отвечали, даже не посмотрели на меня. Когда вода поднялась, они уплыли в лодках, а мне не оставили ни одной.

Чарли снова споткнулся и упал на одно колено. Оба забарахтались по грудь в воде, а потом Чарли снова очутился на ногах, крепко держа за лодыжки своего пассажира, плотно сидящего у него на спине.

Когда Уинтон заговорил снова, голос у него звучал спокойно, хотя и слишком высоко.

— Я просил у них лодку, но они даже не взглянули на меня.

Чарли не ответил. Он уважал старания Уинтона скрыть свой страх. Прикосновение воды — это ужас для человека, одержимого боязнью утонуть. Он не мог придумать ничего, чтобы отвлечь внимание Уинтона от опасности, но отчаянно надеялся, что тот не заметит, что уровень воды повышается. Бежать выше колена в воде — невозможно. Спешить больше не было возможности. Дождь окутывал все своей густой дымкой, но Чарли показалось, что он видит, как далекие фигурки Гендерсона и туземца достигают лестницы, ведущей в звездолет.

Если сейчас налетит волна разлива, то Гендерсон и Спет еще смогут попасть внутрь; но как ему самому убедить человека с фобией сойти с его спины в воду и плыть? Он словно увидел, как костлявые руки охватывают его горло истерически мертвой хваткой. Если утопающий вцепится в вас, вы должны оглушить его и тащить на буксире. Но как

стащить в воду этого не умеющего плавать человека, чтобы его можно было оглушить?

Если Уинтон не мог взять себя в руки настолько, чтобы войти в мелкую, до лодыжек воду, то еще меньше он сможет сойти в воду, доходящую почти до шеи. Он наверняка будет цепляться! Чарли не видел логического выхода из положения. Ощущение сильных, костлявых рук, охватывающих ему шею и плечи, и звук быстрого, судорожного дыхания человека, которого он нес, заставляли его чувствовать себя в ловушке.

Вода поднялась еще на дюйм или около того, и за ноги стало тянуть сильнее. Течение увлекало их в сторону.

— Мы замедлили, — голос у Уинтона был хрипом ужаса.

— Незачем спешить, — Чарли с трудом отыскивал дыхание, чтобы говорить как обычно. — Мы почти пришли.

Завеса дождя приподнялась на мгновение, и они увидели звездолет, черный на фоне неба, и лестницу, ведущую к открытой двери. Лестница сильно укоротилась, наполовину уйдя в воду. До нее казалось еще далеко.

Пока он смотрел, там вспыхнул свет.

* * *

Добравшись до входа в корабль, Гендерсон повернул выключатель, и лампы вспыхнули.

Спет был поражен. Из хижины духов вдруг брызнул солнечный свет и заиграл лучом на падающих дождевых каплях. Капли сверкали в нем белыми искрами. Это было совсем не похоже ни на что настоящее, но во сне солнце может встретиться с дождем, а в стране снов не нужно удивляться ничему. А эти существа, вероятно, всегда жили в стране снов, так что могли творить чудеса и в стране яви.

Но все же Спет встревожился, ибо солнечный свет был не таким, как всегда, а падал на волнующуюся, рябую от дождя воду широким, расходящимся лучом. Солнце с дождем не может смешиваться.

— Солнце, — сказал Спет духу своего родича, словно оправдываясь.

Бурый дух кивнул и повел его вверх по лестнице сквозь странный, сверкающий солнечный луч, и лестница под ногами казалась жесткой и непривычной.

— Не входи, пока я не вернусь, — сказал дух, с трудом произнося слова, и положил его руки на поручни лестницы. — Держись и жди меня, — сказал бурый дух когото из его родичей и спустился в воду.

Спет спустился вслед за ним, пока его болевшие ноги не покинули конца лестницы и не очутились в мягкой, холодной грязи; и тогда он послушно схватился за поручни и стал ждать. Вода охватывала его стан плещущим объятием, а ветер пел над ним смертную песнь.

Яркий блеск странного солнечного света на пляшущей воде был красив, но глаза у Спета начали болеть от него. Он закрыл их и тогда услышал еще один звук, кроме ветра. Два звука.

В одном звуке он узнал первую волну разлива, пробивающуюся сквозь деревья на севере, приближающуюся к ним; и он знал, что должен поспешить и утонуть раньше, чем она придет сюда, потому что она мощная и причиняет боль.

Другим звуком был голос черного духа, того, что всегда бормотал, сидя на Говорящем Ящике. Спет открыл глаза и увидел, что черный дух едет на глечах у бурого, а тот и его друг, второй бурый дух, приближаются по пояс в воде к Спету и к лестнице.

Черный дух все время бормотал, и Спет слегка встревожился при мысли, что он причинит им несчастье своими заклинаниями, ибо у этого духа замыслы могут быть не теми же, что у дружественных бурых духов.

— Спет, поднимайся с нами по лестнице. Там, внутри, сухо. Не смотри так, бояться больше нечего. Мы войдем туда и закроем двери, и вода не попадет к нам. Идем, Спет!

Черный дух вдруг спрыгнул по лестнице вниз со странным воплем:

— А-а-ийй... Он превращается в водоросль! Скорее вытаскивайте его из воды! На помощь!

Дух с черной кожей и белым лицом, должно быть, хотел утащить его к себе в темную страну. Крича, он сбегал по лестнице к Спету. Слишком поздно: Спет знал, что безопасно попадет в туманную страну утонувших вместе с пришедшими за ним дружественными духами. Он почувствовал, как его ноги укореняются в грязи, как корни уходят все глубже, и его охватила горячая радость, когда он понял, что это так и нужно, что это нужнее и естественнее, чем превращение в высокого, унылого Старшего.

Он ощущал недостаток воздуха и задыхался, вытягивая его в легкие. Как раз в тот миг, когда крючковатые пальцы черного духа впелились ему в шею, Спет набрал достаточно воздуха и наклонился, окунаясь в темную, ласковую воду, уходя прочь от болезненной красоты яркого света и движущихся форм. Вода сомкнулась над ним, и звуки исчезли.

Он еще чувствовал костлявую руку черного духа у себя на шее, но успел увидеть и бегущих к нему бурых и знал, что они не позволят причинить ему вред... а потому оставил всякие страхи и наклонился глубже в темноту, и погрузил руки с растопыренными пальцами глубоко в грязь, и схватил ими себя за лодыжки, словно всегда знал, как это делается. Пальцы сомкнулись, и разжать их было уже нельзя. Они никогда не разомкнутся больше.

Он ощутил мягкий толчок, когда первая волна разлива прошла над ним; и он позабыл обо всем и со смешанным чувством ужаса и уверенности в том, что поступает правильно, открыл рот и глубоко вдохнул холодную воду.

Все мысли оборвались. Как только вода ворвалась ему в легкие, окоренившееся водяное существо — давно забытая взрослая форма Снетова вида — начала вести лишенную мыслей, псевдорастительную жизнь. И его внешность изменилась.

Первая волна разлива почти достигла порога входа в корабль. Она захлестнула двоих инженеров, тащивших в дверь третьего, кричащего человека, но в самый корабль она не попала, а когда прошла, то трое людей еще были на лестнице. Один из них ударил кричавшего, и они внесли его внутрь.

* * *

У Уинтона некоторое время была истерика, но Гендерсон казался вполне нормальным. Он хорошо работал и разумно составил короткий отчет для Комитета по исследованию планет, а когда вода сошла, он руководил очисткой дюз от грязи и перезарядкой камер сгорания, и все это — без всяких признаков нарушений в логике.

Он не хотел говорить ни с кем из туземцев и уходил в корабль, когда они появлялись.

При отлете с планеты Уинтон был еще сильно возбужден, но в пространстве успокоился и выздоровел. Но он не хотел говорить о случившемся. Гендерсон казался вполне нормальным, и Чарли тщательно умалчивал о том, что старший инженер держит в машинном отделении за стеклянкой загородкой большой куст.

С этого времени Гендерсона стали считать немного чужаком. На большие лайнеры его решаются брать, так как там есть и другие инженеры на случай, если он вдруг свихнется.

У него всегда есть работа, но куда бы он ни летел, он всегда берет с собою огромный куст в горшке, и ставит его в машинном отделении, и ухаживает за ним, и угощает водой и удобрениями. Товарищи никогда не шутят с ним на эту тему, так как это небезопасно.

Когда Гендерсон остается один или думает, что один, он разговаривает со своим кустом. Разговаривает ласково и убедительно. Но куст никогда ему не отвечает.

Они с Чарли сталкиваются иногда, когда их корабли оказываются в доке одного и того же космопорта, на одной и той же планете. Они пьют и шутят вместе, но Чарли следит, чтобы никогда не очутиться на одном корабле с Гендерсоном. При виде Гендерсона рядом с его кустом он пергничает.

Это не тот куст, но он никогда не скажет Гендерсону об этом.

* * *

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Г. Б. Файф. Ценность условна	3
Д. Гордон. Честность — лучшая политика	15
Ф. Броун. В дозоре	33
Э. Ф. Рассел. Тайна мистера Визеля	35
Б. Бейли. Корабль, плавающий в океане космоса	40
А. Кларк. Огонь изнутри	51
М. Джемисон. Лилии жизни	61
Л. Найвен. Игрушка	84
З. Дворак, Р. Данак. Странный падающий камень	89
К. Мэклин. Нечеловеческое жертвоприношение	92

Тайна мистера Визеля. — М.: Приложение к журналу «Техника—молодежи», выпущено при участии РМЦ «Творчество», 1990. 128 с., без ил. — (Библиотека «Техника — молодежи»).

В сборнике, переведенном Зинаидой Анатольевной Бобырь, представлены ранее почти не публиковавшиеся рассказы зарубежных авторов, исследовавших в разное время проблемы контакта с внесемными цивилизациями. Здесь и приключенческая фантастика, и попытка исследовать внутренний мир героев, юмористические ситуации, возникающие из-за философских различий молодых цивилизаций.

ТАЙНА МИСТЕРА ВИЗЕЛЯ

Альманах научно-фантастических рассказов
приложение к журналу «Техника—молодежи»

Перевод **З. А. Бобырь**

Художник **В. И. Барышев**

Технический редактор **Н. А. Коноплева**

Корректор **Ю. Чижова**

Сдано в набор 4.10.90

Формат 84×108 1/32. Цена 3 р. 50 к. Бумага офсетная № 2.

Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. листов 5,88

Подписано в печать 31.10.90. Заказ 1733. Тираж 100 000 экз.

Типография Хозотдела Минэнерго СССР, Москва, Китайский пр., 7

